

¹1932 год

1 января. Наступивший Новый год, если пройдет благополучно, будет во многих отношениях знаменателен для нас с женой: в нем мне исполнится 50 лет, будет также 25 лет нашей свадьбы. Нужно будет справить эти годовщины. Раньше в Китае мы при встрече Нового года всегда надеялись: ну, уж в этом году мы вернемся в Россию, а теперь перестали говорить и думать об этом...

2 января. Сегодня – выборы уполномоченных Русской национальной общины. Уполномоченные – это своего рода гласные, представители местной эмиграции. Я был в свое время организатором общины в Тяньцзине и принимал близкое участие в ее делах, но теперь я далек от нее.

3 января. Воскресенье. Дома идет генеральная приборка, предпраздничная, жена работает изо всех сил: что-то варит, печет, заготавливает наливки и настойки. Одно утешение: все это как будто у себя дома, на родине. Утверждаем русский быт в чужой стране.

4 января. Сегодня поползли по городу слухи о событиях в Харбине. Слухи пока темные и неясные.

5 января. Газеты дали сегодня первые сведения о харбинских событиях. По этим сведениям в Харбине едва ли не произошел «бунт» русских эмигрантов. Видимо, китайские издевательства над белыми, русскими вообще, переполнили чашу терпения, и произошел взрыв. Я прожил в Китае уже одиннадцать лет и скажу: нет на свете чиновника более мерзостного, пакостного, лихоимного, чем в этой стране. Разве только наша сановная коммунистическая дрянь может выдержать сравнение в этом отношении.

6 января. Сочельник. Был у всенощной в Св[ято-]Иннокентьевской церкви. Народу было полно. Была давка...

7 января. Рождество Христово. Сделал семь–восемь визитов. Жена сидела дома и принимала визитеров. Был с крестом о[тец] Сергей Чан* с диаконом о[тцом] Федором Дэ (албазинцем)*. Все было, одним словом, в порядке.

8 января. Почти весь день были гости и визитеры. Праздники начали утомлять меня.

9 января. Сведения из Харбина говорят как будто бы о том, что в недавних выступлениях здесь против китайцев принимали участие русские: не только эмигранты, но и советские². Сведения эти нуждаются все же в проверке.

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 1, folder 3. Л. 22–149 (последняя дата от 31 июля 1932).

² «Московский корреспондент “Кельн Цайтунг” подтверждает сообщение о столкновениях в Харбине между русскими и китайцами. Дело происходило так. Какой-то русский мальчик взял из витрины китайской лавки сухарь. Полицейский задержал ребенка и отвел его в полицию. Родители мальчика, сопровождаемые толпой русских (“белых”)

10 января. Воскресенье. Хороший безоблачный день: в полдень термометр на солнце показывал ноль градусов. Дней через 10 кончится китайская зима, дело пойдет к весне.

11 января. Вечером был в шахматном клубе, в кафе Карацаса. Сыграл пять партий, четыре выиграл и одну сделал вничью. Лучшие игроки клуба – русские.

12 января. Закончил чтением «Золотую ветвь» Фрэзера. Это одна из самых интересных книг по истории первобытных магии и религии. Сегодня играл в шахматы с Mr. Naurog, чемпионом Гонконга, и обыграл его.

13 января. Обещанного из Америки чека на 200 америк[анских] долларов нет и нет. Почему, не знаю. С деньгами становится все труднее и труднее.

14 января. Давно не получаю ни от кого писем: переписка как-то сократилась и с некоторыми лицами приостановилась, а может быть, и оборвалась. Так, давно не получаю известий от И.А.Якушева* из Праги, от А.А.Пурина из Хулудао и некоторых других лиц.

15 января. О харбинских событиях много пишут в газетах: постепенно выявляется провокационная роль красных.

16 января. Нахожусь в апатии и прострации: как-то ни за что не хочется приниматься, нет ни к чему интереса. Со скуки сегодня снова долго играл в шахматы.

17 января. Воскресенье. У нашей квартирантки Лидочки Страндберг были гости. Один из гостей информировал меня о том, что в Харбине ведутся разговоры о создании антибольшевистского правительства.

18 января. Кажется, пора приняться за какую-нибудь работу.

19 января. Сегодня – Крещение. Праздник прошел, однако, как будни...

20 января. Справил сегодня свои именины. Вечером собралось до десятка гостей. Были пельмени. Немножко выпили и повеселились, даже потанцевали под виктролу.

21 января. Жена возобновила сегодня чтение лекций по истории русской литературы на курсах родинovedения. На лекции народу было маловато.

22 января. Видал сегодня новогодний номер русской газеты «Мукден»¹. Газета носит японофильский характер и, вероятно, издается на японские средства. Редактором ее является известный генерал Клерже*. В Харбине выходит японская газета «Харбинское время» на

последовали в полицию. Несколько позднее русские – “белые” и “красные” – стали возводить на улице баррикады. Были стычки с полицией. Начальник китайской полиции, нужно думать по настоянию японцев, принес извинения. Русские, однако, не удовлетворились, обратились во все иностранные миссии с протестом против гонений и потребовали назначения международной анкетной комиссии». (Последние новости. 1932. 7 янв.) «В городе продолжает чувствоваться тревожное настроение, и китайские власти на всякий случай ввели в ночное время военное положение, и ночью по улицам можно ходить только со специальными пропусками [...]» (Слово. 1932. 15 янв.)

¹ Мукден: Ежедневная вечерняя газета. 1930. № 1 (14 дек.). 1933. Выходила нерегулярно.

русском языке¹. Газета, говорят, большая и интересная: в ней много правды пишется о Китае и китайцах. К сожалению, газета эта совершенно не проникает сюда: китайская почта не пропускает ее внутрь Китая. Проникают сюда только отдельные номера в порядке контрабанды. До сих пор мне не удавалось видеть газету.

Сегодня я получил сведения, что и в Тяньцзине проектируется издание японофильской русской газеты. Во всяком случае, некоторыми лицами ведутся с японцами переговоры в этом отношении. Выйдет ли что-нибудь положительное из этих переговоров, пока еще трудно сказать. События, кажется, складываются так, что русской эмиграции в Китае придется пойти рука об руку с японцами, независимо от того, хотела бы этого эмиграция или нет.

23 января. Газеты начинают уделять внимание роли эмиграции в [альне]восточных делах. Сегодня в «North China Star» была помещена телеграмма «United Press» под заголовком «Soviet Fear Whites collaborating with Japan in Manchuria». Телеграмма содержит ряд выдержек из советских газет со злобными выпадами по адресу русской эмиграции в Маньчжурии. Не начнется ли развязка с Востока — вот о чем следует подумать теперь. *Ex oriente lux* освобождения?

24 января. Воскресенье. Собираюсь написать еще один рассказ из китайской жизни под названием «Отвоеванное благополучие». Литературные мои дела обстоят неважно: за прошедший 1931 год я напечатал только статью «Outer Mongolia today» в нью-йоркском журнале «Foreign Affairs» и три рассказа из китайской жизни в шанхайской газете «Слово». Это были рассказы «Проделки чужа», «Блуждающие души» и «Красные пики». Прибавлю сюда еще две—три корреспонденции из Тяньцзиня, напечатанные в «Слове» же, одну—две маленькие статейки там же, и этим исчерпывается все, что мне удалось опубликовать в прессе за 1931 год. Моя литературная работа за этот год, однако, не ограничивалась упомянутым выше. Я написал на английском языке исследование «Russian Investments in China», закончил составлением моих мемуаров за 1917—1922 год, написал мемуары за 1901—1916 год, составил на английском языке описание курорта Пэйтиайхо и на русском языке две работы «Текущий китайский фольклор» и «Реликвии Албазина». Может быть, написано и немало, но, к сожалению, нет больших надежд на то, что все написанное будет напечатано. В данный момент в расходе у меня находятся следующие рукописи: 1). В Америке — Мои воспоминания, 1917—1922 годы, на русском языке, и исторический очерк «Albazinians» на английском; 2). В Шанхае — рассказ «Свадьба Городского бога»; 3). В Пекине — статьи «Текущий китайский фольклор» и «Реликвии Албазина», присланные сюда для «Китайского благовестника». Более всего меня, конечно, интересует судьба моих мемуаров за 1917—1922 годы, посланных в Америку. По поводу их доктор Фишер из Станфордского университета пишет мне в своем последнем письме следующее: «Если

¹ Харбинское время: Газета. Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве. № 1 — сент. 1931. Редактор Ж.Осава при участии Б.П.Шилова, затем К.Фурусавы. Закрыта в июле—сент. 1945 г.

я буду в состоянии достать средства, необходимые для того, чтобы перевести Ваши мемуары, я, конечно, приложу все старания, чтобы опубликовать их. Настоящее трудное экономическое положение повлияло также и на работу издателей, равно как и на других предпринимателей. Это означает то, что теперь труднее найти издателя, который взялся бы издать серьезный труд, который не будет иметь особенно широкого распространения. Если я буду в состоянии перевести Ваши мемуары и если мне не удастся убедить какого-нибудь издателя взять на себя печатание их на обычных условиях уплаты автору «роялти», то единственным остающимся способом для издания этих мемуаров явится получение субсидии для такого издателя... Не скажу, чтобы это все были утешительные для меня заключения. Поживем все же, увидим.

25 января. Сражался сегодня с сержантом Колером, шахматистом-чемпионом местного американского полка. Сыграл две партии и обе выиграл.

26 января. Получил письмо от Васильева-Дубровского в Шанхае. Пишет, что И.А.Якушев собирается перенести издание «Вольной Сибири» из Праги в Шанхай.

27 января. Сегодня узнал, что архив покойного доктора Русселя (Судзиловского)* отправлен в Прагу в распоряжение Русского Заграничного Исторического архива. Мои настояния увенчались, таким образом, успехом. Почта из Харбина поступает сюда крайне неаккуратно: уже давно я не получаю писем от Р[усского] З[арубежного] И[сторического] Архива в Праге.

28 января. Получил сегодня письмо от Н.Н. Fisher'a проф[ессора] Станфордского университета в Калифорнии. Он, между прочим, сообщает мне, что первый том его труда по истории Гражданской войны в Сибири выйдет из печати в этом году.

29 января. События на Д[альнем] Востоке принимают грозный оборот. Сегодня вечером получены сведения: в Шанхае идет бой между японцами и китайцами. Чапей¹ горит. Японцы вызывают подкрепления. Около Харбина идет бой между китайцами-сторонниками японцев и их противниками. В беспорядках в Харбине убито несколько десятков русских. Южная ветвь Китайской Восточной жел[езной] дороги будто бы захвачена японцами. Сведения ошеломляющие: не знаю, насколько только они отвечают действительности.

30 января. Газеты сегодня действительно сообщили ряд сенсационных новостей. Сведения о Харбине не совсем ясны.

31 января. Воскресенье. Получил письма из Праги. Почта шла 19 дней, что можно признать почти нормальным. Простудился: сильно донимают кашель и насморк.

1 февраля. Новости из Шанхая и Харбина идут потрясающие. Трудно предугадать что-нибудь даже на ближайшие дни. Несизвестно, как все эти события отзовутся на русской эмиграции. Мы, эмигранты, предоставлены сами себе и своим силам. В случае опасности ни одна держава не сочтет для себя нужным позаботиться о нас. Будь,

¹ Пригород Шанхая.

что будет — вот лозунг наш. Мы с женой уже давно стали фаталистами и верим в судьбу, от которой не уйдешь.

2 февраля. Среди эмигрантов-обывателей идут разговоры о том, кто стоит за кого: одни заявляют, что они за китайцев, другие — за японцев. Вопрос рассматривается пока что с практической точки зрения: при ком будет легче жить? Легче раздобыться какою-либо работой? Местные русские евреи, мне кажется, настроены против японцев. Почему? А, пожалуй, просто потому, что японцы идут и наступают в Китае вместе с белогвардейцами, как об этом чуть не ежедневно утверждают большевистские газеты!! Удивительно все же русские евреи в Китае ведут себя с политической точки зрения. Отдельно — почти каждый еврей, особенно из числа бывших буржуа в России, против большевиков (и это не удивительно, ибо и его в свое время большевики ограбили!), а все вместе взятые они за большевиков. По-видимому, такова линия поведения мирового еврейства вообще. Чем, какими соображениями это объясняется, трудно сказать... Я понимаю, что русские евреи не могут пойти нога в ногу с белыми русскими эмигрантами, ибо последние на 95% монархисты, а монархизм вообще не на руку евреям. Но, если против монархистов, почему надо быть тогда за коммунистов? Неужели нет ничего третьего? К чему такой экстремизм вообще? Я как-то, лет пять тому назад, беседовал здесь, в Тяньцзине, с одним видным местным русским евреем Г[ершевичем Л.И.], лидером еврейской общественности здесь, и прямо спросил его, почему евреи держатся про-большевистской политики. Ответ, который я получил, был примерно таков: во-первых, мы имеем некоторые торговые дела с Советской Россией. Во-вторых, мы имеем там своих родственников и близких. А в-третьих, и это самое главное, большевики ввели равноправие наций и держатся его... Конечно, последнее соображение является самым существенным, но и оно, по моему мнению, не может быть решающим: разве демократы-республиканцы (скажем, к примеру) были бы в России против принципа равноправия национальностей? Думаю, нельзя руководствоваться евреям формальной точкой зрения, и я не советовал бы им кидаться в объятия мерзавцев только потому, что эти мерзавцы, видите ли, сторонники равноправия евреев. При царизме антисемитизм гнезвился в верхах общества и почти не имел распространения в народных низах, теперь же, при коммунизме, его нет в верхах Советского общества, но зато он широким морем разлился по народным низам. Такова фактическая сторона дела. Большевики и тут сумели поставить вопрос вверх ногами, наоборот, против того, что было при царизме! Пусть евреи и сообразят, приведет ли к их национальному благу их поддержка советского деспотизма в России?! Был у них один умный человек, доктор Пасманик*. Да и тот умер недавно...

3 февраля. Газеты принесли известия, что японцы начали бомбардировать Нанкин, столицу Китая¹. Правительство перебирается в Ляоян, новую столицу страны.

¹ Произошел авиационный налет с японского авианосца «Ноторо».

4 февраля. Начал писать свою новую работу по китаеведению: «К вопросу о шаманизме в Китае». Вероятно, эта работа займет у меня около недели времени.

5 февраля. Получены сведения, что 4 февраля утром японские войска вошли в Харбин.

6 февраля. Сегодня китайский Новый год. Праздник проходит не так торжественно, как за прошлые годы. Виной тому — депрессия, беспорядки, японское нашествие. Ночи накануне Нового года в старые годы обычно ревели и стонали от шума взрывающихся хлопушек и треска горящих фейерверков. Ныне, по случаю тревожного времени, употребление хлопушек было властями запрещено. На концессиях они взрывались, но не так часто и не в таком большом количестве, как это бывало ранее.

В Шанхае японцы заняли форты Вузуна. Известие это, впрочем, нуждается еще в подтверждении.

7 февраля. Воскресенье. По болезни сижу дома.

8 февраля. Закончил свою статью «К вопросу о шаманизме в Китае». Теперь возникает вопрос, где смогу я поместить ее в печати. Этот вопрос гораздо легче поставить, чем ответить на него! Для газет статья не годится. Она слишком специальная, к тому же она и не подходящая по своему размеру. Она может быть помещена только в журнале. Но где? Единственным на Д[альнем] Востоке журналом, где моя статья может быть напечатана, является «Вестник Маньчжурии» в Харбине, издающийся Китайской Восточной ж[елезной]д[орогой]¹. Но этот журнал находится в настоящее время в большевистских руках, и нет охоты туда соваться.

9 февраля. Отправился утром на почту, чтобы сдать мою очередную бандероль в Прагу, в Чехословакию. К удивлению, мою бандероль не приняли к отправке ни в каком направлении: ни *via America*, ни *via Siberia*. Виной тому события в Шанхае и в Харбине. Как бы не дожидаться здесь, в Китае, полной изоляции от остального мира! В полдень пришли из Шанхая все же два номера газеты «Слово» от 31 января и 1 февраля. Газеты содержат множество потрясающих сообщений о шанхайских событиях. Из них я узнал, что генерал Глебов* по поручению властей Французского септльмента в Шанхае формирует Русский волонтерский корпус². Случайными пулями ранены трое русских во-

¹ Вестник Маньчжурии: Журнал (Харбин) — еженедельный орган Экономического бюро КВЖД. Первоначальное название «Экономический вестник Маньчжурии». № 1. 28 января 1923 г. Учитывая большое значение издания, КВЖД решило с 1 января 1925 г. назвать его «Вестник Маньчжурии» и выпускать ежемесячно в большем объеме. Ключевыми темами были вопросы торгово-промышленного характера и сельского хозяйства. В журнале существовали следующие разделы: общий отдел, на Китайской Восточной железной дороге, по Маньчжурскому краю, по Китайской республике, по Советскому Союзу и библиография. В журнале принимали участие экономисты и востоковеды А. Тихонов, В. А. Кармазов, Л. И. Любимов, В. И. Сурин, Э. Э. Анерт, Е. Е. Яшнов, А. Е. Герасимов, В. Г. Кудреватов, А. Я. Авдощенко, А. И. Погребецкий, А. И. Гражданцев, В. Н. Жернаков, Н. А. Сетницкий, А. А. Митаревский и др. С 1933 г. журнал издавался дважды в месяц. В нем появился раздел «Научная хроника стран Дальнего Востока».

² Шанхайский русский полк учрежден 21 января 1927 г. как Русский отряд, который вошел в состав Шанхайского волонтерского полка, занимавшегося охраной иностран-

лонтеров английских войск. По газетным сообщениям, в Харбин как будто вступили 5000 японских солдат¹. Вечером от скуки уплелся в кино, где смотрел знаменитую картину Чарли Чаплина «Огни города». В Чаплине есть что-то от русского Иванушки-дурачка.

10 февраля. «North China Star» публикует отчет Муниципального совета Британской концессии. В отчете имеются сведения о составе учеников в 1931 году в English Grammar School. Ученики и ученицы по национальности распределялись следующим образом: англичане — 208, русские — 108, американцы — 50, поляки — 9, китайцы — 6, греки — 7, татары — 5, французы — 5, швейцарцы — 4, датчане — 3, итальянцы — 3, шведы — 3, испанцы — 3, чехословаки — 3, армяне — 2, голландцы — 2, немцы — 2, турки — 2, австрийцы — 1, бельгийцы — 1, эстонцы — 1, литовцы — 1, монголы — 1. Всего 430 человек. Под «русскими» здесь подразумеваются, по крайней мере на 3/4, евреи. Много обучается русских затем в двух местных французских колледжах, принадлежащих католическим монахам. Единицы из них обучаются в Американской и немецкой школах здесь. Прибавив сюда затем Русскую прогимназию и Еврейскую школу, мы получим те семь школ, в которых русские дети (говорим о детях бывших подданных бывшей царской России) получают свое образование. В Русской прогимназии около 100 учащихся об[оего] пола, в Еврейской школе — около 50. В последней школе преподавание ведется на английском языке. Мне кажется, что во всех школах Тяньцзиня обучается не менее 400 русских мальчиков и девочек.

11 февраля. Ввиду вздорожания цен на привозные вина начинает понемногу развиваться местное виноделие. Инициативу в этом отношении проявляют здесь опять-таки русские. Сегодня, гуляя утром, я зашел в недавно открытый погребок «Ogognis», где копошились какие-то русские люди восточного типа. В погребок готовится много бочек разного виноградного вина. Десертное белое вино продается за два доллара четверть (3 бутылки). Кроме погребка «Ogognis» виноделием занимаются еще здесь двое русских: Голоколосов и Гнадеберг*. Не так давно я купил у Гнадеберга бутылку малачи за доллар. Малачи оказалась превосходного качества. Почти все русские хозяйки начали делать настойки и варить наливки.

ных концессий. 1-й командир Н.Ю.Фомин, затем Г.Г.Тиме и С.Д.Иванов. 19 октября 1928 г. реорганизован в Русскую волонтерскую роту ШВК (Russian detachment S.V.C.). Неоднократно участвовал в наведении порядка и защите мирного населения. 16 февраля 1932 г. получил название Шанхайский русский полк, численность составила 19 офицеров и 438 солдат. 16 января 1941 г. переименован в Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции. Расформирован в 1947 г.

¹ «Русские антибольшевики устроили здесь [в Харбине] манифестацию в честь японского экспедиционного отряда. Манифестанты шли с русскими национальными флагами. Генерал Тамон принял делегацию, которая заявила, что считает занятие Харбина избавлением от китайского ига, при котором русских третировали как рабов. Делегаты обещали полную помощь японскому командованию... Русские большевики и их сторонники среди служащих КВЖД с приходом японцев боятся показываться на улице. «Белые» открыто торжествуют, заявляя, что настал час отмщения за насилия, которые большевики совершали над антибольшевиками с помощью подкупа китайской полиции» (Новое русское слово. 1932. 8 февр.).

12 февраля. Сегодня, наконец, после долгих ожиданий получил от Станфордского университета перевод на 200 америк[анских] долларов. По курсу сегодняшнего дня это составило 834 китайских доллара. На душе сразу стало как-то веселее и легче: теперь можно будет начать свое лечение. Для этого надо будет поехать в Пекин, чтобы показаться здесь в Рокфеллеровском институте (Peking Union Medical College). Но как-то опасно отправляться теперь в бывшую столицу Китая: разразятся военные действия, и, пожалуй, надолго не сумеешь вернуться домой.

На радостях решил побаловать себя и жену какой-либо русской пластинкой: зашел в один граммофонный магазин и стал рассматривать здесь Russian records. Неожиданно мое внимание привлекла одна американская пластинка Brunswick, на коей значилось: «Тай орав¹ мужик. Степан Слепушкин*. Баритон с аккомпанементом оркестра». На обратной стороне была другая малороссийская народная песенка «Над тихою водою». Это открытие возбудило целый ряд воспоминаний. Вспомнился 1921 год, Пекин, Духовная миссия, где я тогда жил, беженцы, анненковцы и дутовцы, прибывающие в Пекин из далекого Китайского Туркестана. Среди беженцев был Слепушкин, молодой русский офицер, про него говорили, что он обладает недурным голосом. Для меня он запечатлелся как человек двух войн: мировой и русской гражданской. Когда я однажды спросил Слепушкина: «Ну а много ранений Вы получили за все войны?» «Двадцать одно», — ответил он мне. Через год или два после наших встреч в Пекине Слепушкин сумел выбраться в Америку, как и некоторые другие «белые воины» из анненковцев и дутовцев. Из Америки доходили до меня порой слухи, что Слепушкин сумел получить там музыкальное образование и стал продвигаться вперед. Передо мною было теперь определенное доказательство его успехов на музыкальном поприще. Конечно, я не утерпел и купил пластинку со Слепушкиным. Дома мы поставили ее на граммофон и прослушали с женой с большим удовольствием.

Вести из Шанхая поступают все тревожные. Сегодня услышал, что сам генерал Дитерихс* поступил в волонтеры русского отряда, формируемого на Французском сэттльменте Шанхая. Безработные русские здесь стремятся теперь пробраться в Шанхай, чтобы попасть там на военную службу.

В Тяньцзине снова становится беспокойно: говорят, японцы начали шить много мешков для баррикадирования своей концессии. Соответственно с сими слухами китайцы снова начинают понемногу перебираться на иностранные концессии.

13 февраля. Сегодня попала мне в руки интересная книга, только вышедшая из печати в Шанхае: П.П.Шишкин* «Большевизм в Китае. Часть 1-я. Обзор деятельности Северо-Маньчжурской коммунистической партии»². Прочитавши эту книгу, невольно придешь к заключению: вовремя пришли японцы в Маньчжурию!

¹ Так у автора.

² Шишкин П.П. Большеизм в Китае. Ч. 1: Обзор деятельности Северо-маньчжур. коммунист. партии / Под ред. Б.Суворина. Шанхай: Тип. изд-ва «Время», 1930.

14 февраля. Говорят, что в местной английской школе поднят вопрос о введении преподавания в ней русского языка. Зная консерватизм англичан, можно сомневаться в том, что вопрос этот будет разрешен в положительном смысле.

Дела на местных курсах Отечествоведения идут плохо. Посещаемость курсов слабая: 15–20 человек на лекции, при этом две трети слушателей – люди взрослые. Между тем курсы были организованы для русской молодежи в целях борьбы с ее денационализацией. Состав взрослых слушателей курсов – текучий. На одну лекцию приходят одни, на другую – другие, большей частью из любопытства, послушать, как, мол, читает такой-то лектор. Жена моя, разочарованная таким положением дел, отказалась на днях от чтения лекций по истории русской литературы. Ее заменил некто Шлезингер*, бывший преподаватель русских школ. Не знаю, долго ли протянут еще эти курсы.

15 февраля. Встретил вчера на улице Е.М.Адерсона*, в прошлом члена правительства братьев Меркуловых во Владивостоке. Он не так давно был в Харбине и кое-что рассказал мне о своих харбинских впечатлениях. Между прочим, он сообщил мне, что его в Харбине посетил некто Голубев. Этот Голубев осведомил Адерсона о том, что в Харбине предполагается сформировать русское правительство для Владивостока и что в состав этого правительства намечают ввести его, Адерсона, в качестве министра финансов и меня в качестве министра земледелия. «Я, – сказал мне Адерсон, – считая эту затею авантюрой, отказался фигурировать в намеченном правительстве и за себя, и за Вас...»

Е.М.Адерсон – старшина местной русской эмигрантской колонии, и поэтому он в курсе эмигрантской политики данного момента. По его словам, отношение русской эмиграции в Китае в целом к политике группы русских эмигрантов в Мукдене, принявшей резко японофильский характер, – отрицательное. Эту группу осуждают за ее действия еще и потому, что она выступила на политическую арену самостоятельно, без всякого ведома главы эмиграции, генерала Хорвата.

16 февраля. Шанхай становится центром внимания всего мира. Японские и китайские войска стягиваются к городу в больших количествах. Китайцы мужественно 18 дней защищают свои позиции. Это мужество китайских солдат – новость для мира.

В наш город прибыла сегодня французская автомобильная экспедиция Ситроен. Насколько знаю, экспедиция прибыла сюда из Бейрута в Малой Азии. В ней есть несколько наших соотечественников.

17 февраля. После долгого перерыва получил письма от проф[ессора] Г.К.Гинса и А.А.Пурина. Гинс предложил мне принять участие в снабжении Н.И.Гучкова* в Париже фотографиями из китайской жизни для европейских журналов. Предложение это показалось мне интересным, и я решил его принять, тем более что коллекционирование фотографий – моя маленькая страстишка, и в настоящее время я имею более тысячи китайских фотографий.

От Пурина получил ряд писем сразу — «в собственные руки» — с оказией, так как он сидит сейчас в Хулудао, который отрезан от почтовых сообщений с внешним миром¹.

18 февраля. На днях ожидается в Шанхае решительная битва.

19 февраля. Вчера с вечера у меня неожиданно заболела печень. Боли были сильные. Я не спал почти всю ночь. К утру стало легче. Сегодня полдня провел в постели.

Начал читать книгу Морозова «Откровения в грозе и буре»².

20 февраля. Получил письмо от проф[ессора] Рсмера из Мичиганского университета. Судя по письму, он все еще сидит за обработкой собранных им материалов относительно Foreign Investments in China. Приятно констатировать, что профессор вспомнил обо мне и написал хорошее письмо.

21 февраля. Воскресенье. Сегодня — второй день большой битвы в Шанхае. Китайцы упорно сопротивляются японцам, порой проявляя настоящее геройство.

Получил пачку газет — несколько номеров «Харбинского Времени». Этот японский официоз беспощадно громит теперь маньчжурскую клику чиновников, когда-то созданную под японским же крылышком.

22 февраля. Решили мы с женой 5 марта справить нашу серебряную свадьбу.

23 февраля. Некоторые из эмигрантов, сочувствующие сибирской областнической тенденции и не отказавшиеся еще от политической борьбы, пишут мне, что настала пора сибирякам организовать и выступить, с помощью японцев, для занятия русского Приморья. Я не знаю, на чем зиждется их уверенность в том, что Приморью угрожает со стороны Японии то же, что произошло и с Маньчжурией. Действительность как будто совсем не оправдывает этой уверенности. Может быть, они прозревают вдаль и предвидят грядущее столкновение Японии и Соединенных Штатов, когда Японии придется занять русское Приморье, чтобы обеспечить свой тыл и черпать из оккупированной территории необходимос сй сырьё? Я не знаю, достаточно ли сильна Япония, чтобы выдержать борьбу с тремя государствами: Китаем, С[оединенными] Штатами и Советским Союзом.

Другие рассуждают так: что бы и как бы то там ни было, эмигрантам не следует плестись за японцами и таскать для них каштаны из огня. Для всех должна быть памятна судьба злосчастной Кореи! Судьба Маньчжурии будет напоминать судьбу Кореи, ее соседа. Прокламированное сейчас и якобы независимое новое Маньчжуро-Монгольское государство никто не считает за таковое³. Все уверены, что это лишь маскировка аннексии. Если Японии удастся закрепить

¹ Хулудао, город на северо-востоке Китая, в провинции Ляонин, порт на берегу Ляодунского залива.

² Морозов Н.А. Откровения в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса. М., 1910.

³ Под руководством японских властей Всеманьчжурское совещание (29 февр. — 9 марта 1932) провозгласило создание Манчжоу-го на территории Маньчжурии и избрало бывшего императора Китая Пу И регентом Манчжоу-го.

за собой Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, то это будет означать превращение ее в континентальную державу. Она станет нашим грозным соседом, и, кажется, только после этого ее захватнические намерения направятся в сторону нашего Приморья. Не ранее... Теперь ей надо переварить кашу, которая сварена и еще варится в Китае. Это не так легко сделать, как вначале предполагалось: события в Шанхае в этом отношении достаточно симптоматичны. Сила Китая – в его огромной территории и множестве его населения. Завоевать Китай, как и Россию, невозможно. Оторвать от него, что плохо лежит, пожалуй, можно. Советская Россия отхватила уже от Китая Внешнюю Монголию. Может быть, Японии удастся приобрести Маньчжурию.

24 февраля. Вопрос об издании здесь японской газеты на русском языке не продвигается в своем разрешении вперед. Как я слышал, японцы что-то все обдумывают и взвешивают.

25 февраля. Был сегодня вечером в гостях у о[тца] Сергея Чан, настоятеля Иннокентьевской церкви, справлявшего день рождения своей жены. Было человек 25 народа. Познакомился с одной дамой, которая оказалась родом из моего родного села Знаменки на Лене. Эта дама – Сильвестрович, урожденная Островская. Кроме этой дамы здесь, в Тяньцзине, проживают еще двое моих земляков-знаменцев – это брат и сестра Фромберг. Поистине, мир стал тесен.

26 февраля. Начал писать новую работу «Русские интересы в Китае». Если она удастся, думаю отправить ее в парижский журнал «Современные записки».

27 февраля. Рассматривал сегодня шанхайский «Понедельник»¹. Журнал довольно занятный.

28 февраля. День провел довольно скучно. Съехала от нас наша квартирантка, барышня Лида Страндберг. Опять мы с женой вдвоем остались в нашей квартире.

Навестили нас некоторые наши приятели, пили чай, заводили виетролу и слушали прославленный хор донских казаков, их мастерское и художественное пение. Нельзя без волнения слушать их «Вечерний звон». Кажется, слова этой песни Козлова словно нарочно придуманы для нас, русских изгнанников.

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,

¹ Понедельник: Содружество и журнал (Шанхай). Основано осенью 1929 г. как «Содружество русских работников искусства». В первое время его участники – художники, артисты и литераторы – собирались по понедельникам, чтобы интересно провести свободное время. Понедельник. № 1 (1 сент. 1930). «Со стороны внешности «Понедельник» выдержал экзамен. Что касается его содержания, то приходится признать, что далеко не все в нем равноценно. Пожалуй, не все даже заслуживало помещения в номер. Вступительная статья «Наш лик» говорит о задачах содружества “Понедельник” как о попытке объединить русских работников искусства, создать ядро, вокруг которого могло бы выкристаллизоваться все живое и творящее, что занесено из России на Дальний Восток» (М. Р-в. Книжные новинки // Рубеж. 1930. 1 нояб. С. 20). В декабре 1931 вышел № 2. Сдвоенный 3–4 номер вышел в 1934.

Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой мой!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых.
И крепок их могильный сон:
Не слышен им вечерний звон...
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет:
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!..

29 февраля. Положение дел в Шанхае принимает какой-то злое- щий характер¹.

1 марта. Публика начинает бояться, как бы и в Тяньцзине не за- варилась такая же каша, как и в Шанхае. Большинство русских усва- ивает фаталистическую точку зрения: чему быть, того не миновать. Это результат измученности...

2 марта. Сегодня – день нашей серебряной судьбы. В полдень нас навестил батюшка о[тец] Сергей Чан с причтом, отслужил молебен о здравии. Мы угостили гостей скромным обедом. Празднование свадьбы перенесено нами на субботу 5 марта. Созвали много гостей. Невольно вспомнили мы с женой нашу свадьбу в Петербурге в 1907 году. Могли ли мы тогда думать, что праздновать серебряный юбилей нашей свадьбы придется в далеком Тяньцзине... ??

3 марта. Работа моя «Русские интересы в Китае» продолжает рас- ширяться и, кажется, займет не менее двух печатных листов. Получил перевод из Праги в 300 крон чешских. На китайские деньги это вы- йдет, вероятно, около 36 долларов.

Из-за простуды второй день сижу дома.

4 марта. Наконец-то японцы выгнали китайские войска из Шанхая². Советское агентство «Ангаста» не перестает трубить о коз- нях «белых» в Маньчжурии.

5 марта. Празднуем нашу серебряную свадьбу: много гостей, пришли письменные и телеграфные поздравления. Имеются разно-

¹ «Японские источники заявляют, что отряды японских моряков прорвали китайские позиции, продвинулись вперед на расстояние полумили по направлению к западу от японского кладбища и продолжают наступление по направлению к Северному вок- залу. Отряды японских моряков при поддержке броневиков двинулись вперед после ожесточенной бомбардировки китайских позиций японскими тяжелыми гаубица- ми. Одновременно самолеты сбросили свыше 30 бомб на китайские артиллерийские установки. В настоящее время ведется атака на китайские оборонительные линии в районе Северного вокзала и дороги на Баошань из вновь занятых японскими частями позиций. Китайское командование заявляет, что после ожесточеннейших сражений, приведших к огромным потерям с обеих сторон, китайские войска отразили попытки японских войск вторгнуться в Чапей» (Правда. 1932. 2 марта).

² Шанхайский фронт. Утром 3 марта 1932 г. японский десантный корпус, состоявший большей частью из подразделений 14-й дивизии, высадился между фортами Усун и Баошань, после чего, при поддержке огня с кораблей и самолетов морской авиации, взял оба форта штурмом. Вечером 11-я дивизия захватила п. Цядинь, а ее передовые части подошли к уже занятому 9-й дивизией п. Наньеянь.

образные подношения. Приятно, что наши друзья почтили нас вниманием.

6 марта. За вчерашний день у нас перебивало около 100 человек. Весь этот день прошел в больших хлопотах: к вечеру я страшно устал и, увы, не походил на жизнерадостного юбиляра. Жена провела день молодцом. Сегодня тоже перебивало около десятка гостей.

7 марта. Утром был у меня архимандрит о[тец] Виктор. Мы долго беседовали с ним на разные темы. У нас с ним явилась мысль издать сборник памяти покойного митрополита Иннокентия. Не знаю, хватит ли энергии для осуществления этого начинания.

Побывал на выставке картин художника Кошечевского*.

8 марта. Отправил шесть писем в различные музеи Соединенных Штатов с предложениями купить коллекцию абиссинского оружия, собранную местным русским резидентом А.А. Орловым, когда он был секретарем и поверенным в делах Русского посольства в Аддис-Абебе в Абиссинии в 1897—1903 годах. Коллекция состоит из 89 предметов и продается за 2500 золотых долларов¹.

К вечеру нас посетили гости, пожелавшие продолжить наше празднество серебряной свадьбы. Состоялся чай. Много посмешил всех Ш., продекламировавший песнь о Стеньке Разине на харбинском русско-китайском жаргоне. Вот это песня:

Из-за острова на речка,
Много джонка выплывай.
Капитан сиди с маламой,
Мало-мало с ней играй...
Шибко все тогда сердися,
Капитану говори:
Шима ты играй с мадамой?
Брось мадаму в Сунгари!
Капитан тогда вставайла:
Не хочу — играй-играй!
И мадаму он брасайла
Своя джонка через край...

9 марта. Японский штаб здесь начал издавать печатные на мимеографе осведомительные бюллетени на русском языке. Содержание таковых пока пустяковое. Самый факт появления их представляет интерес. Спрашивается, чем объясняется такое вниманис японцев к русской эмиграции. В данное время я начал регулярно получать газету «Харбинское время». Говорят, что эта газета уже имеет тираж в 14 000 экземпляров.

Мг. Моге подарил нам сегодня к серебряной свадьбе хорошенькую серебряную вазу китайской работы.

10 марта. Масленица. Публика начинает ходить друг к другу на блины.

11 марта. Получил обратно из Америки свою рукопись «Albazinians». Она уже четыре раза переплывала Великий океан. Первый раз я послал ее в «Asia», оттуда вернули, заявив, что статей исторического содержания не печатают. Я послал ее вторично

¹ Коллекция Абиссинского оружия // Феникс. 1935. 13 окт. С. 13: фот.; Описание коллекции см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 18, folder 1.

проф[ессору] Фишеру в Станфордский университет. Но и здесь успеха не было: Фишер вернул рукопись мне, указав, что статью исторического содержания в Америке трудно устроить. В смысле путешествующем я могу считать теперь свою рукопись весьма заслуженной. Думаю, однако, что ее странствия еще не закончились.

Зина Вологодская* пишет мне из Америки, что мои китайские этнографические рассказы не подходят для американских журналов: нужны трафаретные любовные истории и прочее в этом духе.

Герасимов в Харбине виделся с редактором «Вестника Маньчжурии» и беседовал с ним о моем сотрудничестве в журнале. Редактор просит посылать ему статьи. Хоть одно утешение за день! Окончил свою статью «Русские интересы в Китае» — заняла до 60 рукописных страниц. Теперь ее надо где-то устроить.

12 марта. Познакомился с шанхайским «Понедельником». Журнал произвел на меня хорошее впечатление. Судя по отзыву, в нем помещенному, харбинский поэт Арсений Несмелов* написал недурную балладу «О Даурском бароне». Кончается баллада следующими словами:

Я слышал:

В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, —
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плечах...

«Даурский барон» — это барон Унгерн-Штернберг*, потомок крестоносцев или, б[ыть] м[ожет], балтийских пиратов, наиболее колоритная личность из эпопеи 1917—1921 годов. Фанатик-монархист, мечтавший о восстановлении Романовых в России, Дай-цинов в Китае и Гогенцоллернов в Германии, — он безнадежно плыл против течения, и в этом случае он, пожалуй, куда более был революционером, чем Ленин, с 1918 года поплывший по течению... Даурский барон — личность эпическая, и сложить о нем балладу — это было удачной мыслью харбинского поэта.

13 марта. Воскресенье. Дует холодный монгольский ветер. Город заносит пылью. Солнца уже второй день не видать. Такая погода не создаст хорошего настроения. Его и не было: целый день хотелось спать. С трудом уселся вечером за работу.

14 марта. Как-то много недель тому назад ко мне зашел некто г[осподин] [И.А.] Дьяков*, который совершил когда-то довольно смелое путешествие в верховья р. Янцзы и этим приобрел себе некоторую известность в русских кругах в Китае¹. Он сообщил мне, что предполагает при содействии японцев издавать здесь, в Тяньцзине, русскую газету, и спросил меня, смогу ли я сотрудничать в этой га-

¹ Дьяков И.А. По великой реке Ян-цзы-цзян: (Дневник экспедиции, 1925). Пекин: Тип. Духов. миссии, 1927.

зете. Я ответил условным согласием и сказал, что все будет зависеть от того, каково будет направление газеты и каковы условия работы в ней. Дьяков обещал меня познакомить с программой газеты. Сегодня он явился с кипой разных документов, с которыми и стал меня знакомить. Оказалось, что я уже, без моего на то согласия, числюсь в составе инициативной группы по изданию газеты, и вообще я убедился, что моим именем Дьяков жонглирует, как ему вздумается. Это меня возмутило, и я дал моему собеседнику надлежащую отповедь. Как все просто делается в наше смутное время...

Побывал сегодня у меня А.А.Пурин, недавно приехавший сюда из Хулутао, рассказал много интересных новостей. Кажется, он поедет отсюда в Шанхай, чтобы здесь шире развернуть свою политическую работу...

15 марта. Конкурс красавиц — королев красоты — так модно это теперь повсюду. Даже в Тяньцзине на днях выбрали miss Tientsin. Конечно, таковой оказалась одна русская барышня. Конкурс физической красоты! Отчего бы не устроить конкурса моральной красоты? М[ожет] б[ыть], это было бы не бесполезно для человечества.

Если бы можно было устроить конкурс моральной гадости, то, я думаю, первый приз можно было бы присудить в России Максиму Горькому, в Германии — Эйнштейну, в Америке — сенатору Бору, в Англии — Бернару Шоу¹. Последнего можно было бы избрать королем гадин, так сказать, мировой моральной гадinouй. Эйнштейн — великий ученый, но имеет какое-то отношение к нашей коммунистической сволочи. Когда в Китае арестовали одного из мировых поджигателей, некоего Нуланса, и когда последнему стала угрожать смертная казнь, то Эйнштейн не преминул послать Китайскому правительству телеграмму с просьбой об облегчении участи арестованного мерзавца.

Раз я сегодня брюзжу и ворчу, значит, я в плохом настроении. Пурин временно поселился у меня.

16 марта. Получил от А.А.Пурина кое-какие материалы для Русского Зарубежного Исторического архива в Праге и кое-что для моей коллекции автографов.

Кажется, японской газеты здесь на русском языке совсем не будет.

17 марта. Мой повар-китаец сильно встревожен развивающимися в Китае событиями. По его мнению, скоро «тунтун хойла», т.е. скоро все кругом испортится. Это, наверное, означает на его языке, что скоро будет мировая социальная революция. В беседах с навещающими его приятелями то и дело слышишь слова «жибэн» и «жибенди» — японец, японский. В смуте наших дней жаль простых китайцев: ни в чем не повинные, они зачастую несут тяжкую ответственность за грехи политиков и политиканов. Шанхайские события — яркая тому иллюстрация.

¹ Поддержал Октябрьскую революцию, в 1931 посетил Россию в ходе кругосветного путешествия, в своих публичных выступлениях приветствовал преобразования в СССР.

18 марта. Сегодня японцами выпущена листовка «Долой ма-ску» — ярко антисоветского содержания. Указывая на подрывную антияпонскую работу советчиков, листовка заявляет: «Но все имеет свой предел. Терпение японского народа иссякает...» и так далее. «Антияпонская политика Советов не принесет добрых результатов Красному правительству». Появление листовки такого рода весьма симптоматично.

19 марта. А.А.Пурин еще в четверг на этой неделе выехал в Пекин, чтобы повидаться с ген[сралом] Д.Л.Хорватом. С нетерпением ожидаю его возвращения, чтобы ознакомиться с новостями эмигрантской политики.

20 марта. Пурин вернулся сегодня из Пескина, но новостей особенных не привез; все по-прежнему: сидим у моря и ждем погоды. Были вечером гости, разговорились об эмигрантской изобретательности. В качестве примера таковой указывали на выдумку М.И.Мокшина, едва ли не простого солдата из рядов бывшей белой армии. Он изобрел не более, не менее как искусственную подошву для китайской обуви. Здесь построен и оборудован уже целый завод для выработки этой подошвы.

21 марта. Газеты сообщают, что русское Приморье представляет из себя военный лагерь. Большевики как будто не на шутку собрались воевать с японцами... и усиленно гонят на свою сторону паровозы и вагоны Китайской Восточной ж[елезной] дороги, закупают хлеб в Маньчжурии и т.д¹. Эмиграция заняла позицию выжидания...

22 марта. Официально японцы продолжают всячески открещиваться от эмиграции...

Полученные свежие номера «Харбинского времени» содержат много интересной информации. Как будто новая маньчжурская власть собирается закрыть все советские профессиональные организации, расплотившиеся по Китайской Восточной жел[езной] дороге.

23 марта. В Шанхай прибыла комиссия Лиги наций. Говорят, в составе ее служебного персонала есть один русский, некто Пастухов*. Трудно обойтись ныне без русских. Не так давно побывала здесь французская автомобильная экспедиция Ситроен, добравшаяся сюда из Малой Азии². В составе ее оказалось человек 5 или 6 русских, в том числе художник Яковлев*.

¹ «Большую сенсацию среди биржевых кругов Харбина вызвало усиление деятельности “Экспортхлеба”, который, по сведениям из самых достоверных источников, за последние два дня закупил около 500 тыс. пудов пшеницы и до 200 тыс. пудов муки разных сортов... Из этого можно сделать два вывода: или в СССР произошло катастрофическое сокращение семенных запасов (на что были уже указания, идущие из советских же источников), что заставило Москву в срочном порядке пополнить растраченные запасы, или какие-то чрезвычайные обстоятельства заставляют московских заправил в спешном порядке делать огромные продовольственные запасы, рассчитанные на значительно большие войсковые соединения, чем нынешняя дальневосточная армия. В этом случае советские закупки следует рассматривать, как открытое приготовление к возможной войне [...]» (Русское слово. 1932. 12 марта).

² Экспедиция «Ситроен» проходила по маршруту Сирия—Иран—Афганистан—Монголия—Китай. От Тяньцзиня отправилась морем до Ханоя и Сайгона.

Вспоминаю: лет 7—8 тому назад над территорией Китая пролетал один иностранный летчик. Во время полета испортилась машина аппарата, и летчик спустился прямо на китайские поля, и первые, кто поспешил ему на помощь на месте спуска, оказались русские — то были русские солдаты Шаньдунской армии маршала Чжан Цзучана*.

24 марта. Играл сегодня в шахматы с mr. Turnherr. Это австрияк, немец, уроженец Тироля, бывший русский военнопленный, хорошо знает Россию. Мы с ним много беседовали о Сибири, о жизни в которой он сохранил наилучшие воспоминания. Удивительно, как часто иностранцы крепко привязываются к России и всему русскому.

25 марта. Познакомился с о[тцом] Диодором Колпинским*. Это весьма интересный и образованный человек. Воспитанник С[анкт]-П[етер]бургского кадетского корпуса, он получил затем высшее образование на [зачеркнуто: филологическом. — Прим. А.А.Хисамутдинова] богословском факультете [зачеркнуто: Петербургского. — Прим. А.А.Хисамутдинова] Римского университета в Италии и затем окончил университет в [зачеркнуто: Риме. — Прим. А.А.Хисамутдинова] Петербурге. Сейчас это священник-униат, хлопочущий о соединении церквей. Я слышал, о[тец] Диодор пишет будто бы стихи и притом отличные.

Не могу здесь не сообщить, что в Тяньцзине есть еще один интересный священник или, вернее, бывший священник — это о[тец] Борис Фомичев*. Это тоже весьма интересный человек, остроумный собеседник, способный художник, певец; в прошлом, кажется, артист итальянской оперы. Под псевдонимом Борис Деметрио он дает уроки пения. Кроме сего, рисует по заказу иконы и пишет портреты. К сожалению, о[тец] Борис запивает... и порой крепко. Я слышал, что когда отцы Диодор и Борис сходятся вместе, они часто беседуют между собою по-итальянски.

А.А.Пурин все еще продолжает жить у меня. Он и о[тец] Диодор собираются во вторник, 29 марта, выехать в Шанхай. Сегодня в шанхайской газете «Слово» прочел, что русских в Шанхае на 1 января 1932 года по статистике Эмигрантского комитета числилось 16 000 человек. Это, наверное, без евреев.

26 марта. Приготовил к отправке в Париж свою рукопись «Русские интересы в Китае». Она заняла 36 печатных страниц. Думаю направить ее в журнал «Современные записки». Не знаю, будет ли она принята этим единственным эмигрантским толстым журналом. В нем имеют засилье правые эсеры, каковые, по старой памяти, злобятся на меня. М[ожет] б[ыть], это обстоятельство помешает успеху моего начинания.

Иногда я мечтаю: будь мы с женой сейчас в Сибири, мы вплотную могли бы заняться литературой. Пожалуй, можно было бы издать несколько томиков наших работ. В первый том, например, можно было бы поместить исторические работы о Сибири. Сюда могут войти мои исторические исследования:

- 1) Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии;
- 2) Иркутская губерния в изображении Чертежной книги Семена Ремезова;

3) Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии;

4) Албазинцы;

5) Мои мелкие исторические заметки, помещенные в иркутских газетах и журналах за период времени 1908—1917. Сюда относятся материалы об иркутском летописце Пепсемском, декабристах в Сибири, о «Красных днях в Иркутске» (1905) и др.

Затем статьи моей жены:

6) Восстание поляков на Кругобайкальской дороге (Русское обозрение, 1920 г., Пекин) и

7) Великая легенда (исследование о старце Федоре Кузьмиче), не напечатана.

Этот том составил бы до 15 печатных листов.

Второй том можно было бы заполнить моими китаеведческими статьями. Сюда могут войти:

1) Очерк экономической географии Китая (Вестник Азии, № 53);

2) Китайские народные поверья (Вестник Маньчжурии, № 4, 1929);

3) Миф и религиозный культ в Китае (Вестник Маньчжурии), № 4, 1930);

4) Аборигены Южного Китая (Вестник Маньчжурии), № 9, 1929);

5) К вопросу о бюджетных исследованиях крестьянского населения Китая (Экономический Бюллетень, № 20, 1929);

6) К характеристике перевозочных средств в Китае (Экономический Бюллетень, № 23—24, 1929, Харбин);

7) Тскущий китайский фольклор в Китае и китайские народные суеверия (не напечатано);

8) К вопросу о шаманизме в Китае (не напечатано);

9) Религии Китая (не напечатано);

10) Русские интересы в Китае (не напечатано).

11) О культе мертвых в Китае (Гунь-Бао, № 672, Харбин);

12) Людские опустошения в Китае (не напечатано).

Этот том даст до 20 печатных листов.

В третий том могли бы войти мои китайские этнографические рассказы, именно:

1) На поле битвы (Слово, № 448, 1930);

2) В храме Неба (Слово, № 460, 1930);

3) Возмездие (Слово, № 472, 1930);

4) Прodelки Гуя (Слово, № 717, 1931);

5) Блуждающие души (Воскресное приложение к «Слову», 17 мая 1931 г.);

6) Красные пики (Слово, № 819, 1931);

7) Свадьба Городского бога (не напечатано);

8) Четырнадцатая наложница (не напечатано);

9) Отвоеванное благополучие (не напечатано);

10) Из пекинских легенд и рассказов (Вестник Русской национальной общины в Тяньцзине, № 22, 1928).

Пока что третий том может составить до 10 печатных листов.

Четвертый и пятый тома могли бы составить мое статистико-экономическое исследование «Буряты, их хозяйственный быт и землепользование» (один том этой работы был напечатан в Верхнеудинске в 1925 году, другой том, кажется, до сих пор не напечатан). Оба тома могут дать до 30 печатных листов.

Шестой том мог бы составить мой курс «Сибиреведение» (Харбин, 1920), просмотренный и освеженный, размером до 20 печатных листов.

Седьмой и восьмой тома могут дать мои мемуары за 1901–1922 годы, написанные, но еще нигде не напечатанные, размером до 20 листов.

В девятый и десятый тома можно было бы собрать статистико-экономические исследования (Промыслы Иркутской губернии, работы по вопросам ж[елезно-]д[орожного] строительства в Сибири и др.), 30 печатных листов.

Одиннадцатый том – публицистические статьи: «Война 1914 года и ее размеры», «Тихоокеанские проблемы с экономической точки зрения» (Прага, Вольная Сибирь), «Автономия Сибири», «Иностранческий вопрос в Сибири» и др. – 10 печатных листов.

Двенадцатый том – статистико-этнологические статьи, помещенные в «Известиях В[осточно]-Сиб[ирского] Отдела И[мператорского] Р[усского] Географического общества», «Сибирских вопросах» и т.д., 10 печатных листов.

Итого 12 томов, 185 печатных листов. Конечно, это все мечты, маниловщина от нечего делать. Но отчего же другой раз и не помечтать: что было бы, если бы да кабы...

27 марта. Вопрос об издании моих мемуаров продолжает оставаться в неопределенном положении. История появления их вкратце такова. Я долго не решался делать мемуарных записей какого-нибудь рода из времен «смутных дней», считая, что это будет удобнее сделать по завершении русской революции, когда большевики уйдут с арены государственной жизни и можно будет не бояться подвести кого-либо... В 1929 году я не утерпел и опубликовал на страницах «Вольной Сибири» в Праге статью «К истории Сибирского правительства»¹. Я не придавал значения этой статье, зная, что и без того уже много написано по истории гражданской войны в Сибири. Однако, против моего ожидания, статья моя привлекла внимание историков русской революции. Ее стали цитировать разные писатели-историки, в том числе Мельгунов, автор книги «Трагедия адмирала Колчака»². Я решил, что, значит, еще мало дано свидетельских показаний, и засел за свои мемуары. Мемуары были написаны набело в прошлом году и летом были отправлены доктору Фишеру в Станфордский университет

¹ Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. 1928. № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). С. 5–22.

² Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из ист. Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. 1: Вост. фронт гражданской войны, <1930. – IV, 230, VII с.>. Ч. 2: В преддверии диктатуры. <1930. – 238 с., 1 карта>. Ч. 3, т. 1: Конституционная диктатура, <1930>. – 352 с. Ч. 4, т. 2: Катастрофа. <1931. – 205 с.>. <Рус. б-ка. Кн. 19, 22, 23, 28>. Белград: Изд. Комиссия Палаты Академии наук, 1930–1931.

в Америку. Доктор Фишер, имеющий ближайшее отношение к Hoover War Library, сообщил мне, что нашел мои мемуары интересными, но что для издания их на английском языке настоящее время не является благоприятным, благодаря общей хозяйственной депрессии. Он получил у меня разрешение сделать несколько выдержек из моей рукописи для своего труда по истории гражданской войны в Сибири.

Побуждаемый своей собственной материальной депрессией, я собираюсь пожертвовать теперь своим авторским честолюбием и хочу предложить Военной библиотеке Гувера просто приобрести мои мемуары, отложив их издание на английском языке до более благоприятного времени. Эта продажа могла бы дать мне некоторую толику средств, каковос соображение никак нельзя сейчас скинуть со счетов. Вопрос же об издании их на русском языке остается для меня открытым.

28 марта. «Харбинское время» сообщило сенсационный слух о бегстве из СССР ген[срала] А.Н.Пепеляева*. Пока что не верится еще в справедливость этого слуха. Если же Пепеляев действительно появится в пределах Маньчжурии, то более авторитетного военного вождя для белых русских, чем он, трудно будет подыскать. М[ожет] б[ыть], история повторится... Поживем, увидим.

29 марта. Вчера вечером мы с Пуриным ужинали у о[тца] Диодора. Пурин — отчаянный оптимист: он убежден, что в мас последуют в Сибири большие события и скоро мы сможем потянуться на родину.. Из разговоров с о[тцом] Диодором я убедился, что И.А.Дьяков страдает болезнью, кося имя — хлестаковщина. Кажется, придется скоро разоблачить этого господина.

30 марта. Порой я думаю: мемуары о наших смутных временах нужны будут не столько для историков, сколько для писателей-беллетристов, которые будут «живописать» нашу эпоху. Я представляю, сколько мемуаров разного рода должен был прочесть и проштудировать Лев Толстой для того, чтобы написать «Войну и Мир» — эту знаменитую эпопею. Не знаю, найдется ли когда-нибудь новый русский гений, который столь же полно и проникновенно мог бы дать художественную панораму наших лет, написать, скажем, в 12-ти томах эпопею «Война, Революция и Эмиграция». Если такой гений отыщется и сможет написать величественную эпопею, то только при одном условии, если в его распоряжении окажется достаточно количество исторических и мемуарных материалов и если в этих материалах будет обращено большое внимание на быт [подчеркнуто автором дневника. — Прим. А.А.Хисамудинова] эпохи. Быт эпохи — вот чем не следует теперь пренебрегать...

Прочел сегодня в шанхайском «Слове» статью «Без руля и без ветрил», в которой по адресу газет типа «Заря» помещены следующие справедливые строки: «Здесь, на Д[альнем] Востоке, и особенно в Шанхае, политической жизни в эмиграции нет. Скудость политического состава, ничтожный культурный уровень среды дали возможность здесь пышно развиться желтой, безответственной и беззастенчивой, беспринципной и бездарной прессе, позволили выйти наверх пошлякам “и провинциальным Хлестаковым”... Могу подписаться обеими руками под этими утверждениями.

31 марта. Злоба дня здесь — это кинокартина германской продукции «Тройка», первый русский звуковой поющий фильм. Картина будит старые воспоминания, у многих вызывает слезы... Картина демонстрируется в «Капитоле». В Гэйети-театр идет звуковая картина советской продукции «Путевка в жизнь». Русская публика валом валит на «Тройку». Собираюсь посмотреть ее и я.

1 апреля. Вчера дважды побывал на «Тройке». Сегодня посмотрел «Путевку в жизнь». Советская картина, рисующая эпопею борьбы с детскою беспризорностью, произвела на меня огромное впечатление. Впервые в жизни слушал я русский звуковой говорящий фильм. Речь можно было слушать весьма явственно. Послушал, как поют русские соловьи и квакают русские лягушки. Технически картина выполнена хорошо. В театре было полно.

2 апреля. День именин жены. Утром проводил А.А.Пурина и о[тца] Диодора, отправившихся в Шанхай. Именины справили шумно.

3 апреля. Воскресенье. Публика, познакомившаяся с А.А.Пуриным, хорошо отзывается о нем как о человеке, но не очень хорошо как о политике, порицая его за излишнюю болтливость. Говорят, что японская газета на русском языке здесь все же скоро появится.

4 апреля. Многое, целые тома, можно написать о быте русской женщины в Китае. Тут найдутся страницы и высоко-трагические, и трагико-комические [вычеркнуто: и просто комические. — Прим. А.А.Хисамудинова]. До революции русская проституция в портовых городах Китая не существовала. Если здесь порой и появлялась какая-либо заезжая проститутка из России, она немедленно высылалась из пределов Китая: русские консулы блюли престиж русского имени. Теперь, волею российской революции, положение дел радикально изменилось. Теперь в портовых городах Китая, особенно, где имеются иностранные концессии и расположены гарнизоны иностранных войск, дома терпимости переполнены русскими проститутками, солдатские и матросские бары — русскими танцовщицами (dancing girls), множество русских содержанок. Порой какой-нибудь иностранец влюбится в русскую девушку из бара, возьмет ее из этого шумного заведения, женится на ней, и получается счастливая пара. Я сам знаю несколько таких счастливых пар, но это скорее бывает исключение, чем правило. Многие находят в шумной и угарной жизни портового города печальный финал.

Лет семь тому назад в Тяньцзине скончался от чахотки преподаватель Русского коммерческого училища здесь А.Т.Шестаков, бывший лесничий Амурской области. После него осталась молодая жена. Год или около этого она служила бонной, но это занятие утомило ее и пришлось ей не по душе, и молодая женщина пошла в бар. После пяти—шести лет угарной жизни она осенью прошлого года заболела буйным помешательством. Помешанную отвезли в Харбин, где она вскоре скончалась. А сколько таких русских женщин погибло от чахотки, наркотиков? Имена их Ты, Господи, веши!..

На днях одна моя знакомая имела разговор с девушкой из бара и расспрашивала ее об ее житье-бытье. Девушка рассказала, что у них недавно происходила передача любовниц матросами американского

военного судна, уходящего из Тяньцзиня, матросам другого судна, пришедшего на смену.

«Новые матросы требовали уступить их теперь же, в эту ночь, — рассказывала девушка, — но старые матросы возражали, указывая, что пока еще они хозяева своих возлюбленных... Сколько драк было!..»

«А что, бывает, солдаты и матросы бьют русских девушек, их дам сердца?» — спросила моя знакомая.

«Бывает. Вот на этой неделе матрос поспорился с одной русской девушкой и подбил ей глаз, посадив синяк. На завтра он пришел к девушке, принес ей темные очки и пошел с ней в кино. Конечно, публика не знает, почему девица сидит в кино в темных очках, но наши, “сэйлорские”¹, уже все знают, в чем дело. Они всегда приносят темные очки, когда подобьют глаза...»

Проходя по улицам города, можно часто заметить американских матросов, гуляющих под ручку с русскими девушками. Порой иной девушке на вид можно дать пятнадцать—шестнадцать лет: она выглядит свежей и юной, как бывшая русская гимназисточка. Говорят, здесь имеются действительно бывшие гимназистки из Харбина, живущие с матросами. Из матросов в наибольшем почете американцы. Иной американский матрос с тремя нашивками получает на всем готовом сто золотых долларов в месяц, что составляет 430 кит[айских] долларов: жалование, о котором могут только мечтать многие из русских эмигрантов. Три четверти своего жалованья, если не все, матрос может тратить на вино и девиц.

Вчера я был в гостях в одном русском доме на бывшей русской концессии и услышал рассказ еще про одну трагедию, здесь развертывающуюся. Года два—три тому назад житель ст[анции] Маньчжурия на Китайской Восточной ж[елезной] д[ороге], некто К., старообрядец, человек старого закала, отправил в Тяньцзинь свою молоденькую дочь, окончившую четыре класса гимназии, для изучения английского языка. Дочь К. пробыла один год в закрытом пансионе местного католического колледжа, затем год была приходящей ученицей. Оказавшись на свободе, девица через подруг свела знакомство с американскими солдатами, влюбилась в одного из них и стала жить с ним как жена. Ее муж оказался скверным человеком, научил ее пить и курить и вдобавок заразил венерической болезнью. Солдат отнимал у девицы те деньги, что посылал ей отец, и порой жестоко бил ее. Услышав про такие дела, К. приехал в Тяньцзинь с намерением увезти свою дочь домой. Девица долго не соглашалась покинуть своего возлюбленного, но, наконец, вняла уговорам отца, собралась в дорогу и вместе с отцом села на пароход, чтобы отбыть в Дайрен, а оттуда в Харбин и далее в Маньчжурию. В начале пути отец зорко следил за дочерью, боясь, как бы она не сбежала с парохода, но, успокоившись, он ослабил свое внимание и расположился позавтракать в каюте. Дочь, воспользовавшись этим обстоятельством, наняла шлюпку китайскую, высадилась по дороге с парохода на берег и вернулась в Тяньцзинь. Отец, обнаружив бегство дочери, вернулся

¹ Sailor — матрос (англ.).

тоже в Тяньцзинь и здесь начал поиски ее. До сих пор поиски не дали результатов: девушка искусно скрывается от отца. Ее возлюбленный арестован американскими властями по обвинению в каких-то неблагоприятных поступках и ждет суда. Где находится девушка, никто разгадать не может. Боятся, что она может покончить свои расчеты с земной жизнью. Горько отцу велико... Кажется, намечается еще одна жертва тяньцзиньского омуты.

5 апреля. На политическом горизонте затишье. Уж не перед бурей ли оно?

6 апреля. Получил от Домрачева* из Пекина автограф великого князя Николая Николаевича, верховного главнокомандующего в мировую войну. Это является ценным приобретением для моей коллекции автографов. Пока что я имею в этой коллекции автографы русских писателей Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, Островского, Григоровича, Станюковича, Боборыкина, Вейнберга, М.Горького, Плещеева, Богораза (Тана), В.Брюсова, Скитальца, композитора Римского-Корсакова, артиста Шаляпина, путешественников Г.Н.Потанина, П.К.Козлова, Обручева, Свен Гедина и др., политических деятелей Брешко-Брешковской, Авксентьева, Церетелли, Войтинского, Плеханова, Дейча, Бурцева, Рожкова, Дана и др., представителей белого движения, членов Сибирского правительства, Уфимской делегации этого правительства: атаманов Краснова, Семенова, Анненкова, Дутова, барона Унгерна, верховного правителя адм[ирала] Колчака, затем многих сибирских и дальневосточных журналистов. Имею я в своей коллекции также автографы Распутина и индусского писателя Рабиндраната Тагора. Я не прочь продать эту свою коллекцию кому-либо любителю, но пока что такового не подвертывается...¹

7 апреля. Отправил свою сокращенную статью об албазинцах в «The China Journal» в Шанхай. Это будет моей последней попыткой устроить эту статью в иностранных журналах.

8 апреля. Фруктовые деревья начали цвести. В парках показались зеленые лужайки. Приходится думать о лете, где и как его провести. Говорят, в Пэйтайхо на предстоящее лето уже сняты все дачи. До сих пор наше летнее времяпровождение располагалось так: 1 лето мы провели в Харбине, 2 в Пекине, 3 в Пэйтайхо, 1 в Дайрене и 5 в Тяньцзине. К сожалению, не можешь сейчас поехать, куда хочешь! Все из-за этого докучливого вопроса о деньгах. Имей мы свободные деньги, мы смогли бы это лето провести где-либо в Корее или Японии. Свое желание побывать в Японии я никак не могу привести в исполнение.

9 апреля. Приехала в город комиссия Лиги наций для расследования японо-китайского конфликта. Кое-где над китайскими магазинами вывешены флаги, очевидно, для приветствия высоких гостей.

10 апреля. Видел листок «Голос Азии»², выпущенный в какой-то скверной типографии с разбитым шрифтом. С внешней стороны ли-

¹ См. альбом: НЦЛА. Serebrennikov I.I., box 24.

² Голос Азии: Газета. Тяньцзинь, 1932. № 1 (7 апр.) Выходила при поддержке японских властей, издатели-редакторы Ю.Кояма и Е.Н.Пастухин. После открытия Анτικοминтерна «Голос Азии» был реорганизован и выходил под названием «Возрождение Азии», формат газеты увеличен.

сток производит жалкое впечатление. Прямо какое-то позорище! На память потомству я отправил два экземпляра этого листка на хранение в Русский З[арубежный] И[сторический] архив в Праге.

11 апреля. Получил письмо от проф[ессора] Фишера, который пишет, что вопрос о моих мемуарах будет решен в благоприятном смысле. Можно будет таким образом надеяться, что мои мемуары будут приобретены Военной библиотекой Хувера. Весьма важный вопрос для меня: оставит ли библиотека Хувера за мной право издания моих мемуаров на русском языке?

12 апреля. На днях в Шанхае застрелились из одного револьвера двое русских эмигрантов, молодых людей, бывших егерей. Мотив самоубийства: «Надосло жить!» Да, долгая жизнь на чужбине начинает изматывать. Проходят лучшие годы, теряется здоровье, а просвета все не видать. Родится пессимизм, теряется цель жизни.

13 апреля. В сегодняшнем номере американской газеты «North China Star» помещены интервью с двумя русскими большевиками Радеком и Троцким. Оба высказывают убеждения в скором пришествии мировой социалистической революции. Радек заявил: «Я убежден, что не в десятилетия, а в ближайшие десять лет будет общий Советский Союз от Тихого океана до Рейна, включая Балканы. Это обозначает, что, по меньшей мере, 400 миллионов людей воссоздадут высокую индустрию и социалистическое хозяйство». Троцкий в своем длинном интервью высказал мнение, что «настоящий экономический кризис есть несомненное выражение того факта, что мировой капитализм пережил сам себя как система. Вопрос об исторических датах, когда он будет замещен другой системой, будет решен, конечно, разными путями для разных стран, особенно для разных частей мира. Для Европы настоящего дня нет иного выбора». Он закончил свой анализ мировой ситуации следующими утверждениями: «Суммируя, можно сказать: Советский Союз американизируется технически. Европа или советизируется или опустится до состояния варварства. Соединенные Штаты европеизируются политически». Выходит, Троцкий — не такой безоглядный оптимист по части верования в скорое пришествие мировой коммунистической революции, как его бывший единомышленник Радек. Он еще гадает: Европа или советизируется, или же впадет в варварство. Варварство — это, очевидно, реакция со всеми ее последствиями.

Когда-то Наполеон пророчествовал: «Через сотню лет Европа будет или казацкой, или республиканской». Прошли сто лет, и Европа не стала ни казацкой, ни республиканской... Пророчества редко когда удаются людям, как бы сильно они ни претендовали на умение ставить прогнозы будущего. И Троцкий, и Радек привыкли мыслить о России по Карлу Марксу, забывая, что Россия была и все еще остается страной неограниченных и необычайных возможностей и что она рано или поздно, скорее рано, чем поздно, и, быть может, еще в этом году поднесет миру такой сюрприз, что у всех этих патентованных политиков и политических астрологов волосы станут дыбом, глаза выкатятся из орбит, дыхание в горле сперто станет. Это мое пророчество, а исполнится ли оно, покажет этот, 1932-й год.

14 апреля. Надумал составить работу «Внешняя Монголия и русская революция (1917—1931)». За годы 1917—1926 материалы у меня подберутся, за остальные годы дело в этом отношении будет обстоять плохо. Если бы эта работа удалась, ее, пожалуй, можно было бы продать библиотеке Хувера. На днях узнал, что местный резидент генерал Колобов*, ближайший сподвижник ген[срала] Хорвата по управлению Китайской Восточной ж[елезной] д[орогой] сумел продать свои мемуары этой же библиотеке. Эту сделку он сумел провести через посредство ген[срала] Головина* и С.В.Востротина в Париже.

15 апреля. Кажется, Китайская восточная ж[елезная] д[орога] доживает свои последние дни. Власти нового маньчжурского государства хотят ее переименовать в Северо-Маньчжурскую железную дорогу. С японской точки зрения это переименование имеет свой смысл: раз имеется Южно-Маньчжурская ж[елезная] д[орога], отчего же не быть и Северо-Маньчжурской ж[елезной] д[ороге]? Советчики угнали с Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] почти все мощные паровозы (деканоды), лучшие вагоны и много другого имущества, и понемногу выбираются сами из пределов Маньчжурии¹. Восточная ветвь дороги находится в состоянии полного хаоса: кажется, на ней появились уже советские партизанские отряды. Эти и многие другие обстоятельства как будто свидетельствуют о неизбежности вооруженного столкновения между Советским Союзом и Японией. В Харбине арестована группа советских террористов-подрывателей, присланных в Маньчжурию для порчи ж[елезно]-д[орожного] имущества.

16 апреля. В этот месяц у нас с женой прибавилось пять новых учеников, так что заработок наш несколько увеличился.

17 апреля. Смотрел сегодня игру в футбол на Recreation Ground между русской и английской командами. Состязание наблюдало множество публики. Победителями вышли русские, вызвавшие большой энтузиазм своих соотечественников. Жаль, что погода была сквернейшая: сильный ветер подымал клубы пыли и засорял глаза. Состязание было финальное, и русские вышли победителями в международной футбольной игре за кубок Ейлера. Победителей вечером угощали шампанским в Русском клубе. Событие подогрело немного национальные чувства русских.

18 апреля. Получил ответ от «China Journal» из Шанхая. Меня уведомляют, что статья «Albazinians» принята журналом и появится в нем in due course. Этот мой маленький успех подбодрил меня после моих литературных неудач последнего времени. Жена заканчивает редактирование моих мемуаров за 1901—1916 годы и начала печатание на машинке моей статьи «О шаманизме в Китае». В настоящее время вылеживаются следующие мои работы:

1) «Мои воспоминания» (1917—1922) — в Hoover War Library, в Станфордском университете, в Калифорнии;

¹ «Угон паровозов и вагонов на советскую территорию ставит КВЖД в очень тяжелое положение. Удар этот приходится по интересам как самой линии, так и местных экспортеров. Срочное распоряжение по ж.-д. полиции о наблюдении и охране ж.-д. имущества остается лишь на бумаге, ибо советская администрация продолжает гнать в СССР все, что она находит нужным [...]» (Русское слово. 1932. 30 марта).

2) рассказ из китайской жизни «Свадьба Городского бога» — в шанхайской газете «Слово»;

3) «Реликвии Албазина» — в редакции «Китайского Благовестника», в Пекине;

4) «Текущий китайский фольклор и китайские народные суеверия» — в журнале «Понедельник», в Шанхае;

5) «Русские интересы в Китае» — в журнале «Современные Записки», в Париже;

6) «Albazinians» в «The China Journal», в Шанхае.

Свою статью о шаманизме в Китае я думаю отправить в журнал «Вестник Маньчжурии» в Харбин. Мемуары за 1901—1916 годы я, наверно, отправлю в распоряжение Русского Зарубежного Исторического архива в Праге. В ближайшее время я думаю набросать две небольших этнографических заметки «Китайские игрушки» и «Китайские похоронные деньги», в коих существенное значение будут иметь фотографические иллюстрации. К сожалению, я до сих пор не имею ответа из Парижа относительно посланных мною туда фотографий для иллюстрированных журналов.

19 апреля. Японские газеты что-то не спелись с собой: «Харбинское Время» пишет, что разговоры о возможности войны между Японией и Советской Россией не имеют под собой какой-либо почвы и что отношения этих двух стран становятся миролюбивее. Тяньцзиньский «Голос Азии» в сегодняшней передовице заявляет, что скоро будет гроза. Под грозой разумется здесь новая русско-японская война.

20 апреля. Вечер просидел у меня гость из Пекина Я.Ф.Зверев*, старый мой знакомый по моей пекинской жизни. Он довольно близко стоит к высоким пекинским сферам и рассказал много интересного, в том числе кое-что и о комиссии Лиги наций, недавно посетившей бывшую столицу Китая.

21 апреля. Жить скучно. Будто и на людях, а чувствуешь себя, как в пустыне. Я не имею в Тяньцзине ни одного близкого мне человека, друга, товарища. От эмиграции в массе я далек, как не близок и к ее общественным руководителям. Все эти руководители — болотные заскорузлые люди: не о чем с ними ни поговорить, ни поспорить. Для многих из них ясна первопричина всего случившегося: все устроили жида или масоны, или те и другие вместе. Для таковых я, конечно, социалист, и потому человек мало приемлемый. Вчерашний мой гость, Зверев, тоже совершенно не выносит этих политических примитивов, ничего не забывших и ничему не научившихся (за 15 лет!) и очень зло высмеивал их передо мной.

22 апреля. Надумал [вычеркнуто: Думаю. — Прим. А.А.Хисамутдинова] предложить свои услуги как сотрудника Военной Библиотеке Хувера в Америке и в этом смысле написал сегодня письмо проф[ессору] Фишеру. Если мои услуги будут приняты и при этом мне будет позволено продолжить свое сотрудничество в Пражском архиве, то моя работа архивной крысы расширится на два фронта: и для Европы (Прага) и для Америки (Станфордский университет). Невольно вспоминаю 1914 год, когда на одном из заседаний распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского

географического общества в Иркутске я испросил скромный кредит в 25 рублей на собирание печатных материалов, относившихся к мировой войне. Вспоминаю затем устроенные мной в 1915 и 1916 годах выставки в Иркутске под наименованием «Война и печать», имевшие большой успех у публики. В 1917 году мой архив был переименован в «Архив Войны и Революции»¹. За годы 1914—1919 я собрал в нем ценнейшие коллекции, работая один, без чьей-либо помощи и почти без всяких средств. В этом архиве было, между прочим, немало материалов, относившихся к быту военнопленных в Сибири, в том числе рукописные журналы и газеты, выходившие в сибирских лагерях для военнопленных на немецком, мадьярском и других языках. Где теперь этот архив? Цел ли он? Пополняет ли кто его? Я предвидел важность грядущих событий в связи с начавшейся войной 1914 года и предпринял сборы материалов, касающихся этих событий, и сделал это, если, может быть, и не первый в России, то, во всяком случае, первый в Сибири.

Пражский и Хуверовский архивы делают теперь ту же самую работу, только в мировом масштабе. Я думаю, Хуверовскому архиву удастся собрать ценные материалы об истории мировой войны и русской революции и особенно гражданской войны в России, а Пражскому — по истории революции и эмиграции. Для характеристики положения русской эмиграции в разных частях света Пражский архив будет иметь неоценимые материалы, уникалы, и в этом отношении его мировая значимость будет вне каких-либо сомнений...

23 апреля. С утра было тягостно, чувствовалось, переменается погода. Действительно, к вечеру пошел довольно основательный дождь. По случаю еврейской Пасхи были в гостях у доктора Перцеля*. Самого доктора дома не было. Нас принимали его жена и ее сестра. Как сам доктор, так и его жена — иркутяне, и мы имеем с ними много общих знакомых. Перцель на год позже меня окончил Иркутскую гимназию, затем, по завершении высшего образования, был некоторое время участковым врачом на Лене, в селе Усть-Куте. Здесь, в Тяньцзине, он имеет отличный заработок и живет хорошо. Я не люблю бывать у него, хотя он и мой земляк: причина этого — его большевизанство. Местные русские евреи в массе сочувствуют большевикам, в отдельности многие из них ругательски ругают их, но доктор Перцель даже в отдельности не скрывает своего сочувствия русским разбойникам...

24 апреля. Вербное воскресенье. Умерла от чахотки моя бывшая квартирная хозяйка Е. М. Малакен, еще молодая женщина. Кладбища Тяньцзиня постепенно заполняются русскими покойниками. А ведь все в свое время мечтали вернуться в Россию... Вот-вот падут большевики, ждали многие из них.

25 апреля. Получил письмо от проф[ессора] Ремера из Америки. Он сообщает мне, что со мной желает связаться профессор Charles P. Howland* (Yale University), каковой намеревается поручить мне произвести какое-то исследование, касающееся экономических взаимо-

¹ См. подробнее: Комментарий // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; отв. ред. В. И. Шишкин. М.: МФД, 2000. С. 449.

отношений Японии и Советской России и стран Дальнего Востока вообще.

[Зачеркнута строка. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

Работа, по-видимому, будет платная. Это сообщение меня, конечно, порадовало. По текущим газетным сведениям, в Северной Маньчжурии воцарился полный хаос. На восточной линии Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] движение поездов остановлено. Почти все станции разграблены хунхузами и солдатами-бандитами старогиринской армии. Убито много мирных жителей, ограблено того больше. Пострадали и русские. Имеются сообщения об изнасиловании бандитами русских женщин. По трафарету принято думать, что этот хаос нарочито создается японцами, но так ли это? Я сомневаюсь в этом.

[Зачеркнуты две строки. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

Советчики принялись за аресты японцев во Владивостоке. Можно думать теперь, что конфликт разгорается...

26 апреля. О[тец] Диодор Колпинский вчера вечером вернулся из Шанхая. Сегодня я виделся с ним на улице. Он передал мне привет от Пурина. Я же ждал от последнего не привет, а писем. По словам батюшки, русские в Шанхае склонны думать, что войны между Японией и СССР не избежать.

27 апреля. Идет предпраздничная суэта. Русские хозяйки озабочены, как обеспечить себя куличами и сырными пасхами. Большинство пскут куличи сегодня у себя дома. Завтра будут красить яйца и т.д. Стародавние обычаи сильны, и, мне кажется, на чужбине они еще более проявляют свою власть над нами. Хочется, чтобы все походило на то, как было когда-то дома, на Святой Руси.

За истекшую неделю побывал в гостях в двух еврейских семьях, и тут я тоже мог наблюдать власть традиции и обычая: меня угощали мацой, медовыми сладостями, медом и прочими еврейскими кушаньями и напитками.

28 апреля. Приготовил сегодня небольшую заметку на английском языке «The strange creatures of the Chinese handicraft». Полагаю отослать ее с двумя иллюстрациями в «The China Journal» в Шанхай.

Страстной четверг. Восемь часов вечера. Сейчас в трех русских церквях Тяньцзиня читают двенадцать евангелий. Многие с зажженными свечками в руках будут возвращаться из церквей домой. Это будет красиво. Нужно пойти посмотреть. Я уйду...

29 апреля. Страстная пятница. Вынос плащаницы. Вчера я побывал вечером в Иннокентьевской церкви. Народу на двенадцати евангелиях было полно. Церковь была нарядно убрана. Дворик перед церковью был покрыт циновками, по китайскому образцу, так что получилось что-то вроде паперти, и здесь было много народу. Популярность Иннокентьевской церкви не убывает, несмотря на все интриги против нее, кои ведет архимандрит о[тец] Виктор, настоятель Покровской церкви.

30 апреля. Из Шанхая получено сообщение о страшном террористическом акте, жертвами коего стали японские: посланник в Китае, командующий войсками, командующий флотом, генеральный кон-

сул в Шанхае и ряд других японских деятелей. Террорист, молодой кореец, арестован на месте преступления. Были ли у него сообщники и кто, пока неизвестно...

1 мая. Первый день Св[ятой] Пасхи и одновременно первомайский праздник второго и третьего интернационалов. На пасхальной заутрене был в Иннокентьевской церкви. Народу было много. Участвовал в крестном ходе вокруг квартала, где расположена церковь. Впереди процессии шли китайчата, ученики церковной школы с цветными зажженными фонариками в руках.

В Покровской церкви было также множество народа, в том числе немало и иностранцев. Это церковь была вся, сверху донизу, пышно иллюминирована. После заутрени мы с женой дома разговелись. День провел в визитах. Навестил знакомых, у которых давно не был. Страшно мучался от жары, посетивший наш город в первый день праздника.

2 мая. В день перебывало около трех десятков визитеров. Собрались к вечеру шесть шахматистов: играли в три доски. Жара схлынула, и подул прохладный ветер.

3 мая. Судя по телеграммам, коммунистическое 1-е мая прошло по всему миру весьма спокойно.

4 мая. Получил сегодня ответ от Американского Музея Натуральной Истории в Нью-Йорке на мое предложение о покупке коллекции абиссинского оружия, собранной А.А.Орловым. Пишут, что «*funds are available for the purchase*». Пока что от одного из музеев ответ отрицательный. Подождем, что скажут другие музеи. По-видимому, надежд на продажу коллекции мало. К вечеру получил еще два ответа из Чикаго, тоже неутешительного свойства. Можно думать, что на продаже коллекции Орлова я не только ничего не заработаю, но напрасно потрачусь на почтовые расходы.

5 мая. Сегодня на нашей улице большое смущение произвела какая-то сумасшедшая русская женщина. Она шла по улице и что-то дико кричала, собирая толпы любопытных. На вокзале найден мертвым русский, старик, никому не известный. Невеселая русская хроника...

В театре «Capitol» будут скоро показывать американскую кинокартину из русской жизни «Желтый билет», где по традиции будут в скверном виде представлять русские порядки при самодержавии. Олухи из Америки не могут сообразить, что эта традиция теперь нелепа и является просто анахронизмом.

6 мая. Казаки Оренбургского казачьего войска справляют войсковой праздник. Из помещения Казачьего союза¹, рядом с нашим домом, вечером беспрерывно доносились до нас крики «ура» и звуки бодрых песен. Гуляет Русь!

7 мая. Вечером была небольшая гроза: гремел гром, сверкала молния; лил небольшой дождь. Скучный день провел в игре в шахматы.

8 мая. Воскресенье. Газеты принесли известие о новом ужасном террористическом акте, на этот раз потрясшем Францию: убит

¹ Казачий союз основан в Китае в апреле 1924 г.

президент Думер террористом, оказавшимся русским, каким-то Горгуловым или Гогуловым*. Кто этот террорист, пока неизвестно, или это сумасшедший маньяк, продукт тяжкого безвременья, душевно больной человек, или же большевистский провокатор, поставивший себе целью ухудшить положение русской эмиграции за границей? Ближайшее время выяснит эти вопросы.

Скверные сведения идут и из Харбина, население коего вновь переживает тяжелые дни: к городу надвигаются старогиринские войска. Трудно понять, что делают японцы в полосе отчуждения Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Похоже на то, что они пока еще не могут справиться в Маньчжурии с царством анархии и беспорядка, которые добивают последние остатки русского благополучия в крас.

Русский мартиролог в Китае увеличивается с каждым месяцем. Когда-нибудь историк русской эмиграции должен будет отметить то существенное отличие в положении, каковое имели и имеют эмиграция на западе и эмиграция на востоке. Эмиграция на западе попала сразу в культурную и мирную обстановку. Не то случилось с эмиграцией здесь на востоке, на просторах бушующей Азии, в бурлящем Китае. Сколько русских погибло при трагических обстоятельствах в Монголии и Китае, трудно представить: во всяком случае, это будут не сотни, а тысячи, и даже многие тысячи человек. А главное, не видать здесь еще и конца этим русским жертвам смутного времени.

Этими печальными размышлениями я провожаю тринадцатую пасхальную неделю, проведенную на чужбине.

9 мая. Кончались праздники. Наступили будни. Пора засесть теперь за работу. Получил письмо от профессора Howland из Америки. Он пишет мне, что изучает вопрос о русской политике на Дальнем Востоке и просит меня подготовить для него материалы по этому вопросу. Навертывается как будто платная и интересная для меня работа. Конечно, я отвечаю профессору своим согласием.

10 мая. Закончил чтением книгу Миллер «Французская эмиграция и Россия»¹. Книга эта интересно написана и во многих отношениях содержит поучительный для нас исторический материал. Единственный и притом, пожалуй, существенный ее недостаток состоит в том, что она рассматривает только верхи французской эмиграции, ее аристократические сливки, и почти ничего не сообщает о рядовых эмигрантах. Собственно говоря, ее следовало бы озаглавить: Высшие представители французской аристократии в эмиграции и императрица Екатерина Великая. Так было бы правильнее.

Тяжело обстоит в Тяньцзине вопрос с научными занятиями. Для таковых нет здесь ни одного серьезного книгохранилища. В русской библиотеке «Знание», принадлежащей г[осподину] Антуфьеву* и когда-то основанной мною, много книг по беллетристике и почти нет подбора свежих книг о Китае, ни русских, ни английских. В Британской муниципальной библиотеке подбор книг носит совершенно случайный характер, и в ней также мало бывает книг о том же

¹ Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Императрицы Екатерины Второй. Paris, 1931.

Китае или Советской России. Между тем как о Китае, так и о СССР выходит очень много книг на английском языке. Их нигде достать нельзя, можно только купить. А покупать невозможно. Спросишь цену и обожжешься: рядовая цена 20, 25, 30 долларов. Если я приму работу от проф[ессора] Howland, то не знаю, как мне удастся выполнить ее: возможно, придется на время выехать в Пекин, или в Дайрен, или даже в Харбин.

В данное время пользуется вниманием недавно вышедшая из печати в Америке книга ген[срала] Яхонтова «Russia and the Soviet Far East»¹. Стоит она в продаже почти 27 долларов. Хотелось бы ее прочесть, но как и у кого раздобыть, не знаю. Конечно, у русских ее искать нечего. По моим справкам, здешним иностранным книжным магазином продано уже три экземпляра книги Яхонтова, одним из покупателей был местный американский консул. Возможно, придется отыскивать ходы к нему.

11 мая. В городе много разговоров о банкротстве крупной еврейской пушной фирмы «Братья Гершевич»*. Основатели фирмы – сибиряки, кажется, родом из Верхнеудинска и за время своего проживания в Китае как-то сумели получить британское подданство. Говорят, что долг фирмы банкам достигает чуть ли не миллиона долларов. Депрессия дьявольски дает знать о себе. Перспективы скверные.

12 мая. В местном Китайском православном миссионерском братстве во имя Св[ятого] Иннокентия – крупный скандал: настоятель церкви о[тец] Сергей Чан крупно поссорился с членами правления братства, опечатал своей печатью церковный свечной склад и отказался признавать правление братства². Как волка ни корми, а он все в лес смотрит. Так, кажется, обстоит дело и с китайцами. Как с ними ни возись, какие услуги им ни оказывай, – благодарности ждать не приходится. А ждать взрыва страстей корыстолюбия и жадности к «тельцу золотому» всегда можно.

Как-то вообще неблагоприятно обстоит в русской церкви в Китае. Все это от проклятого безвременья. О покойных принято говорить aut bene, aut nihil³, но не могу не упомянуть здесь, что не так давно скончавшиеся наши дальневосточные митрополиты Иннокентий Пекинский и Мефодий Харбинский* были в жестокой ссоре между собой. Теперешний архиепископ Пекинский и Китайский Симон во вражде с Сергием, архиепископом Японским. Известна грандиозная русская церковная свара в Шанхае. Здесь, в Тяньцзине, Покровская церковь во главе с архимандритом Виктором враждует с Иннокентьевской церковью во главе с протоиереем о[тцом] Сергием Чан, маньчжуром по национальности. Бывший казначей

¹ Russia and the Soviet Union in the Far East, by Victor A. Yakhontoff. New York, Coward-McCann, Inc. [c 1931].

² В 1930 г. протоиерей С. Чан основал в Тяньцзине первый в Китае китайский православный молитвенный дом, назвав его Свято-Иннокентьевским храмом, в богослужении использовался китайский язык. Одновременно сформирован из китайцев и русских главный храмовый административный совет. После Чана были китайские священники Жуй Сянь Чжан, Ду Жунь Чень, Ду Ли Кунь и др.

³ Либо хорошее, либо ничего (лат.).

Иннокентьевского братства А.Ф.Рублев*, «эмигрантский выдвигенец», простой малограмотный мужичонка, фельдфебель, обиделся на недоверие, которое ему было оказано на общем собрании членов братства, и, с благословения архиепископа Симона, обосновал в Тяньцзине третью церковь, во имя Серафима Саровского, с намерением погубить Иннокентьевскую церковь. Теперь настоятель церкви о[тец] Сергей перессорился сам с членами правления братства.

Такова неутешительная картина нашего церковного настроения. «Врачу, исцелися сам», — вот что можно сказать нашим дальневосточным духовным отцам. Не могу не вспомнить здесь также о том, как несколько лет тому назад покойный митрополит Пекинский привлек к китайскому суду главу русской эмиграции на Д[альнем] Востоке ген[ерала] Д.Л.Хорвата по обвинению не более, не менее как в мошенничестве. Суд, конечно, оправдал генерала, но старику пришлось сидеть на скамье подсудимых. Покойному митрополиту, наверно, и в голову не приходила та простая мысль, что, привлекая главу эмиграции по обвинению в мошенничестве, он тем самым наносил жесточайшее оскорбление и всей эмиграции. Хорошо еще, что в свое время русские дальневосточные газеты замолчали этот грустный скандал.

13 мая. День жаркий и душный. В такие дни хочется спать и спать. Никакая работа не клеится.

14 мая. Получил отчет Русского Заграничного Исторического архива за 1931 год. Из отчета видно, что в Китае имеются пять представителей и сотрудников архива: Д.И.Поздняков* и Н.Г.Володченко* в Харбине, В.И.Несвадьба и М.И.Шастин в Шанхае и И.И.Серебренников в Тяньцзине.

15 мая. Конфликт о[тца] Сергия с правлением Иннокентьевского братства не разрешен, а углубляется все более и более. Возникают опасения, как бы этот конфликт не разросся в ссору православных русских и китайцев между собой и не повлек за собой захват китайцами русской православной миссии в Пекине, этого едва ли не единственного еще сохранившегося на территории Китая старого русского учреждения. Говорят, что о[тец] Сергей в свое время тайно снесся с Гомиьнданом и Нанкинским правительством и будто бы получил назначение на пост начальника миссии. Насколько это верно, не знаю. Сегодня в помещении братства состоится митинг членов такового, созванный о[тцом] Сергием. Последний резко нападал на членов правления и называл их чуть ли не хунхузами. Хунхузы! — так назвать людей, бескорыстно и неумолимо работавших на пользу братства! Возможно ли после этого какое-либо примирение?

16 мая. Еще один крупный террористический акт: в Японии убит престарелый премьер-министр Инукай*. М[ожет] б[ыть], убийство произведено на этот раз справа.

Какое кошмарное время переживаем мы?!

17 мая. С утра льет дождь. В «North China Star» прочел интересное Moscow letter корреспондента «United Press». Корреспонденция сообщает о возникновении прямого торгового обмена в Москве и других городах Советской России. Описывая эту торговлю на московских рынках, корреспондент пишет: «Продавцы держат свои товары в ру-

ках или раскладывают их на листке газеты прямо на земле. Все кричат, толкаются и ругаются. Эти рынки носят настоящий азиатский характер, за исключением того, что они не имеют совсем восточного колорита. Все серо и бедно». Да, с помощью международных отбросов большевики превращают Россию в какую-то дикую азиатскую страну-сатрапию, бедную и забитую. Другие сведения показывают, что и к иностранцам в сталинской вотчине начинают относиться теперь так же враждебно, как когда-то относились к ним в Китае. И в этом отношении несчастная страна начинает приобретать азиатский облик. Страдания родины — неопишутемы, и некому ей помочь. Если иностранцы и помогают кому-либо, то только ее удушителям, и гнев русского народа против них справедлив: «Но настанет пора, и проснетесь народ», и хлопнет он дубиной по всей этой коммунистической сволочи и ее пособникам, и в первую голову по проклятым немцам. И под призывы старой русской марсельезы: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный!» — сумеет очистить страну от сатрапов, больших и малых.

18 мая. Город взволнован убийством С.Е.Соколинской, владелицы шляпного магазина. Судя по обстановке, убийство произошло вчера рано утром. Убийца — по-видимому, бой-китаец. Покойная — еврейка, иркутянка. Я вспоминаю, портновский магазин ее мужа когда-то располагался на Большой улице Иркутска, между 4 и 5 Солдатскими улицами. Здесь, в Тяньцзине, Соколинская была причастна к общественной деятельности и в свое время принимала ближайшее участие в делах общества «Ясли» и кружка «Театр и музыка».

19 мая. Вчера вечером мы с женой побывали в Grammar School на концерте учеников вокальной студии А.М.Поляковой*. Программа концерта состояла более чем из 30 номеров. Выступали хор учеников Европейской школы и отдельные певицы и певцы, русские, евреи и иностранцы. Наилучшее впечатление произвели на нас молодые певицы: Бирюлина, Гутбецаль, Ткаченко и Сафронова и певцы: Витгоб и Монер. Нам кажется, артистическая карьера может открыться перед Сафроновой, обладательницей красивого контральто, и Монером, басом. Монер теперь — еще совсем молодой человек, 18-летний юноша. Родом — иркутянин и в течение нескольких лет мой ученик по математике.

Устроительница концерта А.М.Полякова — тоже иркутянка родом и воспитанница С[анкт]-Петербургской консерватории. Я помню еще ее выступления как певицы на любительских концертах в Иркутске. Тогда она выступала под своей девичьей фамилией Звягина. Теперь это убеленная сединами почтенная преподавательница вокального искусства.

За вчерашний день и сегодняшний получил ряд писем из Америки и от проф[ессора] Гинса в Харбине. Доктор Фишер из Станфордского университета в Калифорнии даст мне некоторые поручения по сбору материалов для Hoover War Library. Таким образом, я становлюсь фактически сотрудником этого американского учреждения.

Проф[ессор] Гинс сообщает мне, что подготавливает к печати второй том своего труда «Новые идеи в праве». Меня удивляет неутоми-

мая энергия профессора. По всем данным, он станет рано или поздно выдающимся русским правоведом. Человек работает и работает, несмотря на грохот пушек, каковой вновь слышен в Харбине.

Сегодня днем архимандрит Виктор зашел ко мне и прочел мою рукопись, приготовленную мною для сборника памяти покойного митрополита Иннокентия. Начал писать новую работу: «Автономное движение в Сибири и его будущее». Рукопись предполагаю перевести на английский язык и отослать в журнал «Foreign Affairs» в Нью-Йорке.

Н.И.Гучков (брат известного А.И.Гучкова) сообщает из Парижа, что посланные мною ему фотографии получены и находятся на рассмотрении его клиентов.

20 мая. Жарко и душно. Термометр днем показывает 98 градусов по Фаренгейту.

В поисках «Харбинского времени» побывал сегодня в редакции «Голоса Азии»: сумел достать для прочтения всего четыре разрозненных номера.

21 мая. Р[усский] З[арубежный] И[сторический] архив в Праге сообщает, что в будущем 1933 году будет десятилетие его существования. Архив просит меня послать ему мою фотографию и мои биографические материалы. Очевидно, предполагается какое-то юбилейное издание. Как быстро летит время! Кажется, архив возник совсем недавно.

22 мая. Воскресенье. Навестила меня приехавшая из Шанхая г[оспо]жа Т.С.Филимонова*, жена автора недавно вышедшего из печати исторического труда «Белоповстанцы». Визитерша — молодая женщина, приехавшая сюда с книгой мужа для ее распродажи. Просила меня оказать ей содействие в этом деле. По ее словам, в Шанхае удалось распродать уже более 400 экз. книги, чем было куплено издание. Из Тяньцзиня Филимонова намерена проехать в Пекин и затем в Дайрен. Энергичный способ распространения книги, признаюсь, удивил меня. «Белоповстанцы» — это описание известного Хабаровского похода белых в 1922 году¹. Я решил приобрести один экземпляр книги.

23 мая. Следствие выясняет, что убийца г[оспо]жи Соколинской, молодой китаец-бой, совершил убийство без заранее обдуманного намерения, в ссоре и даже драке со своей хозяйкой. Рано или поздно такие случаи могут иметь место. Мои наблюдения показывают, что русские еврейки вообще, харбинки в особенности, совсем не умеют обращаться с китайской прислугой. То они чересчур ласковы с прислугой, то они кричат на нее и целый день ругаются (в иную пору нехорошей руганью), порой дают пощечины и даже лезут в драку. Китаец же любит ровное и спокойное обращение с ним и учтиво выслушает великий выговор ему, если он сделан в достойной форме. Еврейки-покупательницы обычно страшно скверно обращаются и

¹ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабар. поход зимы 1921–22 годов: В 2 кн. — Шанхай, 1932. Кн. 1, ч. 1: Перед походом, ч. 2: Наступление белых; Кн. 2: Борьба на Амурской границе с 25-го дек. по 13-ое янв.

с китайцами-приказчиками в китайских лавках, бешено торгуются, кричат, бранятся.

— Не валяй дурака! — кричит порой такая покупательница, услышав дорогую, по ее мнению, цену товара.

Китайцы быстро заучивают подобного рода фразы, иногда не понимая и смысла их, и тоже пускают их в ход, когда нужно и не нужно. Не так давно одна моя знакомая русская дама была в китайской лавке. Хотела что-то купить, но нашла, что цена высока, и сказала об этом приказчику. Последний брякнул ей:

— Твоя дурака не валяй!

Покупательница обиделась и сейчас же ретировалась из магазина.

24 мая. В Шанхае объявлена почтово-телеграфная забастовка. Сегодня к забастовке присоединились почтовые учреждения Тяньцзиня и Пекина. Все это показывает, насколько слаба центральная власть Китая.

25 мая. Вечерами, в свободные часы, пишу работу «Областническое движение в Сибири и его будущность». Утром перевожу эту мою работу на английский язык. Мои переводы на английский просматривает Mr. More и исправляет их. Он же печатает их на машинке. Все это он любезно делает бесплатно. Mr. More — отставной чиновник Пекин-Мукденской ж[елезной] д[ороги]. Говорят, он имеет большой капитал, на который сейчас и живет, весьма скромно и даже скупно. От безделья он, по-видимому, бывает рад и тем работам, которые я изредка даю ему.

26 мая. В ожидании «мировых событий» русская публика совершенно измоталась. Война так война, лишь бы скорее разрешился мировой кризис в ту или другую сторону. Становится душно. Требуется струя свежего воздуха.

27 мая. Почтовая забастовка окончилась. Слава Богу! А то я стал опасаться за свои дела, так как многие из них связаны с почтовой корреспонденцией.

28 мая. Вышла из печати здесь апрельская книжка журнала «Стремя». Журнал этот выходит спорадически, по мере того, как г[осподин] Шишкин, его редактор и, кажется, единственный его сотрудник, уже имеет что-нибудь сказать почитателям его писательско-публицистического таланта. Шишкин — это б[ывший] военный, если не ошибаюсь, войсковой старшина Сибирского казачьего войска, один из сподвижников Иванова-Ринова. Местами он пишет хлестко и остроумно, местами — жует солому. Если бы он больше работал над своими статьями, м[ожет] б[ыть], из него и вышел бы незаурядный политический публицист. Если бы далее он позаботился о пополнении своего умственного багажа, было бы еще лучше.

Война и революция выработала из некоторых офицеров больших политиков. Недавно я познакомился в одном доме с бывшим офицером Забайкальского казачьего войска. Я был поражен, как много и долго этот офицер мог говорить по вопросам политики, обильно пересыпая свои речи иностранными словечками, такими как идеология, контакт и пр. Я мог заметить, что люди такого рода в значительной мере дон-кихоты и почти всегда большие оптимисты.

29 мая. Воскресенье. День простоял душный. Ждали грозы, но ошиблись в своих ожиданиях. К вечеру собрались к нам гости. Б.П.Яковлев, зоолог местного музея, принес нам пластинки с Собиновым. Дамы с громадным удовольствием слушали знаменитого русского певца.

Отдал Mr. More для просмотра первую часть моей работы «Autonomous Movement in Siberia and its Future».

30 мая. Перед отъездом в Пекин зашла попрощаться Т.С.Филимонова. Она сообщила, что в Тяньцзине ей удалось продать 45 экземпляров книги ее мужа «Белоповстанцы». Считаю, что для Тяньцзиня это более чем достаточно.

31 мая. Снова душный день. Становится невмоготу...

1 июня. Виделся сегодня с М.Е.Остерманом*. В разговоре он подтвердил мне, что теперешний командующий советскими войсками на Д[альнем] Востоке Блюхер когда-то служил на его заводе в Казани.

— Как же! Служил и устроил мне забастовку, — уверенно сообщил мой собеседник.

2 июня. Получил сегодня перевод от Hoover War Library на 50 золотых долларов, из коих 20 идет в вознаграждение мне за труды для этой библиотеки. Придется теперь налаживать отправку в Америку кое-каких русских изданий, и в первую очередь «Харбинского Времени», японской официозной газеты.

3 июня. Жара продолжает мучить публику. Как всегда, лето начнет пугать: выживем ли?

4 июня. «Харбинское Время» продолжает публиковать весьма ценные материалы по вопросу о бывшем положении русских в Маньчжурии под китайской юрисдикцией. У меня возникает мысль систематизировать эти материалы; не знаю только, хватит ли времени на это. Картина может получиться весьма жуткая.

5 июня. Мы с женой получили приглашение быть ассистентами на выпускных экзаменах местной русской прогимназии православного братства. Экзамены начнутся завтра. Жена будет ассистировать по русскому языку, я — по физике и математике.

6 июня. Присутствовал сегодня на экзаменах по физике и природоведению. Экзамены прошли, в общем, хорошо. Некоторые маленькие ученицы говорили весьма гладко и давали очень осмысленные ответы. Преподавание в прогимназии поставлено, видимо, хорошо. Жаль только, что школа почти не имеет учебных пособий.

7 июня. На экзаменах провел три часа. Хорошо отвечали по алгебре, особенно умело справлялись с уравнениями первой степени. Много слабее были по геометрии. Завтра придется быть на экзамене по арифметике.

По городу поползли вновь какие-то тревожные слухи. Кажется, китайцы ждут выступления японцев. Увы, до успокоения Китая так же далеко, как Лиге наций — до того времени, когда она сможет стать распорядителем судеб мира.

Решил сегодня написать письмо В.Д.Пастухову, члену секретариата путешествующей по Китаю и Японии исследовательской комиссии Лиги наций, с предложением своих услуг как эксперта по рус-

ским делам в Китае. Едва ли что-нибудь положительное выйдет из этого моего предложения?

8 июня. Кажется, сегодня кончается праздник Драконового бога в Китае. Этому празднику я уделил большое внимание в своей статье «К вопросу о шаманизме в Китае»¹. В своем происхождении он уходит в глубь староязыческих времен этой страны и совпадает с языческими праздниками в Европе в день Ивана Купалы.

Мой повар-китаец говорит, что если сегодня будет дождь, то это плохая примета: будет неурожай, и хлеб весь сгорит.

9 июня. Вчера вечером мы с Mr. More побывали в цирке «Колизей», каковой управляется неким Мартини. Это столько же цирк, сколько и кабаре, где русская нужда, вперемежку с китайской, скачет, пляшет и поет. Настоящее «евразийское» предприятие. Публики было мало-вато. Дела цирка, нужно думать, идут незavidно: жаль, так как десятка два русских находят здесь свой заработок.

Устроили сегодня прощальный обед доктору Кузьмину с супругой. Они уезжают в Шанхай, где надеются найти работу. Кузьмин — воспитанник Московского университета. Попав в Китай, он не стал здесь практиковать по своей медицинской специальности и почти все время служил в пушных конторах. В течение нескольких последних месяцев он был без работы и теперь направляется в Шанхай пытаться новое счастье. Человек он симпатичный, и дай Бог ему хорошо устроиться на новом месте.

10 июня. День был тяжелый. К вечеру загрел гром. Пошел дождь. Стало легче.

Закончил сегодня перевод своей статьи «Областническое движение в Сибири и его будущее».

11 июня. У Mr. Hayes взял для прочтения книгу В. Яхонтова* «Russia and the Soviet Union in the Far East». Теперь я обеспечен чтением. Книга эта только что вышла из печати в Нью-Йорке. Кажется, автор ее принадлежит к числу большевицких подлипал.

12 июня. Сегодня мы с женой присутствовали на торжественном выпускном акте русской прогимназии. Торжество происходило в Русском клубе. Было множество народа. Сказано много прочувственных слов. Торжество посетил архиепископ Симон, отслуживший в начале школьного праздника молебен. Лучшим ученикам и ученицам были розданы подарки. Попечительницы школы, г[оспо]жи Питерс и Веденяпина, были героями торжества. Их трудами школа была создана и держится. Первый выпуск школы пока дал только трех питомцев. Окончили школу девочки Плотникова и Вятских и мальчик Пастухин.

13 июня. В городе начала распространяться холера. Пока что она свирепствует в китайском Тяньцзине.

14 июня. Сегодня обедал у нас о[тец] Диодор Колпинский. После обеда он прочел нам с женой несколько своих прочувственных стихотворений. Стихи нам понравились. Они обнаружили в авторе несомненное поэтическое дарование. Затем он прочел вслух два моих

¹ Серебрянников И.И. О шаманизме в Китае // Парус. 1933. № 11.

китайских рассказа «На поле битвы» и в «Храме Неба». Последний мой рассказ особенно понравился бабушке. Вечер мы провели у Лавдовских, где справляли день рождения хозяина. Кроме нас из гостей были только супруги Лапердины*, оказавшиеся милыми, веселыми и остроумными собеседниками. Г[оспо]жа Лапердина хорошо декламировала интересные стихи, пела частушки, цыганские романсы, была, что называется, душой общества.

15 июня. Попала мне сегодня в руки книга «Старый Петербург» М.Пыляева издания А.С.Суворина еще 1887 года. Я смотрел на эту книгу, словно на привидение с того света. Так, неожиданно в Китае встретишь иногда какую-нибудь редкость. Вспоминаю, когда я держал здесь книжный магазин, мне порой попадались тоже старые русские книги. Когда-то я приобрел два тома сочинений Марлинского. Что мне было делать с ними? Я отослал их в дар Иркутскому университету, добавив несколько еще более старых книг, в том числе одну книгу 1807 года или около этого.

Из беженческих раритетов я видел в Тяньцзине несколько лет тому назад подлинную картину бывшего хранителя Эрмитажа художника Дени, того самого, прелестная картина которого в овальной раме «Купальщицы» служила еще не так давно украшением одной из зал Музея Императора Александра III-го в Петербурге. Пришлось мне видеть здесь и металлические барельефы с классическими сюжетами работы Ф.П.Толстого. К сожалению, я не мог разобрать в свое время, были ли это подлинники или особого рода репродукции.

16 июня. Сегодня кончались занятия в Grammar School. Учеников у меня пока осталось всего пять человек. Жена совсем освободилась от уроков. Удастся ли этим летом съездить куда-нибудь на дачу? Пока еще не знаю. Многое будет зависеть от того ответа, который я ожидаю от проф[ессора] Howland из Америки.

17 июня. Сильная жара. Трудно заниматься. А тут под окном играют еще русские ребятишки, оглушительно и пронзительно кричат. Но что поделаешь? Не могу же я запретить им играть на вольном воздухе.

Окна открыты, и комнаты вообще заполняются уличным шумом. Наша Dickinson Road кишмя кишит русскими евреями, татарами, китайцами, японцами, филиппинцами и отнюдь не принадлежит к тихим улицам. Она шумна не только в дневное, но и в вечернее время.

Удивительно шумны сами китайцы. Не дай Бог, если рассорятся две китайки. Они будут кричать, визжать, и вы подумаете, что кого-нибудь режут. Китайцы-мужчины тоже любят горлопанить, кричать и петь. Пожалуй, прав один иностранец, который как-то сказал, что «noise is a national necessity of China».

18 июня. Получил три письма из Р[усского] З[арубежного] И[сторического] архива из Праги. В одном из писем сообщается, что в это учреждение поступил архив покойного доктора Русселя-Судзиловского из Тяньцзиня. В свое время этот архив был отправлен отсюда при моем содействии¹. По моим сведениям, на Дальнем Востоке пока что находятся без присмотра три крупных архивных

¹ Ныне находится в: ГА РФ. Ф. Р-5825. 1 оп. 264 ед. хр.

собрания. Это, во-первых, архив Владивостокского правительства братьев Меркуловых (1921—1922 годы). Этот архив находится в полицейском управлении китайского города Тяньцзиня. Взят он был китайскими властями, кажется, в 1927 году при разгроме газеты «Наш Путь». Где-то в китайском Туркестане должен храниться теперь архив войскового правительства Оренбургского казачьего войска, каковой остался там после смерти атамана Дутова. В Токио, кажется, лежит без движения архив атамана Семенова.

К получению Меркуловского архива в свое время принимались меры Русской национальной общиной в Тяньцзине, но эти хлопоты не дали положительных результатов. Боюсь, не пропал ли он уж совсем. Видимо, без крупной взятки его нельзя будет заполучить обратно.

19 июня. Воскресенье. Троица. Сегодня многие русские отправились за город, на пикники, чтобы отдохнуть на лоне природы и справить здесь праздник. В окрестных озерах русские нашли места для купанья. На некоторых из них поставлены кабинки. Этого до пришествия русских в Тяньцзине не бывало. Теперь порой даже иностранцы посещают эти места купаний.

Верстах в семи от города, вниз по течению реки Бэй-хо, русские отыскали какую-то рощицу и не преминули назвать ее «Луна-парк». Сегодня туда рейсировала русская моторная лодка «Чайка» и отвозила любителей загородных прогулок. Жена в компании с Курбатовыми и Чупиными собирались тоже сегодня покататься на лодке по Бэй-хо, но нанятую у китайцев лодку перехватили американцы, и потому прогулка не состоялась.

Лично я провел день скучно. Чем далее, тем все тошнее становится жить в Китае. Чужбина всем пресытила...

20 июня. Завтра жена собирается поехать в Пекин, чтобы показаться там немецким докторам. У нее давно уже болят руки, и она не знает, по какой причине и как их лечить. Здешние доктора оказались бессильны поставить правильный диагноз.

21 июня. В девять часов утра проводил жену на вокзал. Она выехала в Пекин вместе с Е.С.Курбатовой.

22 июня. День провел в некоторой работе: начал писать свои «этнографические заметки», где думаю изложить ряд своих соображений об основах быта примитивных народов.

23 июня. Получил письмо от жены из Пекина. Пишет, что начала свое лечение у немецкого доктора Крига. Поселилась она в бординхаузе [boarding house] Красулина, но после отъезда Курбатовой обратно в Тяньцзинь переехала на житье в квартиру Зверевых.

Время провожу однообразно. Читаю. Пишу. Играю в шахматы. Кажется, надо мне сделать антишахматную прививку. Это, конечно, шутка. А вот об антихолерной прививке следует подумать.

24 июня. На берегу одного из прудов на японской концессии найден труп некоего Кузьмина. Это уроженец Якутской области, якут по национальности. При каких обстоятельствах он скончался, остается неизвестным. Смерть его вызывает в русской колонии города много толков. Насколько я знаю, покойный был единственным якутом в Тяньцзине.

Не везет сибирским инородцам здесь. Лет пять – шесть тому назад в Тяньцзине обосновался бурят, некто Дахеев. Он имел хороший заработок. Покупал лошадей-бегунцов в Хайларе и продавал их здесь спортсменам-любителям беговых скачек. Затем завел коров, открыл молочную ферму, что тоже стало давать хороший доход. В один злощастный день он был убит у себя на ферме. Убийцы успели скрыться. В городе говорили, что убийство было организовано конкурентами Дахеева по торговле лошадьми. Теперь жена его, уроженка Боханского ведомства Иркутской губернии, продолжает вести молочное дело. Кажется, она единственная бурятка в Тяньцзине.

25 июня. Пресса уделяет много внимания захвату японцами морских таможен в Маньчжурии. Кажется, события имеют свою логику и неуклонно развиваются в известном направлении.

26 июня. Воскресенье. Сегодня газета «Голос Азии» высказывает предположение, что покойный Кузьмин, якут, мог умереть на рикше от разрыва сердца, что рикша мог завести его на окраину города и здесь выбросить из коляски. Говорят, покойный был в последнее время нервно расстроен и страдал манией какого-то преследования.

Не могу здесь не вспомнить, как несколько лет тому назад я, некто г[осподин] Амбарцумов и покойный Кузьмин сидели однажды за столиком Русского клуба здесь. Разговор шел о некоторых моментах из истории белой борьбы против большевиков в Якутской области. Я вспомнил, что мой двоюродный брат, Н.П.Шерлаимов, еще молодой человек, служил при Сибирском правительстве и Колчаке помощником областного комиссара Якутской области, затем после краха белого движения он пытался выбраться из Якутской области к побережью Охотского моря и здесь был на пути убит какими-то рабочими-большевиками.

Я спросил Амбарцумова и Кузьмина, хорошо осведомленных в якутских делах, правда ли все то, что я слышал о Шерлаимове. Они подтвердили мне сведения об убийстве моего родственника и сообщили, что он был убит бандой большевистствующих рабочих, которые работали где-то на золотых приисках по побережью моря. В этой банде было несколько десятков человек. Они двигались от Охотского моря в пределы Якутской области, не взяв с собой на дорогу достаточного запаса продуктов. Разразился голод. Бандиты начали умирать от истощения сил. Началось людоедство. Ослабевшие убивались более здоровыми товарищами и затем шли на пищу. С этой бандой одичавших людей повстречался какой-то бродячий белый отряд. Белые, узнав, что перед ними большевики и притом людоеды, перебили их без остатка: ни один человек не спасся. Так жестоко судьба отомстила им за убийство моего родственника. Это – из страшного не так далекого прошлого...

Не могу не вспомнить здесь, что на побережье Охотского же моря в 1923 или 1924 году, вскоре после ликвидации Пепеляевского отряда, был арестован большевиками двоюродный брат моего отца Г.С.Серебренников*, моряк, старший лейтенант русского флота. В 1918 году этот мой родственник находился на службе в Лондоне. Когда в Сибири началось антибольшевистское движение и в Омске возник-

ло Сибирское правительство, Серебренников был командирован русским послом в Англии в Омск для связи с Сибирским правительством. Ему пришлось выехать в Архангельск и затем пробираться в Сибирь через Уральский фронт. В Омске П.В. Вологодский решил воспользоваться услугами молодого энергичного гонца (Серебренников хотя и приходится мне дядей, но много моложе меня) и командировал его в Пекин для связи с русским посланником в Китае князем Кудашевым. Серебренникову пришлось выехать в Семипалатинск, затем пробраться в Монголию, а оттуда выехать в Пекин. Побыв некоторое время на Дальнем Востоке, он уже по железной дороге вернулся в Омск, где и зачислился на службу по морскому ведомству. После падения Омска Серебренников совершил по Сибири «Ледяной поход» с остатками армии Колчака и вновь оказался на Д[альнем] Востоке. Здесь он одно время служил где-то в Японии, но затем пробрался во Владивосток, очевидно, во время белого правительства братьев Меркуловых. Во Владивостоке он купил шхуну, товаров и в компании с кем-то отправился к берегам Охотского моря, чтобы открыть здесь торговлю с аборигенами края и скупать пушной товар. Как говорили, дела его пошли весьма успешно, и он стал, как говорится, «делать деньги». Но большевики добрались до него, арестовали и увезли в Якутск, где посадили в тюрьму. Через некоторое время он был на свободе, и я уже знал, что он живет во Владивостоке, находясь на советской службе. В прошлом году он бежал из Советской России и оказался в Харбине. Я получил от беглеца письмо, в котором он писал мне: «Не знаю, что ждет меня снова в Китае, но одно твердо знаю, что хуже, чем там, в Советской России, быть не может». Как я слышал недавно, Серебренников находится сейчас в Шанхае, где имеет какую-то службу. Он, между прочим, отлично знает несколько европейских языков. Крайне интересна биография его отца, а моего двоюродного дяди, политического мигранта старых годов. Его биографию я вкратце воспроизвел в написанных «Моих воспоминаниях» за 1917—1922 годы.

Это опять-таки из прошлого. А что же в настоящем? Каковы новости настоящего времени? А вот: в Сиаме разразилась революция. Факт знаменательный...

27 июня. Как я узнал, в Шанхае осенью этого года сибиряки собираются отпраздновать 350-летний юбилей завоевания Сибири. То же самое намереваются сделать сибиряки в Париже¹ во главе с С.В. Востротинным, а также и в Харбине. В последнем предполагается выпустить Сибирский юбилейный сборник. Сегодня я получил письмо из Харбина от А.Г. Грызова* с просьбой написать что-нибудь для этого юбилейного сборника. Я ответил своим согласием, но сообщил, что, по-моему, сибиряки собираются праздновать юбилей с опозда-

¹ Общество сибиряков и дальневосточников основано в Париже в 1932 г. русскими эмигрантами — выходцами из Китая. Председатель профессор П.Ф. Козловский, почетный председатель С.В. Востротин. Членами состояли около 50 человек. Ставило две задачи: оказание помощи (возвратные и невозвратные ссуды, пособия) и лекционная деятельность. Проводились литературно-музыкальные вечера. Лит.: О-во сибиряков и дальневосточников в Париже // Новая заря. 1938. 24 сент.

нием, т.к. по-настоящему 350-летие завоевания Сибири исполнилось еще в прошлом, 1931, году. На самом деле, Ермак занял Искер, столицу Сибирского ханства, 26 октября 1581 года. 300-летний юбилей торжественно справляли по всей Сибири в 1881 году. Очевидно, всех ввел в заблуждение учебник русской истории Платонова, где указано, что покорение Сибири произошло в 1582 году. Учебник учебником, а где же знание сибиряками сибирской истории? Для сборника надумал написать статью «Будущее сибирского областничества».

28 июня. С поездом в 7 часов 25 минут вечера вернулась жена из Пекина. Рассказала, как шло лечение, как проводила время. Мне кажется, поездка освежила ее. Как-никак, повидала старых знакомых, кое-что успела посмотреть нового в бывшей столице Китая.

29 июня. Белая пресса Харбина, когда-то приветствовавшая появление в нем японцев, начинает менять свой тон. Как будто японская агрессия в Маньчжурии вызвала пока оживление на одном только фронте белой эмиграции, именно идеологическом; на всех же других фронтах, в том числе и экономическом, обозначалось ухудшение. Судьба жестока по отношению к русской эмиграции в Китае. Хочется крикнуть: «Ударь раз, два, но зачем же до бесчувствия!!»

30 июня. Жара начинает основательно допекать. До сих пор не могу решить вопроса о том, выехать на лето куда-нибудь или нет.

1 июля. Сегодня почти 100 градусов тепла по Фаренгейту. По Реомюру это будет 30. Будь бы при доме просторный садик, где бы в тени можно было бы посидеть порой на свежем воздухе, с жарой легче было бы справиться. На нашей улице население к вечеру прямо вылезает на улицу, где и сидят перед дверьми своих квартир на стульях, табуретках... сидят долго, часами, пока не станет немного прохладнее; потом идут спать...

2 июля. Прочел сегодня в «Голосе Азии» недурной советский анекдот. Он заключается в следующем. Как-то одного еврея спросили в Москве, как он себя чувствует в Советском Союзе. Он кисло отвечает:

— Ну, как на пароходе...

На просьбу пояснить это точнее, еврей прошептал:

— Широкие горизонты, тошнит... и нельзя убежать...

На днях я слышал еще один советский анекдот, не совсем приличного свойства. В мягком пересказе этот анекдот таков. В Москве нашелся один большой п[ерд]ун, который своим задним инструментом мог изображать разные мотивы. Им заинтересовались советские комиссары и попросили его изобразить Интернационал.

— Дайте, товарищи, три дня сроку, надо подготовиться.

Прошло три дня, и «музыканта» спрашивают:

— Ну что? Как дела?

— Ничего не добился, товарищи: сначала идет хорошо, а как дойдет до слов «Мы новый мир построим», так одно г[овн]о выходит.

Юмор, и злой, жив еще в Советской России.

Одно время я собирал советские анекдоты и записывал их, но потом бросил это делать. Может быть, и зря. Записанные мною советские анекдоты я как-то обработал и втиснул их в один фельетон. Этот фельетон был напечатан в харбинской газете «Русский голос» под на-

званием «В Москве» и под псевдонимом «Проезжий». Это было лет пять—шесть тому назад.

За годы нашего скитания за границей мы с женой вырезали из газет образцы юмористических произведений, зарубежных и советских, и клеивали газетные вырезки в особые альбомы. Таких альбомов пока у нас накопилось два, и они носят название «Юмор смутных дней». М[ожет] б[ыть], когда-нибудь для потомства эта наша затея и представит некоторый интерес. Это своего рода архив юмора.

3 июля. Жарко...

4 июля. В вышедшем в Пекине № 2—3 «Китайского благовестника», посвященном памяти покойного митрополита Иннокентия, помещена моя небольшая заметка под заголовком «Из воспоминаний»¹.

Отправил в Шанхай в газету «Слово» заметку «Надо знать историю родной земли»².

5 июля. В доме Гнадеберга познакомился я с одним советским гражданином, служащим в местной советской торговой организации. Это еще совсем молодой человек, окончивший Московский университет, по-видимому, «выдвиженец». Не знаю, коммунист он или беспартийный. Я пробовал завязать с ним политический разговор, называя вещи их собственными именами. Собеседник был очень сдержан в своих суждениях. В конце концов мы порешили, кажется, на том, что только матушка-история разберет, кто прав и кто виноват в русской кровавой неразберихе. Так-то оно так, только госпожа-то история уж очень медленно поспешает. Поскорее бы она выносила свой беспристрастный приговор!

6 июля. Смотрел кинокартину английской продукции «Балаклава». Сюжет — из Крымской войны. Батальные моменты поставлены хорошо, порой художественно. В бытовом смысле есть «клюква», правда, не в большом количестве. В картине можно увидеть императора Николая I, князя Меншикова и генерала Липранди.

7 июля. Печет. В 10 часов утра термометр в тени показывал 86 градусов по Фаренгейту. Потею я ужасно, словно в бане на полке. Жара. А в то же время не слышать что-то о массовом выезде дачников в Пэйтихо, или Петухово, как его прозвали в шутку местные евреи. Все чего-то боятся, войны ли китайцев с японцами или холеры, и не спешат тронуться с места. Несколько русских семей уехали на лето в Пекин, где поселились в Духовной миссии. Там хоть ребятишкам есть где погулять в обширных парках.

8 июля. Сделал себе сегодня в Русском госпитале первую антихолерную прививку. Через неделю придется сделать вторую. Когда я был во дворе госпиталя, то в одной из фанз у двери я заметил одного больного. Волосы его были взлохмачены, глаза дикие, вид вообще ужасный. Этот больной долго присматривался ко мне и, наконец, через дверную сетку до меня долетели его слова:

— Господин Серебренников, дайте сигаретку. Я мучаюсь, лечусь тут. У меня белая горячка.

¹ Серебренников И.И. Из воспоминаний // Кит. благовестник. 1932. № 2—3.

² Серебренников И. Надо знать историю родной земли // Слово. 1932. 9 июля.

Я узнал просителя: это был о[тец] Борис Фомичев, бывший артист оперы и священник.

— Отец Борис? К сожалению, я не захватил с собой сигарет, — сказал я.

Больной отошел от двери, что-то дико закричал, застонал.

— Это уже не первый раз с ним случается, — сказала мне стоявшая рядом со мной сестра милосердия.

Грустная печальная картина. Как часто алкоголь губит русских людей, и как жестока бывает его адова работа, когда его жертвой становится талантливый русский человек...

9 июля. Удивительное дело: на холере объединились здесь не только русские между собой, но и евреи, поляки, татары. Общими усилиями создана здесь особая комиссия по устройству изоляционного госпиталя. Хорошо, что русские взяли почин в этом деле.

Только что узнал печальную новость: скончался и уже вчера был похоронен священник-униат о[тец] Диодор Колпинский¹. Новость страшно расстроила меня: еще не так давно о[тец] Диодор бывал у меня в гостях, и мы целыми часами беседовали с ним о разных вещах. Слушать такого образованного собеседника, каким был покойный, всегда доставляло большое удовольствие. Почему судьба так жестока к людям? Порой мне кажется, она особенно жестока к остаткам старой русской интеллигенции на чужбине. Хочется плакать. Представляю, как убита горем старушка-мать покойного.

10 июля. Сегодня утром мы с женой побывали в квартире, где жил покойный о[тец] Диодор. Матери его не застали дома. Квартирная хозяйка рассказала, как в субботу, 2-го июля, о[тец] Диодор заболел аппендицитом и что он промучился около недели, прежде чем пришла смерть-успокоительница. Покойного отпели по католическому обряду и спешно похоронили. От Французского госпиталя прах покойного в сопровождении одного католического монаха доставили к каналу. Здесь гроб был поставлен в лодку. Один китасец сел на гроб, другой стал у весла, и эта грустная похоронная процессия отплыла по каналу, чтобы доставить умершего на католическое кладбище, находящееся где-то далеко за городом.

Так схоронили русского священника-дворянина, окончившего Петербургский кадетский корпус, университеты в Риме и Петербурге, знавшего полдюжины иностранных языков, высокообразованного человека, которому еще не было и сорока лет. От престарелой матери покойного едва ли можно было что требовать: она, нужно думать, была вне себя от случившегося с ней горя. Но почему католики не смогли устроить покойному приличные похороны, не могут понять. Похоронили, словно безродного пропойцу-бродягу...

11 июля. Отправил сегодня в Америку свою статью «Автономистское движение в Сибири и его будущее». Ответ о судьбе рукописи придется ждать не ранее сентября месяца. Рукопись, перепечатанная на английском языке, заняла 24 страницы большого формата.

¹ Пурин А. Венок на могилу отца Диодора Колпинского, 1893—1932: (Некролог) // Парус. 1932. № 10. С. 126—127.

12 июля. День Петра и Павла. Вспоминаю, у нас, на Лене, этот день праздновали основательно.

С Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] идут плохие вести: на ст[анции] Ханьдаохэцзы китайские солдаты, тоже бандиты, порубили много русских¹.

[Зачеркнуты 6 строк. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

В шанхайском «Слове» (№ 1177 от 9 июля) появилась моя заметка «Надо знать историю родной земли». Сибирский областник А.Н.Васильев-Дубровский поместил вслед за моей заметкой «Юбилейную историческую справку о Сибири». Говоря о готовящемся юбилейном Сибирском празднике, он пишет: «Началась энергичная братская перекличка сибиряков по всему миру: Прага, Париж, Шанхай, Харбин, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Австралийские и Южно-Американские группы, и сущие в рассеянии в других странах сибиряки. В юбилейный торжественный день они становятся под бело-зеленый сибирский стяг — эмблему белой чистоты и зеленого цвета надежды, эмблему родных белых, пушистых сибирских снегов и зеленой курчавой тайги. Да будет цвет надежды — неугасимой надеждой: к Великой России через великую Сибирь! Да будет!..»

13 июля. Получил от доктора Фишера письмо с уведомлением, что Библиотека Хувера в Америке покупает право издания моих мемуаров за 1917—1922 годы на английском языке за четыреста золотых долларов. Может быть, это и немного, но и за то спасибо. Так как двести долларов я получил ранее, остается получить еще столько же. Рад был узнать, что право издать мои мемуары на русском языке остается за мной. Одно дело, таким образом, закончено. Теперь буду хлопотать об издании мемуаров на русском языке. Кажется, это придется сделать в Китае, именно в Шанхае.

Сегодня же жена получила большое письмо из Парижа от М.А.Кроля, нашего знакомого и коллеги по общественной деятельности в Иркутске. Из письма мы узнали, что М[ихаил] А[фанасьевич] живет сейчас преимущественно тем, что дает ему журналистика. Работает он в нью-йоркском еврейском журнале «Цукунфте».

Вечером шатался я по Французской концессии, где наблюдал пышную иллюминацию по случаю завтрашнего праздника Франции. Большой интерес представляло карнавальное шествие. Оно было организовано на китайский лад. Впервые в жизни я видел тут процессионных больших извивающихся драконов. Конца карнавального шествия я не дождался. Говорят, оно закончилось эффектной «битвой драконов».

14 июля. День взятия Бастилии. В этот день есть, кажется, о чем пораздумать вообще и о судьбах революции в частности. Со времен Французской революции прошло около 140 лет. Времени прожито не так много, но пережито людьми всякой всячины достаточно. Долгое время революции долго гуляли по Европе, постепенно про-

¹ «Японское командование организовало специальные отряды для борьбы с партизанами и бандитами и на вербовало много русских офицеров. Нападения партизан вызвали панику среди населения. В числе пострадавших много русских, которые покидают теперь свои хутора и бегут в Харбин» (Новое русское слово. 1932. 10 июля).

двигаясь к востоку. Потом перекинулись в Азию. Персия, Турция, Китай..., наконец, грянула революция в России. Едва ли это не последняя революция на бесконечных пространствах Евро-Азиатского материка.

Революция в России проходит с социалистической придурью. Каковы будут ее окончательные судьбы, никто еще не знает. Может быть, подобно тому, как Французская революция дала содержание ряду революций в других странах на протяжении примерно ста лет, и русская революция окрасит своим кровавым отблеском другие революции в других странах также на ближайшие сто лет. Может быть это... но сама русская революция в своих социалистических родах даст лишь мертвый плод. Ее неудача неизбежна, и она на своем завершении лишь очистит дорогу для самого буйного акта капитализма в России. Это будет и в Китае. Только тогда, когда Россия покроется густой сетью фабрик и заводов, когда и Китай крепко станет на свои капиталистические ноги, в Европе будет не крепко. Я не знаю, суждено ли будет капитализму погибнуть или нет. Если же ему будет суждено первое, то одно могу предсказать сейчас: последними твердынями капитализма на свете окажутся Россия и Китай. Если разразится «последний и решительный бой», то он будет здесь.

15 июля. Ночь на сегодня была довольно прохладной. Можно было хорошо уснуть. С утра, однако, жара снова начала донимать нас. Особенно мучается от нее жена.

16 июля. Рейтер сообщает сенсационные новости о маневрах советских войск около станции Маньчжурия и о спешном отъезде из Харбина товарища председателя правления Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] Кузнцова. Положение в Северной Маньчжурии продолжает оставаться крайне запутанным. Что касается самой Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги], то из трех ее секций продолжают работать две: южная и западная. Восточная вот уже в течение нескольких месяцев находится в состоянии полного паралича и не работает, будучи взята бандитами на поток и разграбление.

[Зачеркнуты 4 строки. — Прим. А.А.Хисамудинова.]

17 июля. Воскресенье. День убийства царской семьи в Екатеринбурге. Русская община здесь приказала сегодня вывесить русские национальные флаги с трауром. Против моего окна в кабинете развивается огромный старый русский флаг. Вывешен он Казачьим союзом. Вчера в этом Казачьем союзе происходили какие-то шумные дебаты. По какому поводу, не знаю.

Сегодня, в четыре часа дня, в Русском собрании назначено общее собрание членов Православного китайского братства во имя Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского чудотворца. Это собрание должно бы рассмотреть конфликт протоиерея о[тца] Сергия Чана с членами правления братства. Дня три тому назад ко мне являлась депутация от группы членов братства с предложением мне принять на себя председательствование на общем собрании. Я категорически отказался от этой чести. Любопытно, что сегодня же о[тец] Сергей сам созывает общее собрание членов братства в помещении Иннокентьевской церкви. Таким образом, сегодня как бы

должны состояться два общих собрания членов одной и той же организации.

Насколько я знаю, конфликт вырос на почве китайской алчности к деньгам. О[тец] Сергей пожелал более самостоятельно распоряжаться доходами братства, чем это дозволялось ему ранее членами правления. Конфликт принял острые формы. Как мне передавали, о[тец] Сергей в пылу полемики не стеснялся называть русских членов правления братства мошенниками и хунхузами. Несколько пренебрежительное отношение к русским у него проявлялось и ранее. Он нередко говорил:

– Русские – люди хорошие, добрые, но дураки.

Очевидно, что нужно было понимать так, что русские не умеют пользоваться общественными деньгами в свою пользу.

В конфликте русские члены правления братства оскорблены и притом незаслуженно. Тем не менее находятся другие русские, которые становятся на сторону о[тца] Сергея Чана. Правда, теперь его окружают людишки, если можно так выразиться, последнего разбора. Говорят, что о[тец] Сергей Чан в свое время снесся с партией Гоминьдан и получил из Нанкина бумагу, в силу коей он назначается начальником Русской духовной миссии в Китае с подчинением ему всех русских церквей в Китае. Бумагу эту о[тец] Сергей держит пока в запасе и особых прав своих не заявляет.

Местные газеты о конфликте ничего не пишут из желания не выносить сор из русской избы. Это, пожалуй, правильно. Я считаю, что конфликт ни к чему хорошему ни для русских людей, ни для о[тца] Сергея не приведет.

18 июля. В сегодняшнем номере «Peking and Tientsin Times» напечатано письмо миссионера Симпсона к генералу Д.Л.Хорвату, рассказывающее про обстоятельства, при которых погибли сын этого миссионера и Л.Д.Хорват, сын генерала, от рук бандитов в западной провинции Китая Гансу¹. Вот это письмо: «Мой дорогой генерал. Конечно, Вы уже слышали о тех печальных происшествиях, которые случились 20 июня на автомобильной дороге около 500 миль к востоку от Аньдина, но я хочу сообщить вам детали этого происшествия, поскольку я знаю их. Первый раз я встретил вашего сына в Хашанпу, в 35 милях к западу от Пинляна², 13 мая. Наш автомобиль потребовал осмотра, и мы остановились, чтобы посмотреть машину. В это время к нам подошел иностранец и, не говоря ни слова, начал исследовать нашу машину. Он так умело стал с ней обращаться, что мы сразу поняли, что незнакомец опытный механик. На наш запрос он сказал, что его фамилия Хорват и что он служит в комиссии помощи голодающим, каковая соорудила моторную дорогу через близлежащий горный проход Лю Пэнь. Когда наш автомобиль был приведен в исправное состояние, мы поблагодарили незнакомца за помощь, которую он так любезно оказал нам, и начали свое путешествие далее.

¹ Северо-запад Китая.

² Пинлян, провинция Ганьсу, недалеко от провинции Шэньси.

С нашим автомобилем, однако, произошли снова еще худшие неприятности, когда мы попытались подняться по крутому подъему на старой автомобильной дороге, и мы были вынуждены вернуться к небольшой деревушке, находившейся у подножья горы. Здесь снова ваш добрый сын любезно предложил свои услуги, и он упорно работал в течение четырех дней, пока не привел автомобиль в такое состояние, что он мог уже вернуться в Пинлян для дальнейшего ремонта. В течение этих дней я узнал многое о тяжелой одинокой жизни Вашего сына в этом краю. Он сообщил мне также свои опасения относительно возможности потери своей службы. Ваш сын отказался получить вознаграждение за работу по ремонту автомобиля, но только сказал, что он хотел бы получить немного патронов для его охотничьего ружья.

Вернувшись во второй раз в Пинлян 1-го июня, я застал вашего сына здесь, и он сообщил мне, что потерял свою службу по постройке дороги и теперь может делать, что хочет. Я спросил его, возвращается ли он в Пекин, и в ответ на этот вопрос Ваш сын сказал мне, что он хотел бы поехать со мною к границам Тибета и за летнее время познакомиться с местным краем, это будет лучше, чем переносить тяжелую жару Пекина. Я сообщил ему, что, если он поедет с нами и будет управлять нашим грузовым автомобилем, пока наш багаж не прибудет в Миньчжоу, я оплачу все его расходы, хотя и не смогу обещать ему постоянного места на определенном жаловании. Он с радостью согласился на это, и мы оставили Пинлян 3-го июня, прибыли в Аньдин 4-го и в Ганчжан 7 июня. За все эти дни Ваш сын превосходно исполнял свои обязанности. 8-го июня он и мой сын отправились вместе на грузовике и съездили в Сиань, затем вернулись в Пинлян, нагрузили грузовик чемоданами и ящиками и вернулись в Аньдин 17-го. Разгрузившись, они отправились снова в Пинлян 18-го за второй партией груза, заявив, что вернутся через три дня. Оба были в отличном состоянии духа, и, казалось, были весьма довольны один обществом другого.

Достигнув Пинляна, они снова погрузили грузовик и отправились назад. 21-го июня, около часу дня, они приехали в пункт, носящий название Шинь Тео Вань Нао. Здесь неожиданно, без предупреждения, не подозревая о какой-либо опасности, они были обстреляны из винтовок. Град пуль полетел в грузовик, и наши сыновья, сидевшие рядом друг с другом, были убиты. Когда грузовик остановился, выскочили несколько сот мусульманских солдат, которые недавно дезертировали из армии генерала Ма-Джу[Цзу]-Лина. Бандиты стащили с грузовика израненные тела наших сыновей, разграбили на грузовике все, что там было, попортили машину и затем отправились далее, оставив на земле два трупа, полураздетых ими, на добычу диким зверям. Местные жители собрали, однако, остатки разбитого имущества в кучу и на следующее утро похоронили убитых, каждого по сторонам дороги в отдельности, недалеко от того места, где они лежали. На месте погребения они водрузили надпись, в которой указывались дата и обстоятельства этого жестокого двойного убийства и грабежа.

Я узнал о печальном происшествии после обеда, 24-го июня, и сейчас же отправился на место. Когда я прибыл в Гуймин, это было 25-го июня, местный магистрат дал мне всю информацию, которой он обладал, и приставил ко мне человека, чтобы провести меня к месту происшествия. Я достиг этого места в полдень 26-го июня и нашел, что полученные мною печальные сведения были правильны. Оба наши убитые сыновья лежали здесь, во временных могилах, рядом с дорогой, политой их кровью.

Так как мой грузовик был сильно поврежден, и самое место было пустынно, без удобных средств сообщения, то я был вынужден оставить убитых на месте и вернуться в Аньдин, несмотря на то, что район этот был наводнен бандитами. Я должен теперь подумать о том, как увезти тела убитых и дать им надлежащее погребенье. Дамы-миссионерки здесь, принадлежащие к составу Китайской Внутренней миссии (The China Inland Mission)¹, г[оспо]жи Верхулст и Грасли, уже приготовили два гроба, и я написал г[осподину] Шульц в Ланьчжоу, прося его помочь мне его грузовиком. Я также написал письмо нашему Американскому генеральному консулу в Ханькоу, прося его содействия. Я пишу также начальнику Умиротворения в Ланьчжоу, рассказывая ему обстоятельства печального происшествия и прося его помощи. Затем я отправил письмо г[осподину] Густаву Торнвалк в Пинляне и просил его написать Вам письмо обо всем случившемся, так как я не имею Вашего адреса.

Я посылаю это письмо в адрес Американского посланника в Пекине в надежде, что он доставит его Вам. Пожалуйста, сообщите мне о Ваших желаниях относительно останков Вашего сына и тех его немногих вещей, которые находятся теперь в моем доме в Миньчжоу. Я вернусь в этот город, как только устрою дела здесь, в Аньдине. Я помещу останки убитого в деревянном гробу в безопасном месте для временного погребения, пока я не получу сведений от Вас.

Я, опечаленный отец, пишу, генерал, Вам, другому опечаленному отцу.

Ваш, полный горя В.В.Симпсон».

Так погибают в Китае забредшие в его глухие углы иностранцы, среди них и русские. Бандитизм становится грозным бичом этой страны. Пройдут, вероятно, десятилетия, прежде чем страна справится с этим злом...

Теперь *pro domo sua*². После полудня я получил долгожданное письмо от проф[ессора] С.Р.Ноланд. Он признал предложенные мною ему денежные условия удовлетворительными (*satisfactory*). Значит ли это, что они приемлемы для него? Считаю, что да. При письме профессор предложил программу вопросов, по которым мне нужно будет собирать материалы, и сообщил, что переводит мне в отдельном письме сто золотых долларов как аванс по моей работе.

¹ Основана евангелистом Джеймсом Хадсоном Тейлором, считалась одной из самых крупных в мире.

² Лат. афоризм: *букв.* О своем доме; по поводу себя; в защиту своих интересов.

Итак, положение определилось. Надо садиться за работу. Но, как и где, придется еще подумать.

19 июля. На прогулке зашел сегодня во французский книжный магазин посмотреть новинки. Наткнулся на приятный сюрприз: оказалось, в июльской книжке «The China Journal» напечатана моя статья «Albazinians». Буду ждать теперь, что редакция журнала пошлет мне эту книжку. Не знаю, получу ли я гонорар за свою статью. Возможно, что и нет.

20 июля. Получил сегодня от проф[ессора] Howland перевод в сумме ста американских долларов. При обмене это составило 473 кит[айских] доллара и 60 центов. Можно думать, что ввиду хозяйственной депрессии город переполнен деньгами и неизвестно, что с ними нужно делать, куда их вложить. Недели две тому назад я как-то зашел в Гонконг-Шанхайский банк и спросил, открывает ли банк новые текущие или сберегательные счета. Мне ответили, что нет. Слышал я, что National City Bank of New York также прекратил открытие этих счетов. Сегодня я был в Английском банке — Bank of India, Australia and China, и мне сообщили, что здесь открывают новые текущие счета при типитате в 400 долларов. Я пожелал открыть такой счет и положить четыреста долларов. Тогда мне ответили, что при вкладе в 400 долларов я должен буду платить банку по 10 долларов за полугодие. Впервые в жизни я встретился с предложением такого рода. Конечно, я отказался его принять.

Один старый русский коммерсант, проживающий в Китае уже пятый десяток лет, занес мне сегодня для прочтения его записку, носящую название «Обзор торговли европейских фирм в Китае по экспорту и импорту». В этой записке много интересного материала. Рассказав о том, что вся европейская торговля в Китае ведется через особых посредников-китайцев, так называемых компрадоров, и, указав на недостатки этой системы, автор даст дальше следующие небезынтересные для нас, русских, сведения. Он пишет: «До 1918 года вся экспортная торговля пушниною как в Тяньцзине, так и вообще в Китае находилась исключительно в руках английских и американских купцов. После же происшедших в России событий многие русские торговцы перенесли свою деятельность по торговле пушниною в Китай. Русская система торговли оказалась здесь совершенно иною. Русские совершенно не пожелали быть в какой-либо мере в зависимости от туземных торговых посредников, и компрадорская система была для них неприемлема. Приехавшие сюда русские торговцы по торговле пушниною в большинстве случаев не имели каких-либо капиталов, но они сумели войти непосредственно в контакт с самими туземными торговцами, помимо компрадоров, они стали ездить за покупкою пушнины внутрь страны, в отдаленные пункты от Тяньцзиня и вообще морских портов и приобретать пушнину непосредственно от китайских купцов-торговцев и туземного населения. В результате такой работы 99 % всей экспортной торговли пушниною в Китае перешло в руки этих торговцев-купцов. Они восстановили свои прежние торговые связи с Америкою, Англией и Германией и в буквальном смысле слова захватили в свои руки указанную от-

расль экспортной торговли. Приехав в Китай без денег, не имея кредита, они сумели, однако, побить всех старых и богатых английских и американских местных экспортеров по торговле мехами... Те же из американских купцов, которые раньше вели свои дела с Россией по торговле пушниною, если открывали в Китае свои филиальные отделения, приглашали, в виде правила, видных служащих и порою даже главноуправляющих из русских. В настоящий небывалый в истории мировой кризис русские торговцы пушниною в Китае и американские пушные фирмы, имеющие у себя на службе русских, не ликвидируют своих дел, тогда как прежние богатые английские экспортеры по торговле мехами и пушниною совершенно ликвидировали эту свою отрасль экспортной торговли. Можно, конечно, не провозглашать гениальною деловитость русских купцов в отрасли меховой экспортной торговли, но следует сделать один вывод, именно: вне всякого сомнения, прежняя компрадорская система европейской торговли отжила свой век, устарела».

Полагаю, что эти замечания компетентного автора прочтенной мною записки не потеряют своего интереса и для будущего историка судеб русской эмиграции в Китае.

Добыл сегодня в библиотеке еврейского клуба «Кунст» одно советское издание: это «*Soviet Union Year-Book. 1930*». Справочник этот издан в Лондоне Аркосом.

21 июля. Газету «Голос Азии» я получаю в нескольких экземплярах. По одному экземпляру я посылаю в Р[усский] З[арубежный] И[сторический] архив в Праге и в Библиотеку Хувера. Сегодня утром газета не пришла. Не получил ее и за прошлое воскресенье. Поэтому днем сегодня я взял рикшу и поехал в контору газеты на Японской концессии, чтобы получить недостававшие номера. В редакции я застал только одного русского: сына редактора. Он вручил мне номера за воскресенье. Что же касается сегодняшнего номера, то я узнал, что он выйдет только к вечеру, так как была поломана машина.

Помещение редакции — довольно убогое, обстановка скудная, все вместе носит характер небольшого кустарного предприятия.

Субсидируемая японцами газета, конечно, проводит японскую политику и на своих страницах печатает много неприятного для молодого маршала Чжан Сюэяна, бывшего повелителя Маньчжурии, теперь властелина над городами Пекином и Тяньцзинем. Я много раз задавался вопросом о том, обращают ли китайцы свое внимание на «Голос Азии» или же совершенно ее игнорируют, и не мог найти ответа на этот вопрос.

После визита в «Голос Азии» я совершил по своим делам поездку на Французскую и Итальянскую концессии, заехал в Каракас-кафе поиграть в шахматы и вернулся домой только к вечеру. У себя дома, в почтовом ящике, я нашел уже сегодняшней номер «Голос Азии». В нем я прочитал потрясающую историю о том, как китайская полиция арестовала на днях и жестоко избивала двух русских служащих этой газеты: Н.Ф.Булычева и С.Г.Смычникова. Из них первый был корректором, а второй — простым наборщиком. По сообщению газеты, арест этот произошел при следующих обстоятельствах. В китай-

ской части города, недалеко от границ Японской концессии, в узком и темном китайском переулке, где находятся кипятильники горячей воды, китайская полиция устроила засаду. По ее разведке, в эти кипятильники изредка приходили русские служащие газеты за кипятком. И здесь было решено схватить тех из них, которые придут. Полиция скрывалась в засаде два дня.

Первой жертвой оказался Н.Ф.Булычев. В минувшую субботу, 16 июля, он пошел за кипятком. Получив воду, он вышел из лавки и спокойно возвращался обратно. В этот момент, сзади, на него напали полицейские. Они схватили Булычева за руки. Началась борьба. Подскочили еще какие-то китайцы и постовой полицейский. Булычев был в кольце, и на его голову посыпались удары палкой, которою с ожесточением бил его постовой полицейский. На мгновение несчастный потерял сознание, и, когда пришел в себя, его уже вели по улицам Китайского города. Кругом шла китайская толпа. На лицо жертвы сыпались удары, летели плевки в лицо. Торжествующий злобный хохот потрясал воздух. Булычева привели в ближайший полицейский участок, и здесь немедленно надели на него ручные кандалы.

С момента его похищения прошло полчаса. За сигаретами в китайскую лавку пошел другой русский служащий «Голоса Азии», наборщик С.Г.Смычников. Его схватили примерно таким же способом, как и Булычева. Вторая жертва китайского «правосудия» тут же, на улице, подверглась еще большим побоям. Смычникову выбили зубы, били по ногам и в бессознательном состоянии увели в тот же полицейский участок. Там его снова били. Связали ему руки тонкой бечевкой, вьсвшейся в тело. Некоторые из представителей власти кричали по-китайски, что нужно убить «ломозу» – русского.

Страх ответственности перед японцами заставил китайцев все же выпустить из участка Смычникова. Он явился в редакцию газеты в кошмарном истерзанном виде. О случившемся было немедленно дано знать японским властям. Последние приняли меры к спасению жизни Булычева, которого удалось, однако, освободить только к вечеру во вторник, 19-го июля. Бедняга прожил кошмарные дни и ночи, готовясь к смерти... О том, что пришлось ему испытать, подробно рассказано на страницах газеты...

Такова кошмарная китайская действительность! Будь она трижды проклята Богом и людьми.

На первом допросе Булычева выяснилось, что у китайцев имеются полные сведения о том, кто из русских служит в японской газете. Китайцы сверяли фамилии этих русских с какой-то бумагой, полученной ими. Как мог заметить Булычев, это был донос одного из русских, именующего себя белым эмигрантом... Редакция «Голоса Азии» обещает в скором времени опубликовать фамилию этого русского доносчика.

22 июля. Начал сегодня свою работу для проф[ессора] Howland. Пока составляю общий очерк Барги. Потом примусь за Внутреннюю Монголию, а далее и за Восточную Сибирь, от Байкала до Тихого океана.

Чтобы ускорить работу, думаю пригласить переводчика. Возможно, что остановлюсь на Анненкове, бывшем гвардейском офицере, хорошо знающим английский язык. К сожалению, у него недостаток: это некоторое пристрастие к алкоголю.

Алкоголь — это зло русской эмиграции. Пьют от тоски, от желания забыться, порой от безделья. Вчера вечером в Русском госпитале скончался от белой горячки бывший офицер Русской армии Б.С.Ступин, еще молодой человек. Да успокоит его тихо чужая земля!..

Дальше от этих [...] [запись неразборчива. — Прим. А.А.Хисамутдинова] сторон быта русской эмиграции здесь!?!

И без того грустно.

Инцидент с сотрудниками «Голоса Азии» вызвал сегодня в «Нашей Заре» появление небольшой заметки. Не поместить заметки было бы, пожалуй, неловко: как-никак пострадали коллеги по газетной работе. Написать правду, как все было, с открытым забралом — не в практике этого жалкого убудка Лембича: можно рассердить китайцев. Поэтому заметка была составлена так, что ярко свидетельствовала об умении редактора «Нашей Зари» сидеть на двух стульях. Заканчивается эта заметка таким заявлением: «Официальным мотивом ареста является обвинение арестованного русского в том, что он занимался контрабандным проносом опиума в туземный город с Японской концессии...» У читателя может остаться впечатление: что ж, китайцы вправе арестовать контрабандиста, кто бы он ни был, и где бы ни пришлось это сделать.

23 июля. Внимание мира направляется к событиям в Германии. Многие склонны находить в этих событиях ключ к разрешению проклятого русского вопроса...

24 июля. Воскресенье. Сегодня день С[вятой] Ольги. Много именинниц. Решил побывать только на одних именинах — поздравить О.П.Злоказову. В ее доме я был весьма радушно встречен хозяйкой и всем ее многочисленным семейством и был оставлен к завтраку... Весьма внимателен был ко мне и молодой зять Ольги Павловны, С.П.Татаринов, служащий Французской муниципальной полиции Шанхая и проводящий сейчас свое отпускное время в Тяньцзине. Этот молодой человек живо интересуется Китаем, его бытом и историей, и с ним приятно побеседовать о многих вещах.

Вечером с женой просидели некоторое время на крыше кафе Кислинга, погуляли немного в Victoria Park, вернулись домой и уселись за книги. Я с большим интересом прочитываю теперь роман Мельникова-Печерского «В лесах» — грандиозную эпопею из старорусского быта. В молодости я как-то не удосужился прочитать этот роман и теперь на старости лет наверстываю потерянное...

25 июля. Тяжко мучаемся от жары, особенно жена. Раньше она довольно мужественно переносила местные жары. Ныне сильно страдает от них.

Работа идет поэтому плохо. Все же за эти дни я успел набросать небольшие очерки Барги, Внутренней Монголии и Танну-Тувинской республики, т.е. Урянхайского края.

26 июля. Сегодня – день моего рождения и притом для меня довольно торжественный: мне исполнилось ровно пятьдесят лет. Прожито столетия... Я не справлял этого своего праздника. За день у меня, однако, побывали некоторые мои друзья и знакомые и поздравили меня. Моя жена-хлопотунья устроила часам к шести вечера чай и кофе. От спиртного, по случаю жары, все воздержались...

В числе гостей был у меня Р.И.Барбье* с супругой, урожденной Т.И.Потаповой*, иркутянской. Барбье приехал погостить сюда к своей семье из Шанхая, где он служит секретарем Индо-Китайского банка. Он в Китае уже около 40 лет и долгое время управлял делами Пекинского отдела правления Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Он многое знает и умет рассказать, что знает. С ним всегда можно завязать интересную беседу.

27 июля. Вчера ночь была довольно прохладная, только бы спать да спать, но, к сожалению, у меня случился припадок боли в печени, и я провел почти всю ночь без сна.

Сегодня ездил по одному делу к Чжан Гочену*, бывшему комиссионеру по финансовым делам Хобэйской провинции, но не застал его дома. Придется ехать завтра.

28 июля. Был сегодня утром у Чжан Гочена. Из разговоров с ним я узнал, что это воспитанник ген[ерала] Хорвата. Он окончил Коммерческое училище в Харбине¹ и затем быстро стал продвигаться по административной карьере под покровительством Мукденской партии. Был комиссаром по иностранным делам в Калгане, председателем комиссии по разбору документов, захваченных при обыске Советского посольства в Пекине, затем директором департамента народного просвещения в Харбине и в последнее время ведал финансами провинции Хобэй. Это еще молодой человек, по-видимому, уже знающий себе цену, по первому впечатлению умный, осторожный... и, вероятно, по-азиатски хитрый. Как я узнал, ему нужен человек, который исполнял бы при нем что-то вроде обязанностей секретаря по русским делам.

– Мне нужен человек, – сказал он мне, – который смог бы раза три в неделю приезжать ко мне на час занятий, написать иногда мне письмо по-русски, почитать мне русские газеты. Я получаю «Последние новости» из Парижа и «Известия» ЦИКа из Москвы. Иногда нужно будет просмотреть мои доклады.

Из объяснений такого рода я понял, что это будет работа легкого свойства, и принципиально дал свое согласие на работу. При оценке

¹ Мужское отделение Коммерческого училища в Харбине открылось 26 февраля 1906 г. Училище предназначалось для детей служащих на КВЖД, но принимались туда все желающие. В 1906–1916 дорога выделила ему почти 2 млн руб., оно считалось гордостью города. Расположенное в двух больших зданиях, оно имело химические и зоологические лаборатории, кабинет географии, художественную студию, собственную церковь, большой спортивный зал. В отличие от 7-летнего обучения в России в Харбинском училище оно велось по расширенной программе 8 лет и позволяло выпускникам поступать в университет. Наряду с общеобразовательными и специальными дисциплинами мальчики изучали английский, немецкий, китайский языки и латынь. В 1910–1925 училище окончили 583 юноши и 364 девушки. В 1925–1932 жизнь в училище замерла по причине реорганизации КВЖД, затем под влиянием японцев оно было закрыто.

вознаграждения Чжан Гочен замялся, что сделаю я [так в тексте. — Прим. А.А.Хисамудинова]. Денежной стороне вопроса я придал второстепенное значение, имея в виду, что полезно будет мне завязать связи с влиятельным китайцем. Я сказал своему собеседнику, что в своей педагогической практике я получаю обычно за шесть часов занятий в неделю пятьдесят долларов. В ответ я услышал, что эти условия подходящие и что мне будут переданы условия работы сегодня же через Р.И.Барбье.

Вечером я виделся с последним на именинах В.Н.Лавдовского. Р[оберт] И[ванович] [Барбье] передал мне, что Чжан Гочен согласен на мои условия и что на первое время понадобится только три часа занятий в неделю, и он хотел бы, чтобы я подготовил ему материалы для первого раза о судьбах Лозаннской конференции¹, положении вопроса о репарациях вообще и затем о судьбах советской пятилетки.

Признаться сказать, я так и ахнул, когда я услышал об этом. Шутка сказать, подготовить материалы по такого рода вопросам. Ведь сколько я должен буду прочитать газет, журналов, книг, чтобы ориентироваться в них. Это раз. А во-вторых, где я достану все эти газеты, журналы, книги? Если бы и достал, то сколько времени придется потратить на их штудирование. А ведь разговор шел о трех часах в неделю с платой около 30 долларов в месяц. Вот, подумал я, где начинается настоящая азиатская хитрость. Теперь придется как-нибудь выворачиваться из создавшегося положения.

На именинах у В.Н.Лавдовского собралась небольшая дружная компания. К сожалению, так как я сижу на диете, я не мог ничего пить. Часов в 9 вечера я уже вернулся домой.

29 июля. В «North China Star» сегодня напечатано: «Русский бродяга (tramp) едва избежал смерти, когда вчера в полдень он упал в канал вблизи Элжин-авеню. Будучи пьяным и находясь фактически в бессознательном состоянии, он не понимал, что он делает и куда идет. Прохожие вытащили его на берег, где он понемногу и пришел в себя».

Нельзя сказать, чтобы было лестно читать такого рода заметки. Они вызывают только грусть и отчаяние.

По полученным сведениям, в Шанхае скончался О.Д.Першин, сын известного сибирского общественного деятеля и писателя Д.П.Першина (Дмитрия Даурского). Покойный приехал в Тяньцзинь из Урги еще совсем молодым человеком. Будучи пианистом и даже композитором, он давал здесь собственные концерты, имел уроки, играл в кино, и вначале имел вообще приличный заработок. Но пристрастие к алкоголю и наркотикам погубило его. С каждым годом он стал опускаться все ниже и ниже и в конце концов дошел до такого состояния, что ему оставалось закончить свое печальное существование где-нибудь под забором или в китайской тюрьме. Смерть теперь успокоила несчастного молодого человека, выросшего не на радость своему отцу-старика. Горе последнего можно хорошо представить...

¹ Лозаннская конференция (нояб. 1922 — июль 1923).

30 июля. Пробовал я сегодня разобраться в нашем среднем годовом расходном бюджете. Результаты приблизительно получились следующие. Живем мы с женой в маленькой квартирке, на Британской концессии. Занимаем три комнаты, есть кухня и ванная комната. Плата \$ 43.50 в месяц. С мелким ремонтом это составит примерно 45 долларов в месяц. В общем, расходный бюджет может дать такие цифры:

Кит[айские] доллары в месяц
Квартира 45.00
Повар (он же бой) 19.00
Уголь 9.00
Свет и вода 8.00
Стирка 6.00
Пища 40.00
Аптека и лечение 10.00
Почта 3.00
Взносы в общественные организации 2.00
Библиотека, газеты, покупка книг 5.00
Одежда и обувь 10.00
Канцелярские принадлежности 1.00
Табак 8.00
Развлечения, кино и пр. 4.00
Поездки: рикши и пр. 2.00
Прочие 7.00
<hr/>
Всего 180.00

В год это дает около 2160 кит[айских] долларов.

Велик ли этот ежемесячный расчет в сумме 180 долларов? Если перевести его на американскую золотую валюту, то это составит всего около 40 долларов на двоих или 20 долларов в месяц на одного человека. Это выходит как будто немного. Я не знаю, можно ли будет на 40 золотых долларов жить в Америке так, как мы живем здесь.

Если перевести 180 кит[айских] долларов, скажем, на чехословацкие деньги в Европе, то наш месячный расход может выразиться в сумме примерно 1700 крон. И опять-таки я не смогу сказать, можно ли бы было в Чехословакии на эти деньги жить в материальном смысле лучше, чем здесь.

Вопросы эти, конечно, можно было бы выяснить лишь путем беседы с лицами, которые жили в Америке или в Европе и хорошо знают условия жизни в этих странах...

Едва ли можно найти такую дешевую прислугу, как в Китае. Наш повар (он же и бой), напр[имер], получает всего 18 долларов в месяц (я поставил в смету 19 долларов, так как к китайским праздникам мы делаем ему денежные подарки). Он — проходящий, не живет у нас. Является он на работу в 6 часов утра и работает до часу дня, затем уходит домой. Снова появляется в 5 часов вечера и уходит в 8 часов, следовательно, он проводит на работе у нас 10 часов, получая за это жалованья в 18 долларов в месяц. Это немного вообще, хотя по-здешнему считается и хорошим жалованьем. Конечно, он еще кое-что зарабатывает на комиссиях всякого рода, получая свой «комишон»

[commission] от прачки и поставщиков, а также и на базарных покупках.

Все же попробуйте найти в Америке или Европе хорошего повара, который получал бы шесть китайских центов в час за свою работу...

31 июля. Сегодня — день выборов в Германии. Внимание мира направляется сюда. Что-то скажет сегодняшний день? Не будет ли он переворотным днем в новейшей истории мира? Не начнется ли с него какая-то новая страница в этой истории? Кто знает?.. Гуляя сегодня в парке Виктории, я виделся с некоторыми местными интеллигентными евреями. Из коротких бесед с ними я смог убедиться, как сильно они интересуются выборами в Германии. Хитлер им, конечно, не по душе, и они его боятся.

— Я скажу вам, — изрек свое пророчество один из моих собеседников, — выборы дадут 40% нацистов и 30% коммунистов. Вот увидите. Подождем. Завтра, вероятно, мы будем уже знать все.

1 августа. Был сегодня у Чжан Гочена. Уговорились, что никаких докладов на дому я не смогу ему подготавливать. По секретарским делам я буду бывать у него три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, всего на час времени каждый раз, за что буду получать сорок долларов в месяц. Мой новый патрон дал мне для просмотра десяток свежих номеров «Последних новостей» из Парижа. Посмотрю, что даст мне мое новое знакомство. Если будет что неладно, я всегда могу отказаться от него...

2 августа. Получил письмо из Америки вместе с чеком на 200 золотых долларов в окончательный расчет по продаже моих мемуаров за 1917—1922 годы. Издание таковых на русском языке остается за мной.

3 августа. Пришли два автографа для моей коллекции: один от Дионео* из Лондона, другой — от Минора* из Парижа. Первый — известный русский публицист, второй — известный и старый деятель партии социалистов-революционеров. Дионео я просил написать что-нибудь о Сибири, и он любезно начертил мне следующее: «Когда-то бродяги, формулируя свой взгляд на Сибирь, говорили так:

— Сибирь золотая, мошка лихая, народ каторжный.

Бродяги были тогда несправедливы относительно третьей части триады, так как Сибирь усердно кормила бродяг. Теперь бродяги стали у власти в энергичной, богатой стране, и от прежнего определения Сибири осталось только “Мошка лихая”, так как золотой край голодает. Пройдут еще года, от бродяжской власти не останется и следа, тогда не только снова Сибирь станет опять золотой, но еще и свободной».

Дай Бог, и поскорее, могу я только прибавить к этим словам Дионео.

4 августа. В качестве английской переводчицы для моих работ для проф[ессора] Howland я пригласил Т.В.Лавдовскую, молодую барыш-

¹ НИЛА. Serebrennikov I.I., box 1, folder 4. Л. 1—143. На обложке от руки написано «И.И.Серебренников. Дневники. Книга II. Тяньцзинь. Китай. Начат 1 VIII 1932. Кончен 8. IV 33».

ню, не так давно окончившую один из местных иностранных колледжей. Для первого раза я дал ей переводить статью «Скотоводство Внешней Монголии и его ресурсы».

Работы мои идут вяло. Неимоверно допекают жары. Мы с женой беспрерывно истекаем потом. По нашему мнению, такого жаркого и тяжелого лета, как нынешнее, пока мы живем в Китае, еще не было.

5 августа. Что делать? Бежать в Пэйтихо и спастись от жары? Боюсь, станет работа. Я совершенно растерялся.

6 августа. Вечером неожиданно у меня появился Д.П.Першин, приехавший сюда из Шанхая. Мы провели с ним вместе вечер, поужинали. Затем ходили в кино, где смотрели и слушали «Любовную песнь Кубы». Картина оказалась весьма живой и занимательной. Я убеждаю Д[митрия] П[етровича] засесть за его мемуары, которые для первого раза могли бы охватить его жизнь в Монголии (1915–1925), и обещал старику даже денежную поддержку в этом начинании. Как будто он горячо ухватился за эту идею. Из Тяньцзиня Д[митрий] П[етрович] полагает выехать в Калган, где думает пробыть несколько месяцев.

7 августа. Воскресенье. Снова жарко. Облачно. Сыро. Душно. Утром с женой сделал прогулку за город. Потом отдыхали дома. Вечером – променад в парк Виктории, встречи здесь со знакомыми, беседы. К ночи – легкий ужин и затем за книги. Так скучно проводим воскресный день. В будни как будто даже лучше чувствуешь себя. Утешаем пока себя тем, что все же в этом месяце кончатся несносные летние жары.

8 августа. Сегодня был прохладный день. Немного передохнули от жары.

9 августа. Снова стало жарко. Вечером Чжан Гочен и его супруга угощали нас с женой и супругов Барбье ужином на крыше кафе Кислинга. Просидели здесь с 7 1/2 до 10 часов вечера. За ужином шел оживленный разговор на разные темы. Жаль, что в нем не могла принимать участие m[ada]me Чжан Гочен, молодая и красивая китайка, так как она не говорит по-русски.

10 августа. Злой рок навис над Китайской Восточной ж[елезной] д[орогой]. В полосе ее, в районе Харбина, произошло ужасающее наводнение. Харбин – под водой и представляет картины хаоса и разрушения. Жутко читать газетные сообщения. Новый удар по русским... за что? За что? Разве еще мало выпало на их долю страданий и ужасов?

11 августа. В Шанхае 6 или 7 августа китайские коммунисты сделали налет на «Шанхайскую зарю» и побили окна в помещении газеты. Были разбросаны прокламации. Перевод прокламации гласит следующее: «Долой белых русских! Разрушайте помещения белых русских газет! Товарищи рабочие! Студенты! Пролетарии! Несколько забастовок, организованных рабочими Автобусного общества на Международном сеттльменте, так же, как и стычки, начатые рабочими Телефонной компании и Французского трамвая, были сорваны белыми русскими “трудокрадами”. Белые русские помогали японским войскам в занятии северо-восточных провинций и Жехэ. Белые

русские, нанятые японцами в качестве солдат, полицейских или сыщиков, угнетали народ трех северо-восточных провинций. Белые русские — не кто иные, как цепные псы империалистов, имеющих намерение расчлениить Китай и желающих разрушить советское государство рабочих и крестьян. С одной стороны, белые русские организовали свои собственные охранные отряды; с другой — они начинают проникать в Сибирь, чтобы учинять беспорядки там.

Белые русские, которые угнетают народные массы, крестьян и рабочих, являются авангардом империалистов. Они борются против красных армий.

Товарищи, рабочие, студенты и весь пролетариат!

Русская газета распускала каждый день ложные слухи с нападками на Советы. Она распространяла белый террор среди китайского народа. Белые русские, враги рабочих, крестьян и китайского народа, враги всего мира, систематически преследуют свою задачу — противятся борьбе за Китайскую революцию и за Советы. Подыдемся и будем убивать белых русских! Будем разрушать редакции белых русских газет! Поддержим Советы и Красную армию! Свергнем власть империалистов и Гоминьдана. Уничтожим белый террор!»

Прокламация подписана: «Китайский отдел Международной Красной Помощи». Может быть, это так называемый МОПР¹. Как сообщали в свое время русские шанхайские газеты, в день 1 августа на многих квартирах в Шанхае, где живут русские эмигранты, появились китайские надписи, значившие в переводе «Здесь живут белые русские!» Не дает, очевидно, русская эмиграция спокойно спать коммунистам.

12 августа. Сведения из Харбина продолжают поступать ужасающие. Здесь открыт сбор пожертвований на нужды русских, пострадавших от наводнения. В Шанхае сделано то же самое. С нетерпением ждешь известий о том, что вода в Сунгари начала спадать, но пока таких вестей нет.

13 августа. Работа для проф[ессора] Howland продвигается медленно, хотя за ней и сидят у меня четыре человека. За последние дни много времени отнимают у меня гости и разного рода посетители вообще.

14 августа. Воскресенье. Сегодня по старому стилю 1-ое августа. Как-то невольно вспомнились мне мои юношеские годы. У себя на родине, в селе Знаменском, первый Спас был большим праздником. Съезжалось много народу к обедне, в том числе немало верхом на лошадях. После обедни бывал крестный ход на реку Илгу, где служили молебствие. Парни верхом въезжали в реку и стояли здесь на лошадях во все время молебна. После молебствия все спешили выехать за село,

¹ Международная организация помощи борцам революции (МОПР) создана в конце 1922 г. на основе решения 4-го конгресса Коминтерна (по предложению Общества старых большевиков); оказывала материальную, юридическую, и др. поддержку, независимо от партийной принадлежности. К 1932 г. объединяла 70 национальных секций, включавших около 14 млн человек. В конце 1937 г. руководство МОПР переведено из Москвы в Париж, где находилось до сентября 1939. С начала Второй мировой войны в 1939 г. деятельность МОПР в международном масштабе прекратилась.

к месту скачек на лошадях. Скачки на бегунцах привлекали много народа. Проходили шумно. Было много пари, закладов. Праздник ощущался всеми весьма явственно.

После первого августа начиналась хорошая охота на уток, рябчиков, тетеревов. Боже мой! Как приятно вспоминать это старое время... Куда и почему так скоро оно исчезло? Что в сравнении с ним тяньцзиньская реальность?.. Грустно и печально.

Был сегодня на заседании представителей русских общественных организаций, где обсуждали вопрос о помощи жертвам харбинского наводнения. Вынесли несколько постановлений. Что дадут они, покажет ближайшее будущее.

15 августа. Прочел в свежей книжке журнала «Asia» интересную статью «Миссионеры американской техники в России», принадлежащую перу американского журналиста William Henry Chamberlin*. По словам автора, в данное время в одной только тяжелой промышленности в Советской России занято 6800 иностранцев в качестве инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Не свидетельствует ли это о том, что сама Россия, русские силы, не подготовлены к социалистическому строительству? Спасут ли дело десять тысяч иностранцев? Прежде чем городить социалистическое хозяйство, не лучше ли было подумать о знаменитом философе Кузьме Пруткове, который учит, что «нельзя объять необъятное»?

С журналистом Chamberlin я имел удовольствие познакомиться в Тяньцзине в 1927 году, когда он навестил меня здесь, и мы имели с ним весьма интересную и продолжительную беседу о Советской России. В журнале «Asia» был уже помещен ранее целый ряд статей Чемберлена о Советском Союзе, где он теперь живет почти безвыездно.

16 августа. Сегодня первый день Китайского десятого лунного месяца. В этот день китайцы справляют по счету третий в году праздник в честь мертвых, поминая покойников. Они навещают могилы умерших, приводят их в порядок и совершают здесь некоторые церемонии поминовения. В предвидении наступления холодного времени полезно озаботиться доставкой для покойников теплой одежды. Для этого покупаются бумажные изображения теплой одежды, которая заделывается в посылку, все это затем сжигается, чтобы отправить нужные вещи в царство теней. Заботливые китайцы вкладывают в посылку также и «похоронные деньги», чтобы умершие могли получить средства для безбедного существования в другом мире...

Имеет ли европейские параллели этот китайский праздник? Интересно отметить в этом отношении, что среди кельтов один из праздников в честь мертвых также происходил в начале зимы. Пережитки этого праздника сохранились во многих народных обычаях до нашего времени, особенно в Ирландии, где существует поверье, что мертвые в день праздника выходят из своих могил и посещают дома родных.

Проживая в Китае, я собрал небольшую коллекцию китайских похоронных денег, которые имеют обращение на том свете. Если мне позволит время, я соберусь с силами и опишу эту коллекцию. Думаю, что может получиться интересная статья.

Говорят, что китайцы в свой третий праздник мертвых спускают вечером огоньки на воду в реках или каналах. Я вышел сегодня часов в десять вечера на реку Бэйхо, чтобы посмотреть интересовавшее меня зрелище. К своему удивлению, я не заметил на реке ничего особенного. Встретил я на берегу своего знакомого одного, возвращавшегося через реку с Русской концессии, и спросил его: не пришлось ли ему видеть на реке огоньки?

— Как же, видел, — ответил он, — они недавно проплыли вниз, проплыли также два иллюминированных парохода...

— Когда же это было? — спросил я.

— Около получаса тому назад.

Значит, я опоздал.

17 августа. Мои занятия с Чжан Гоченом носят характер разговоров. Для меня стало вновь очевидно, что он не желает забывать русского разговорного языка. В свое время он кончил русское ж[елезно]д[орожное] Коммерческое училище в Харбине и, конечно, хорошо знал русский язык, но за последние годы, ввиду малого общения с русскими, он стал забывать русскую речь. Вся его блестящая служебная карьера прошла под эгидой маршалов Чжан Цзолина и Чжан Сюэяна, этих прославленных военных сатрапов Манчжурии.

Сегодня Чжан Гочен показал мне его работу на китайском языке — это десятитомное описание советских документов, захваченных во время знаменитого обыска Советского посольства в Пскинс. Я попросил своего собеседника достать мне хотя бы один экземпляр этого труда для отсылки его в Пражский Исторический архив. Мне было заявлено, что это трудно будет сделать, но, если представится к тому возможность, моя просьба будет удовлетворена.

18 августа. Говорят, что сегодня конец китайскому «футяну», т.е. самой душной и сырой части лета. Может быть, с исчезновением жары и духоты исчезнет и мое подавленное настроение...

Д.П.Першин дал мне для просмотра переплетенный комплект иркутской газеты «Восточное обозрение» за 1889 год. Он приобрел его где-то в Шанхае и вывез с собой сюда. С интересом и умилением я просматривал эту «областническую» редкость и даже воспользовался кое-какими содержащимися в ней материалами для работы, заказанной мне проф[ессором] Howland.

Прочел «В лесах» Печерского и нашел, что по этой книге можно научиться понимать красоту и силу русского слова. Начал читать сегодня «В горах» этого же автора. В первой же главе этого романа произвело на меня впечатление следующее лирическое описание: «Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская!.. Вволю простора, вволю раздолья!.. Всех, матушка, кормишь, одеваешь, обувашь, всем, мать-кормилица, хлеба даешь — и своим, и чужим, и родным сынам, и прошлым из чужа пасынкам. Любишь гостей угощать!.. Кто ни пришел, всякому: “Милости просим — честь да место к русскому хлебу да соли!” ...Ну, ничего, нас не объедят...»

А вот объели же, и все потому, матушка Россия, что поверила ты на слово социалистическим горлопанам, что назвались твоими благо-

детелями... Потому и стоишь теперь, перед всем миром в назидание, голодная, безодежная, безобувная, и некому теперь на то жалиться.

Прочел сегодня в английской газете: в спичках в России большой недостаток, а из тех ста спичек, что можно еще сыскать в продаже, срок огня не дают, потому что плохо изготовлены. Вот куда доводит пошехонский социализм. Ну, да ничего, спичек не будет, можно будет потрудиться, дерево о дерево потереть и огонь добыть... Так когда-то дельвали наши предки из времен неолита...

19 августа. Вчера вечером смотрел я в Empire Theater знаменитую картину «Бен-Хур» в звуковом воспроизведении. Картина колоссальная. Признаюсь, когда я смотрел, как работали рабы в римских галереях, я невольно вспомнил про советскую пятилетку. От своего, видно, никуда не денешься, не спрячешься. Мне казалось, когда есть деспоты и миллионы рабов, первых всегда обуревают мания grandiose, и они принимаются за колоссальные сооружения. Так возникли знаменитые пирамиды в Египте, так строилась когда-то не менее знаменитая Великая Китайская стена.

Сегодня – Преображение Господне. Праздник проходит, как будни...

20 августа. Сведения о Харбине – трагические. Наводнение не только разорило людей, но и произвело огромнейшие разрушения на самой Китайской Восточной жел[езной] дороге. По-видимому, русская Кит[айская] Вост[очная] ж[елезная] д[орога] доживает последние дни. Под несчастливой звездой родилась эта дорога. В самый день ходынской катастрофы, 18 мая 1896 года, Витте представил на утверждение императора Николая II проект соглашения русского правительства с Русско-Китайским банком об образовании общества Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Это был день, несчастный во всех отношениях. Первый председатель правления дороги Сюй Цзинчен сложил свою голову под мечом палача в Пекине в 1900 году, в тяжкие дни Боксерской смуты. Едва дорога была открыта для эксплуатации, началась русско-японская война. Едва она освободилась от эксплуатационного дефицита, как разразилась Русская революция. В 1929 году ее пытались отнять у русских китайцы, но это им не удалось.

[Зачеркнуты полторы строки. – Прим. А.А.Хисамудинова.]

21 августа. Воскресенье. Сегодня угощали мы с женой Д.П.Першина, который завтра уезжает в Пекин, а затем и в Калган. Жалко старика. Мыкается на старости лет по разным городам Китая, ни к чему не приспособленный, не имея средств. Он обещал мне заехать в Калгане за свои мемуары.

22 августа. Приготовил для отправки проф[ессору] Howland семь статей: 1) «Outer Mongolia today», 2) «Tannu-Tuva Republic», 3) «Inner Mongolia», 4) «Barga», 5) «Eastern Siberia», 6) «Cattle-breeding of Outer Mongolia and its resources», 7) «Various Supplementary Remarks». Не знаю, удовлетворят ли эти мои работы моего почтенного заказчика. Недели через две–три придется отправлять ему новую партию материалов.

Я нахожусь сейчас в переписке с тремя профессорами Соединенных Штатов Америки. Насколько я представляю это себе, все

трое сидят сейчас за работами, которые имеют отношение к России. Проф[ессор] Фишер из Станфордского университета в Калифорнии выпускает книгу «Гражданская война в Сибири», проф[ессор] Ремер Мичиганского университета доканчивает свой труд «Foreign Investments in China». Проф[ессор] Хауланд готовит книгу на тему о русской политике на Д[альнем] Востоке.

Виделся сегодня в кафе Карацаса с Гаруццо, бывшим офицером Императорской Армии. Он через два—три дня выезжает в Харбин, чтобы заснять здесь на кинематографическую ленту картины наводнения. Он работает для одной из американских кинофирм.

23 августа. Изрядно припекает. В четыре часа днем термометр на солнце показывал 107 градусов. Эти последние жары кажутся какими-то особенно надоедливymi и назойливыми.

Местная русская общественность весьма вяло налаживает свою работу по оказанию помощи русским жертвам харбинского наводнения. Впечатление такое, как будто эта общественность выдохлась и находится в состоянии анемии.

24 августа. В № 36 газеты «Восточное Обозрение» за 1889 год прочел статью Н.М.Ядринцева* «Сибиряки на границе Монголии». В этой статье мое внимание обратила на себя следующая тирада: «Посмотрите жизнь европейских колоний в китайских городах. Здесь издаются европейские газеты, создаются приюты для китайцев, начинается их обучение. Замечательно, что даже русские торговые люди, возвращаясь из китайских городов, где живут англичане и иностранцы, являются совершенно переродившимися: они являются с европейскими привычками, знающими английский язык, читающими газеты, словом, европейцами, тогда как у себя дома только дичают. Вот это сила всепокоряющей культуры и знания. Англичане, американцы, пожившие в своих факториях около китайцев, издают целые сочинения, узнают быт, верования китайцев. У нас же книги о китайцах пишутся в Петербурге, а не в Сибири...»

Интересны эти замечания сибирского патриота и писателя об облагораживающем влиянии очагов европейской культуры в Китае. Если они заставляли перерождаться русских, живших здесь, то можно представить себе, какую огромную роль должны были сыграть иностранные концессии и сэттльменты в Китае в смысле европеизации самих китайцев, а, следовательно, и их революционизирования. Эти концессии и сэттльменты были своего рода показательными уголками европейской культуры в Срединной Империи. На эту сторону дела в писаниях о Китае как-то до сих пор не обращалось никакого внимания.

Справедливыми остаются указания Н.М.Ядринцева и на нашу русскую инертность в исследовательских делах. В Тяньцзине в настоящее время проживают несколько бывших русских консулов, живших подолгу в Монголии или Синьцзяне. Спросите их, однако, имеют ли они какие-либо исследовательские работы о странах, где они жили и работали, и вы получите только отрицательные ответы.

25 августа. В шанхайском «Слове», в номере от 21 августа, напечатаны заметки очевидца харбинских бедствий, вызванных навод-

нением. Автор заметки побывал в Харбине 15 августа. Судя по этой заметке, японцы проявляют в Харбине исключительную энергию по оказанию помощи жертвам наводнения. В общем, бедствия от наводнения здесь оказываются не столь потрясающе ужасными, как мы привыкли представлять их себе на основании первых газетных известий. Все же они, конечно, велики.

26 августа. Дни тянутся однообразно и скучно. Просвета не видно. По всему миру ходят тучи мрачные, обещают грозу.

27 августа. Дачники из Пэйтэйхо большими партиями возвращаются в город. По улицам можно видеть уже много загорелых дам и девиц. Многие из них щеголяют своим загаром.

28 августа. Воскресенье. Успенье. Вечером мы с женой побывали в гостях у Б.П.Яковлева, ученого зоолога, работающего в местном музее, основанном иезуитом Licent, неутомимым исследователем районов Центральной Азии. Несмотря на серьезную и ответственную работу, которую ведет Яковлев, иезуиты платят ему мало: всего сто долларов в месяц. На эти деньги жить ему с семьей (жена, две взрослые дочери) очень трудно. Скуповаты все же патеры.

29 августа. Получил из Шанхая 24 отдельных оттиска моей статьи «Albazinians» Это первые мои английские оттиски. Отправил в Шанхай для «The China Journal» мой рассказ из китайской жизни «Retribution» (Возмездие), подобрал к нему из запаса моих фотографий две иллюстрации: одну, характеризующую ужас людской жизни, другую – величавую красоту и покой природы. Очень хотелось бы мне, чтобы этот мой рассказ прошел в английской печати.

30 августа. Отправил для проф[ессора] Howland четыре статьи: 1) Russian Policy towards outer Mongolia and Manchuria, including Inner Mongolia, 2) The Defense of the Russian Far East, 3) Russian Investments in China (копия моей старой работы, изготовленной еще для проф[ессора] Ремера) и 4) The Russians on the Amur Territory in the XVII century.

Доктор Фишер из Станфордского университета в Калифорнии запрашивает меня, как следует отнестись ему к предложению проф[ессора] Г.Г.Тельберга* из Циндао продать для Библиотеки Хувера следующие материалы:

1) Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Июль 1918 – ноябрь 1918;

2) Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издававшихся при Правительствующем Сенате в Омске. Март 1919 – октябрь 1919;

3) Сибирский Вестник. Официальный орган Временного Сибирского правительства №№ 1–61. Август 1918 – ноябрь 1918;

4) Правительственный вестник, издававшийся в Омске. Январь–сентябрь 1919 года;

5) Собрание официальных копий журналов Совета министров Омского правительства. Полный комплект. Ноябрь 1918 – апрель 1919.

За все эти материалы Тельберг желает получить 290 американских долларов. Вероятно, в Китае только у этого догадливого и запасливо-

го немчуры могут быть подобногорода документы. Едва ли их имеет даже Пражский архив. Думаю посоветовать Военной Библиотеке Хувера приобрести эти сибирские документы. М[ожет] б[ыть], Тельберг еще что-нибудь и скинет с денег.

31 августа. Газеты пишут, что на станции Маньчжурия скопилось две тысячи мешков сибирской почты. Когда и как рассосется этот затор, неизвестно. Я уже давно не получал писем из Европы.

Сейчас, когда пишу эти строки, где-то далеко трещит пулемет. Невольно думашь: не выступили ли снова японцы? Такова обстановка. Усилившийся за последнее время антияпонский бойкот вызывает озлобление японцев.

1 сентября. Получил письмо от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Пишет, что мой рассказ из китайской жизни «Свадьба Городского Бога» пойдет в сентябрьской книжке журнала «Парус». Сообщает о том, как шанхайцы предполагают справить Сибирский юбилей осенью этого года.

2 сентября. Сижу за работой, пишу. А за окошком, в переулке, собралась орава уличных русских и еврейских мальчишек, затеяли какую-то игру и орут дикими голосами, кто во что горазд. Препротивные хриплые голоса этих уличных хулиганов, растущих без какого-либо воспитания и надзора. Остановить их или усовестить, чтобы дали покой старшим, почти невозможно. Особенно наглы и нахальны еврейские ребяташки. Я вижу, как иногда целый день, с утра до вечера, носятся эти русские мальчишки и девчонки по грязным переулкам, заплеванным китайцами, и мне становится грустно, когда я подумаю о будущем этих ребяташек. Я не вижу в них охоты почитать книжку. Их не тянет в лес, на траву, на чистый воздух, за город. Им неинтересно бывать в городских парках. Копшатся в грязи и пыли, как свиньи, в 50 сажнях от своего дома — первое их развлечение. Я знаю, что это часто дети беднейших жителей, это много извиняет. Но почти все они учатся в школах: то в русских, то в еврейской. Почему же школы-то не дают детям никакого воспитания?

3 сентября. Сегодня вечером под домом Талати горели электрические лампы, которые гласили: «Harbin flood relief ball 3 September». Этот бал устраивает газета «Наша Заря». Значит, будет смешанная русско-еврейская публики плюс иностранцы. Возможно, соберут пару тысяч долларов. Русская община что-то все дремлет со своими начинаниями в пользу пострадавших харбинцев.

4 сентября. В нашем доме идет полный ремонт: красят, белят. Пройдет, наверное, еще около недели, прежде чем ремонт будет закончен.

5 сентября. В католическом колледже братьев Маристов начались занятия. В школе немало русских мальчиков. Слава Богу, на улицах, быть может, будет теперь потише: 8-го начнутся занятия в Английской школе, 9-го в Еврейской, 15-го в Русской. Русские побогаче отдают детей в Английскую школу, победнее — во Французскую католическую, а самые бедные — в Русскую (или Еврейскую).

Впервые пришлось сегодня получить письмо из Харбина с почтовыми марками государства Маньчжуго. Марки эти здесь не признаются, поэтому я доплатил за письмо. Из Шанхая пишут мне, что моя

маленькая заметка «Strange Figures of Chinese Handicraft» печатается в сентябрьской книжке «The China Journal»...

6 сентября. Газеты уделяют большое внимание вопросу о росте коммунистического движения в Китае. Мне кажется, если коммунизм здесь восторжествует, гражданская война в этой несчастной стране не кончится: будут восвать одни коммунистические генералы с другими.

7 сентября. Благодаря ремонту в доме я пока забросил свои текущие занятия. С увлечением дочитываю первый том романа Печерского «В горах»¹.

Вечером мы с женой побывали на концерте хора терских казаков. Концерт произвел отличное впечатление. Дирижер хора, маэстро Машин*, привел в восторг русских дам. Большие эмоции вызвало исполнение песни «Молись, кунак». Ее заключительные слова:

«Бодритесь, матери, отцы,
Уже теперь недолго ждать —
И будет так, как было встарь:
Святая Русь да русский Царь».

вызвали громкие восторженные аплодисменты аудитории. Русские евреи, конечно, демонстративно отсутствовали на концерте. Видно, горбатых может исправить только могила.

8 сентября. Налаживаю сегодня третью отправку статей для проф[ессора] Хауланда.

9 сентября. Газеты полны восторженных отзывов о позавчерашнем концерте хора терских казаков. Сегодня — второй концерт этого хора в Gordon Hall. Жена идет на него. Я сижу дома.

В «Голосе Азии» объявился довольно способный поэт-фельетонист под псевдонимом Белый. В сегодняшнем номере его фельетон носит заголовок «К делу Нулансов». Супруги Нулансы — видные акулы Коминтерна, попавшие в руки китайских властей в Шанхае. Нулансы, они же Руечч, неизвестно, какой национальности; возможно, они просто русские евреи. Недавно китайский суд приговорил Нулансов к пожизненному тюремному заключению. Это случилось, несмотря на хлопоты о них таких светил, как вдова Сунь Ятсена, Эйнштейна и других коммунистических прихвостней.

Фельетон Белого я хочу записать здесь на память себе. Вот он:

Быта разные нюансы
Нервы ловят, как антенна.
Ох, уж эти мне Нулансы,
Со вдовою Сунь Ятсена!
Что тревогу бьют Нулансы, —

¹ Лучшие произведения П.И.Мельникова-Печерского — романы (дилогия) «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1981). В романе «В лесах» изображение жизни Заволжья (ремесел, семейных отношений, обычаев и обрядов) дается на фоне поэтических картин природы. Автор показывает неизбежность разрушения этой старины под натиском отношений, укрепляющихся в купеческой среде. Особенно сильны эти мотивы в романе «На горах», рисуящем быт волжского правобережья. Если ряд героев романа «В лесах» наделен привлекательными чертами национального характера, то в романе «На горах» резко сатирически очерчены колоритные фигуры «темного царства». Печерскому принадлежат также многочисленные труды по этнографии, статистике и истории раскола.

Смысл понятен и дитяи.
Распевать в тюрьме романсы
Очень было бы не кстати.
Но при чем вдова здесь, право?
Ну, сидела б у оконца
В отраженье громкой славы
Знаменитого Кантонца.
Книжки б разные читала
Про любовь, про быт сословий,
На проценты с капитала
Доживала б век свой вдовий.
Но драконы злые, видно,
Полонили душу Вашу.
Ах, мадам, ведь так обидно,
Что Вы влипли в эту кашу!..
Пусть уж суд здесь строго взвесит,
В суд у Вас должна быть вера.
Взвесив все, пусть суд повесит
Тех Нулансов для примера...

10 сентября. Начинается учебная страда. У нас с женой прибывают ученики и ученицы. Месяца три придется поработать полным ходом, пока не кончатся Кэмбриджские экзаменационные испытания.

Вчерашний концерт казаков собрал полный зал публики. Сегодня новый концерт в Русском клубе. Русский клуб просит жену дать разрешение поставить как-нибудь в нем написанную ею оперетку «Иванов Павел в Тяньцзине». Года три—четыре назад эта оперетка уже дважды ставилась здесь и имела большой успех.

Сегодня узнал приятную для себя новость: местный книжный магазин «Знание» согласился издать отдельной брошюрой мою работу «Китайский текущий фольклор и китайские суеверия».

11 сентября. Воскресенье. Погода стоит хорошая. Был в гостях у Д.Д.Селиванова. Кое-что интересное смог достать у него для архивных отсылок, в том числе брошюру на английском языке «The Black Year» (Черный год), составленную слепым Носковым, одним из солдат отряда барона Унгерна в Монголии¹. Зрение он потерял в одном из боев с красноармейцами.

12 сентября. Имел сегодня беседу с владельцем библиотеки и книжного магазина «Знание» (кстати сказать, основанным мною же) И.Я.Антуфьевым. Я предложил ему совместно со мною собрать и издать в литературной обработке «Сказки Азии», снабдив эту книгу десятком-другим иллюстраций, примерно так, чтобы книга не потеряла своего этнографического интереса и была пригодна в то же время для детского чтения. По моему проекту, в сборник могли бы войти избранные сказки сибирских инородцев, монгол, китайцев, корейцев, японцев, тибетцев, бирманцев, индусов и т.д. Кажется, мое предложение не имело успеха в смысле практическом, хотя и было одобрено теоретически. У меня создалось впечатление, что Антуфьева трудно вообще раскатать на какое-либо новое начинание...

Русская община сегодня производила кружечный сбор в пользу русских жертв харбинского наводнения.

¹ Noskov K. Black Year / Translators not G D-ff. Preface of the Author. Peking, 1921. Сейчас находится: ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10.

13 сентября. Могу думать, что сегодня я вчерне закончил свои работы для проф[ессора] Хауланда. Нужно теперь перевести еще некоторые мои статьи, перепечатать их на машинке. Затем предстоит отсылка последних работ по почте, а дальше придется ждать от уважаемого заказчика только его отзывов о моих статьях.

14 сентября. Начал читать второй том романа Мельникова-Печерского «На горах». Сегодня прочел картинные описания радения хлыстов. На этом радении блаженненький Софронушка пропел какую-то непонятную песнь. Эта песнь была:

«Савишраче само,
Капиласта гандром,
Дараната шантра
Сункура пуруша
Майя дива луча».

Автор романа замечает, что члены хлыстовского «корабля» думали, что эта песнь сложена по-индейски (т.е., нужно думать, по-индуски). Покойный о[тец] Диодор Колпинский, изучивший в свое время санскритский язык, как-то уверял меня, что это песнопение — санскритское. Спрашивается теперь, каким образом санскритский язык попал в обращение к русским хлыстам? Познакомившись с обрядами хлыстов по роману Печерского, я пришел к заключению, что в этих обрядах имеются элементы шаманизма...

15 сентября. Сегодня — второй большой, после Нового года, китайский праздник. Это — праздник Луны. Его празднуют в 15 число восьмого лунного месяца. В этот день луна бывает особенно светла и блестяща. Супруга Солнца, Луна является воплощением женского начала жизни. Она — патронесса женщин, и во всякой семье чувствовать ее является обязанностью женщин. Когда-то один из знаменитых поэтов Китая так воспел красавицу неба:

Как давно, о, луна, ты оказываешь честь небу твоим присутствием?
Наполняя кубок вина, я задаю этот вопрос голубому небу ночи...
На крыльях ветра я жажду навестить твой рай...
И все же я боюсь холода твоих дворцов из яшмы и кристалла...
Лучше оставаться на земле и смотреть, как ты самаходишь в наши дома...
Через раскрашенные двери и решетчатые окна...
И застаешь врасплох людей, не имеющих сна...
Подобно тому, как нам, смертным, свойственны горе и радость,
Тебе, богиня, знакомы и свет, и тьма.
То ты кругла, в полном сиянии и блеске,
То ты в ущербе, напоминая ноготок моей возлюбленной...
Не есть ли это доказательство того, что совершенства
Не существует ни для богов, ни для людей.
Наилучшее, что только мы можем желать, это то,
Чтобы ты и я долго могли наслаждаться светом совместно...

Это из области китайской поэзии, а вот китайская проза сегодняшнего дня говорит о том, что островная соседка Китая, Япония, признала сю же созданное новое государство Маньчжуго. Кажется, это обстоятельство вновь приведет к ряду националистических вспышек молодого Китая.

16 сентября. Вчера, около полуночи, я обошел кругом наш квартал, чтобы посмотреть, как китайцы празднуют праздник Луны¹.

¹ Праздник Луны или Урожая — Zhongqiujie. Праздник пятнадцатой ночи восьмой

Некоторые лавки были еще открыты. Нигде ничего особенного я не заметил. Только в одной портновской мастерской я заметил сквозь открытые двери столик посреди комнаты с двумя горевшими на нем свечами красного стеарина, на столе расставлены были фрукты разного рода и сласти. Это, несомненно, был жертвенный стол для богини Луны. На улице, перед входной дверью, стояла курительница с воткнутыми в нее горящими курительными палочками. Фимиами этих палочек предназначался, конечно, для Луны же.

Утром сегодня я побывал у Чжан Гочена. Он недавно схоронил своего отца и подробно рассказал, как шла его похоронная процедура, и в свою очередь спрашивал у меня, как хоронят русские. В беседе были такие моменты.

— Когда человек умрет, — рассказываю я, — его первым делом омывают.

— У нас тоже, — удивленно замечает Чжан Гочен.

— Если в квартире имеются зеркала, их сейчас же завешивают.

— Представьте, и у нас то же делают, — еще более удивляется мой собеседник...

17 сентября. Васильеву-Дубровскому в Шанхае я посоветовал ко дню Сибирского юбилея выпустить однодневную газету. Он ухватился за эту идею. Сегодня для этой проскируемой газеты я приготовил работу под названием «Памятка Сибиряка».

18 сентября. Воскресенье. Годовщина знаменитого выступления Японии в Маньчжурии. Для Китая это день национальной скорби и траура. Сегодня многие европейские кинематографы закрыли свои двери в знак внимания к китайцам.

Днем жена устроила чай и кофе. Было двенадцать человек гостей. В числе наших гостей были двое новых визитеров: о[тец] архимандрит Федор, заменявший здесь сейчас архимандрита Виктора, который уехал в Европу на Карловицкий духовный съезд, и И.Н. Головко-Улазовский*. Между прочим, последний рассказал много интересного о вооруженном японо-китайском конфликте в Шанхае, свидетелем которого ему пришлось быть. По его мнению, японцы могли сразу прогнать китайские войска из Шанхая, но нарочито почему-то затягивали конфликт.

[Зачеркнуты две с половиной строчки. — *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

С бывшим у нас на чае о[тцом] диаконом Федором Дубоен, албазинцем, я договорился, что два раза в неделю он будет приходить

луны (сентябрь) родился в эпоху династии Тан и занимает важное место в китайском календаре. Это день поклонения богу Луны. По традиции в этот день китайцы едят особые сладкие пирожки и читают стихи при свете луны, которая в этот день считается самой круглой и самой яркой. «Лунные лепешки» напоминают о восстании китайского народа против монгольских завоевателей, так как много веков назад маленькие записки, запеченные в такие пирожки, призывали к бунту и неповиновению захватчикам. Тесто для них готовят из зерен лотоса и дробленого кунжута. В этот день влюбленные молят богов соединить их вместе, чтобы слиться в одно целое, подобно Луне. Повсюду продаются маленькие цветные фонарики: вечером их зажигают в городских парках и полях родители вместе с детьми, которым по такому случаю разрешается поздно ложиться спать.

на час занятий ко мне по разного рода китайским вопросам, историческим и этнографическим. Попробую и посмотрю, что из этого вый-дет. Для первых занятий хочу обследовать две темы: «Русская рота в Маньчжурских войсках» и «Китайские похоронные деньги»...

Вечером я и Mr. More пошли на концерт хора терских казаков. Опять я получил большое удовольствие. У хора есть какая-то изюминка, которая трогает и дает известный привкус, возбуждая патристические эмоции. Даже когда в волжской прекрасной рыбацкой песне хор поет о том, как подымалась погодушка, и когда далее слышатся жалобные призывы:

Матушка Волга,
Мать родима,
Не погуби ты нас, родима,
Бедненьких...

как-то невольно чувствуешь себя одним из этих бедненьких, которых на сей раз непогода на Волге занесла так далеко, в чужую сторону..

Казаки завтра уезжают в Пекин, где дадут один концерт. На обратном пути они дадут еще один прощальный концерт здесь. Как я слышал, они очень довольны тем приемом, который они получили в Тяньцзине.

19 сентября. Видел сегодня сентябрьскую книжку «The China Journal». В ней помещена моя миниатюрная заметка: «Strange Figures of Chinese Handicraft» с двумя иллюстрациями¹.

По поводу вчерашней годовщины японского выступления в Маньчжурии местные газеты пишут сдержанно, применительно к Китаю вспоминая старую английскую поговорку: God helps those who help themselves (Бог помогает тем, кто сам себе помогает). По-русски это будет: На бога надейся, а сам не плошай.

20 сентября. Узнал, что на днях в Пекине, в Русской Духовной Миссии, из церкви неизвестно кем украдена митра Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца. Митра эта была снята с главы святителя 3 ноября 1881 года по просьбе епископа Люблинского Модеста и заменена на новую. По указу Святейшего Синода от 22 августа 1902 года митра Св[ятого] Иннокентия была передана в Успенский монастырь Духовной Миссии в Пекине, вместе с параманом² и портретом Святителя. Подробные сведения об этой митре были в свое время помещены в «Иркутских епархиальных ведомостях», затем в «Китайском Благовестнике» за 1909 год, № 17–18, и снова в том же журнале за 1931 год, № 10, в день 200-летия со дня кончины Святителя. Кому и зачем понадобилось выкрасть священную реликвию, трудно сказать.

Могу сообщить, что местная жительница, некая Малкова, имеет и хранит у себя какую-то грамоту, собственноручно подписанную Св[ятым] Иннокентием. Какого содержания грамота, я пока не знаю.

¹ Serebrennikoff I.I. Strange Figures of Chinese Handicraft // The China Journal. 1932. Sept.

² Церк. — аналав, нагрудный знак монаха с изображением восьмиконечного креста.

День провел вяло. Погода сырая и мрачная. К работе не располагает. К тому же здоровье прихрамывает. Беспокоит левая нога, которая побаливает давно.

21 сентября. Внизу, под нами, живет какая-то странная семья. Он — еврей, она — татарка, у нее двое черномазых детей. Видимо, сожительствуют. Чем живут, неизвестно. Часто муж и жена ссорятся и дерутся. Вчера к вечеру этот еврей закатил грандиозный скандал. Из окон нижней квартиры летела матерная ругань, и сыпались другие мерзкие ругательства. Потом послышался звон разбиваемой посуды и окон. Началась драка, крики избиваемой женщины.

Такого рода инциденты убийственно действуют на нервы. Хочется убежать куда-нибудь, на спокойную и тихую улицу. Сейчас в мои окна доносятся откуда-то бабьи песни. Голосят совсем так, как это бывало когда-то в сибирских деревнях. Между прочим, в Тяньцзине появилось много русских цыган. Образовался даже цыганский кабачок, с пением и плясками, где начинают принимать посетителей только с 12 часов ночи.

22 сентября. Отправил сегодня проф[ессору] Howland последние свои работы, в том числе «Turkestan-Siberia Railway» и «Communism in China». Всего за два последних месяца мною было отправлено ему семнадцать статей. Работа вчерне закончена. Примусь теперь за некоторые русские статьи.

23 сентября. Был о[тец] Федор Дубоен. Имел с ним разговор о Русской роте в Маньчжурских войсках. Сделал записи. Они сводятся к следующему. За последние годы перед Китайской революцией Русская рота в Маньчжурских войсках, или «Элос нюлу», как сокращенно звали ее маньчжуры и китайцы, состояла из сорока солдат. Кроме сего, был командир роты, при нем один офицер и еще четыре чина, соответствующие русским фельдфебелям. Из последних двое ведали канцелярией, собирали сведения о семейном положении албазинцев, новых родинах, смерти и т.д., а также ведали выдачей жалованья. При роте состояло 20 маленьких албазинцев, в возрасте от 7 до 16 лет, получавших также некоторое жалованье, видимо, в виде пособия семье. Все офицеры и солдаты в роте были албазинцы, потомки русских завоевателей Приамурья в XVII веке. Конечно, это была не столько рота, сколько небольшой отряд. В Маньчжурских войсках были подобного же характера роты, составленные первоначально из лиц одной какой-либо национальности. Например, были, кроме русской, роты: корейская, татарская, аннамитская. Вероятно, в свое время они просто удовлетворяли тщеславию маньчжурских богдыханов Китая и потом продолжали свое существование по исторической традиции, привычке. Солдаты русской роты службы военной не несли никакой, не участвовали ни в парадах, ни в караулах, не имели даже формы. В сущности говоря, вся служба их состояла в получении жалованья. Последнее выдавалось деньгами и натурой: рисом. Квартиры солдаты должны были иметь свои. Денежное жалованье составляло до 47 лан в год, рис выдавали четыре раза в году, каждый раз по мешку, весом примерно до 5 пудов. «Маленькие» получали по 1,5 лана в месяц.

В военных действиях солдаты роты также не участвовали. Должно быть, они и не пользовались доверием властей в этом отношении. Жить должны были в Пекине. На отлучку из Пекина, на расстояние больше сорока ли, нужно было брать особое разрешение. Большинство солдат жили в квартирах Пекина, прилегающих к Бэйгуани, т.е. к Русской Духовной Миссии. Иметь посторонние занятия, напр[имер], заниматься торговлей, солдатам не разрешалось. В роту принимались лица старше 16 лет и могли состоять в ней до самой смерти. Когда освобождалась вакансия, то избирались кандидаты на освободившееся место. Достойный избирался путем испытания, которое состояло в стрельбе из лука. Давали для каждого пять стрел. Кто оказывался лучшим стрелком, того принимали в солдаты роты. Отличившемуся в стрельбе выдавали единовременное вознаграждение в размере 15 лан.

До 1860 года, т.е. до Франко-Британской войны с Китаем, Русская рота в Пекине состояла всего только из двадцати человек. Во время этой войны начальник Русской Духовной Миссии оказал ценные услуги китайцам в деле мирных переговоров с французами и англичанами. В благодарность за эти услуги китайцы согласились увеличить состав русской роты до 40 человек.

После китайской революции 1911 года русская рота продолжала свое существование, и положение ее стало ухудшаться после смерти Юань-Шикая. Стали с каждым годом платить все менее и менее жалованья, а потом и совсем прекратили выдачу такового. Русская рота, таким образом, кончила свое существование. Насколько известно, никакого указа об ее уничтожении сделано не было.

Вот все то главное и существенное, что мог мне повествовать о[тец] диакон Федор Дубоен, албазинец, сам когда-то состоявший солдатом Русской роты в Пекине.

24 сентября. Сегодня в помещении старого Французского клуба Русская община устраивает большой бал для пополнения средств своей скудной кассы. Жена принимает деятельное участие в организации бала и целые дни находится в хлопотах. На балу выступают приобретшие здесь большую популярность терские казаки. Они недавно вернулись из Пекина, где тоже имели шумный успех, дав два концерта. 22 сентября казаки были приглашены германским посланником в Китае, Оскаром Траутманом, на специальный раут, в их честь устроенный. Как рассказывал это сам руководитель хора, маэстро Машин, на рауте присутствовал почти весь пекинский дипломатический корпус и много видных китайских сановников. Казаками был исполнен ряд песен из их репертуара. Особое впечатление произвел Пресображенский марш. Он был исполнен по особой просьбе германского посланника. Последний перед его исполнением объявил, что это — марш прежней императорской России и, поднявшись сам со своего места, предложил и всем присутствующим сделать это. Между прочим, на первом концерте казаков в роскошном зале «Пекин-отеля», быть может, впервые прозвучал торжественный старый русский национальный гимн «Боже, царя храни». Гимн этот был исполнен по настойчивым требованиям русской и другой иностранной публи-

ки. Весь зал при первых звуках гимна поднялся, как один человек. Кажется, чего мы не достигаем нашими статьями и рассказами о старой России, то казаки достигают старыми русскими песнями. Таково влияние музыки...

25 сентября. Бал Русской общины прошел не очень удачно: было не так много народа. Жаль.

26 сентября. Из Шанхая получил сообщение, что там в кружке сибиряков председательствование на себя принял проф[ессор] В.В.Ламанский*. Кажется, это сын знаменитого русского ученого. Буду ждать от него письма.

27 сентября. 14 сентября по старому стилю. День Воздвижения Креста Господня. Занимался. Имел уроки.

28 сентября. Нанкинское правительство запретило вывоз из страны муаре (это, кажется, мерлушка) и еще какого-то сорта пушного товара в том же роде. Местные еврей-пушники в сильном волнении: и без того пушная торговля влачит сейчас жалкое существование, и просвета пока не видать. Дальнейшее сокращение местных пушных дел может оставить без работы немало народа, в том числе и русских. Кажется, русские евреи не предвидят для себя здесь хороших перспектив. Сравнивая себя с русскими, они говорят: «Русские большей частью служат по иностранным предприятиям, получают жалование, живут скромно, по средствам. Для них депрессия не так страшна, как для нас, самостоятельно занимающихся коммерцией. К тому же мы живем не по средствам: держим фасон».

Это, пожалуй, верно. Если из русской колонии исключить богача И.В.Кулаева*, то русские здесь будут намного бедней, чем евреи. С другой стороны, один Кулаев будет побогаче, чем все местные евреи вместе взятые.

— Денег нет, — жалуется публика. А вот присехала сюда на гастроли оперетта из Харбина и делает битковые сборы. В публике, наверное, половину составляют евреи...

29 сентября. Вчера вечером уплелся в кино, смотрел знаменитого «Тарзана». Огромный зал Empire Theater был переполнен, ни одного свободного места. Среди публики много китайцев, любят они такого рода картины.

Днем мы получили подарок от супругов Филимоновых из Шанхая: отличный альбом для фотографий. Нас с женой порадовало это внимание из чужого города.

30 сентября. Встретил на улице художника Сафонова*. Едет из Шанхая в Пекин делать зарисовки. Он приобрел себе известность в Китае среди русской эмиграции своими картинами из эпохи Гражданской войны в Сибири. В частности, известны его картины на тему «Ледяной поход», написанные им как участником этого знаменитого похода в 1919–1920 гг. Из этой серии сильное впечатление на меня произвели 2 картины: «Поход по р. Кану, в Енисейской губернии» и «Переход через Байкал»¹.

¹ Использованы как иллюстрации к книге И.И.Серебренникова «Великий отход», отправлены вместе с коллекцией Серебренниковых в НЦЛА.

1 октября. Еще одной дрянью [зачеркнуто: сволочью. — Прим. А.А. Хисамутдинова] запоганили славное имя одного из больших русских городов: Нижний Новгород переименовали в Максима Горького по случаю сорокалетней писательской деятельности одного добровольного советского прихвостня. Моральные гады всего мира принесли юбиляру свои приветствия. К чести человечества, надо признать, что таких гадин нашлось все же не очень много, даже мало.

2 октября. Воскресенье. Надумал переработать и издать снова свой исторический очерк «Албазинцы», тем более что с 1922 года, когда был написан этот очерк¹, я подобрал кое-какие материалы как об Албазине, так и албазинцах. Вообще, литературных планов у меня много. Не знаю даже, как и в какой последовательности их осуществлять. Больших работ у меня намечается три: это мои мемуары о нашей тяньцзиньской жизни (1923—1932), мемуары же, относящиеся к моему детству и юношеству 1882—1900; последние должны носить сибирский колорит. Хочется затем мне написать большую книгу о Китае (м[ожет] б[ыть] и двухтомную), что было бы результатом моего десятилетнего изучения этой страны. Можно составить исторический очерк Китая, затем подробнее описать его экономику и быт его населения.

Это все крупные работы. Я чувствую себя в силах их осуществить, если позволят мне мое здоровье и, с помощью Господа Бога, мои силы. Много мерещится и мелких работ. Незаконченными пока остаются мои «Этнографические очерки».

3 октября. Пошел вечером на почту сдавать письмо в Америку. Смотрю: около почты возятся трое русских, пыhtят, сопят с большим усердием. Присмотрелся: оказывается, дерутся, тузят друг друга. Дерутся двое, третий разнимает.

— Он шкурки у меня утащил, — кричит один из дерущихся.

Значит, дерутся пушники. Подрались и разошлись в разные стороны. Удалось их все же разнять. Это оказалось не столь трудным делом. А вот удастся ли Лиге наций разнять Китай и Японию?

Сегодняшняя сенсация — это доклад лорда Литтона по маньчжурскому вопросу.

4 октября. На западной ветви Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] — большие события: восстание китайских войск против Маньчжуго и японцев. Положение русских эмигрантов в полосе восстания должно быть трагическое. Ходят слухи, что революционные войска Внешней Монголии заняли западный район провинции Гансу. Верно ли последнее, пока неизвестно.

5 октября. Отправил в распоряжение А.Н. Васильева-Дубровского в Шанхае три рукописи. Они называются: «Памятка Сибиряка», «Сибирское Царство» и «Иркутская группа областников-автономистов». Предполагается, что эти рукописи будут напечатаны в однодневной газете, которая должна будет выйти в Шанхае ко дню 350-летнего юбилея завоевания Сибири, т.е. к 26-му октября старого стиля.

¹ Серебренников И.И. Албазинцы. Харбин: Тип. «Свет», 1920.

Перестал получать шанхайскую газету «Слово». Видимо, меня исключили из состава сотрудников этой газеты, так как я давно-давно ничего не посылаю туда. Признаться сказать, и нет особой охоты и желания сотрудничать в «Слове» — идейных импульсов нет, а материальные — крайне слабые: мне обещали платить по одному центу за строчку. Плата менее чем соблазнительная. Тем не менее без «Слова» — скучно: там нередко можно было прочитать интересные перепечатки то из «Возрождения», то из «Последних Новостей» из Парижа.

О посланной мною в «Современные Записки» рукописи «Русские интересы в Китае» не имею никаких сведений: я не знаю, дошла ли она до назначения, если дошла, то принята ли к печатанию. Русская манера не отвечать на письма меня возмущает. Если бы мне сообщили, что рукопись не принята, я принял бы меры, чтобы устроить ее как-нибудь иначе. Теперь приходится сидеть и ждать, пока не появится 50-ая книжка журнала, где может быть напечатана моя статья. Генералы от русской эмигрантской литературы в Париже слишком, должно быть, важны, чтобы снизить вниманием к какому-то там русскому журналистике в Китае. Почему же американцы поступают иначе? Я получал ответы на все свои письма, адресованные американским журналам, на все без исключения...

Обидно получается. Как будто русский русскому волк есть, и русский не хочет оказать услуги русскому. Как-то, год или более тому назад, жена моя отправила писателю Куприну свою рукопись, историческое исследование о Федоре Кузьмиче, таинственном сибирском старце, с просьбой написать предисловие к статье и помочь устроить ее в каком-нибудь русском издании в Париже. И что же? Ни приветов, ни ответов. Пришлось затратить еще усилия к тому, чтобы как-нибудь выцарапать рукопись обратно и затруднить этим делом нашего старого знакомого по Сибири М.А.Кроля, живущего теперь в Париже. Не отсохли бы руки у Куприна, чтобы написать сюда хотя бы пару слов, хотя бы на открыточке. А ведь готовы же мы на весь мир кричать:

— Русские эмигранты всего мира, объединяйтесь!

Какое уж тут объединение, когда простого желания помочь другу другу не имеется.

Как-то я написал Борису Волкову, молодому сибирскому поэту, теперь уже американскому подданному, проживающему в Сан-Франциско, письмо с предложением совместного сотрудничества в американской прессе. Я не получил ответа на свое письмо. Пробовал в свое время я завязать связи с известным сибирским писателем Гребенщиковым*, проживающим теперь также в Америке, в своей «Чураевке». Но и тут ничего не вышло. После обмена двумя—тремя письмами Гребенщиков понял, что я, видимо, нуждаюсь в средствах (на что я не давал ему никакого намека), и убедил одно американское общество помощи русским литераторам и ученым (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists of Russia) сделать мне небольшой денежный перевод и прекратил со мной переписку. Дескать, получи, земляк, и отвяжись...

6 октября. Был на консультации зубного врача Гершекзанг. Решили выдернуть один зуб. Измученный своей альвеолярной пиор-

реей, я стал страшно мнительным. Мне все кажется, вырвать больной зуб – будет плохо, начнется заражение крови и т.д. И раньше, перед вырыванием зубов, у меня бывали такие же страхи. Нервы, одним словом, не в порядке.

Сегодня попался мне на глаза Бюллетень № 6 Католического университета в Пекине, изданный еще в 1929 году. В нем помещена интересная статья о Монтекорвино*, первом католическом епископе в Пекине во времени Хубалая-хана и последующих за ним монгольских правителей Китая. К сожалению, я не нашел в ней сведений, уже давно меня интересующих, о русских войсках в Пекине XIII-го столетия. Впервые сведения такого рода я получил из известной книги сиолога Leo Wiegner «A History of the Religious Beliefs and Philosophical Opinions in China from the beginning to the present time» (Peking, 1927). В этой книге автор сообщил о монгольских войсках в Китае времен начала Династии Юань следующее: «В монгольских армиях целые корпуса были составлены из иностранцев, христиан различных обрядов. Аланы были особенно многочисленны, все христиане греческой веры, имевшие своих греческих священников, согласно францисканцу Рубруку. Марко Поло сообщил нам о печальном конце одного из таких воинских отрядов монголов. Этот отряд взял город Цаньчжоу. “Они взяли город и нашли здесь добрыс вина. Они выпили так много вина, что опьянели; спали, как свиньи. Когда пришла ночь, все пьяные солдаты были перебиты, так что никто не спасся...”»

В Пекине одном, в лагерях, было одно время до 30 000 аланов. Из них тысяча составляла личную охрану императора. Затем здесь были также грузины, христиане греческой веры, согласно Бенедикту Полону; корпус, по меньшей мере, десяти тысяч русских; еще корпус из крымцев, подчиненных патриарху Антиохию, и т.д. Сообщение Рубрука показывает нам, что несториане Монгольской Империи допускали в свою церковь венгерцев, аланов, русских, грузин и армян только после вторичного крещения их. Вот эти-то 10 000 русских в Китае конца XIII-го столетия и интересуют меня. Я хочу разыскать о них какие-либо дополнительные сведения, каковые, вероятно, можно найти только в трудах и записках католических миссионеров, современников Марко Поло. Я собираюсь как-нибудь на днях отправиться в библиотеку местного иезуитского университета (Tientsin University) и посмотреть, не найдется ли в нем подходящих материалов. Придется мне с этой целью познакомиться с трудами знаменитого итальянца Марко Поло. Хватило бы только времени для этого. Кстати сказать, кто такие были аланы?¹ Поскольку я осведомлен, это были осетины. Но, может быть, я ошибаюсь.

¹ Аланы (*лат.* Alani), самоназвание – ироны, в византийских источниках – аланы, по-грузински осы, по-русски ясы, многочисленные ираноязычные племена, которые выделились в последнем веке до н. э. из среды полукочевого сарматского населения Северного Прикаспия, Дона и Предкавказья и поселились в I в. н. э. в Приазовье и Предкавказье, откуда совершали опустошительные походы на Крым, Закавказье, Малую Азию, Мидию. В Центральном Предкавказье сложилось объединение алан-

7 октября. Около Чифу — анархия: там опять дерутся между собой два китайских генерала. Конца гражданским войнам в Китае не видать, да и, кажется, не предвидится в будущем. К позору современного цивилизованного человечества, многие державы Европы и Америка не перестают снабжать китайских милитаристов оружием и тем самым подогревают здесь междоусобицу. Особенно много ввозится в Китай оружия и снаряжения из Германии, немало идет и из Соединенных Штатов. Говорят знающие люди, что за последний год ввезено в Китай из разных стран разного рода оружия и военных припасов не менее чем на полмиллиарда долларов. Сообщают, что 3 октября один норвежский пароход выгрузил в Тяньцзине 500 пулеметов, 3 1/2 миллиона патронов, много бомбометов и снарядов к ним. В конце концов часть ввозимых в Китай военных материалов попадает к бандитам... и коммунистам, которые, есть слухи, имеют местами даже аэропланы. В общем, действительность столь погана и мерзка, что не хочется и думать о ней. Пусть будет, что будет. А по адресу капиталистического мира хочется крикнуть во все горло:

— Если ты сам роешь себе могилу, так рой же, дружище, поскорее!

В наше кошмарное время книги — все же лучшее утешение, правда, в том случае, если они не говорят об «удивительных» достижениях советской власти: такие книги только раздражают.

Купил сегодня свежие номера двух китайских журналов «The China Weekly Review» и «The China Voice». В одной комиссионной конторе по дешевке приобрел сегодня же два толстых тома «The China Year Book», один за 1926—27 гг., другой за 1929—30 гг., и два случайных номера «The China Journal of Science and Arts» — один за сентябрь месяц 1923 г. и другой — за март 1924 года. Библиотека моя, *sinica*¹, таким образом, сразу подросла намного. В журнале «The China Weekly Review» я прочел интересную статью Свен-Гедина* о джехолских храмах Северного Китая. Оказывается, на предстоящей международной выставке в Чикаго будет построен китайский павильон, который будет точной копией Золотого Храма в Джехولة, летней резиденции китайских богдыханов. Этот ламайский храм — один из лучших образцов китайской архитектуры был построен знаменитым китайским императором Цянь-Лун. По поводу постройки этого храма Свен-Гедин пишет следующее: «В памятных таблицах император Цянь-Лун сообщает, что он воздвиг монастыри и Золотой Храм в 1767—1771 годах в память 80-летнего дня рождения его матери, вдовствующей императрицы, а также и в ознаменование того радостного факта, что племя торгутов возвратилось в Китай в 1771 году. Торгуты были одним из четырех племен, которые во 1616 году (?) ушли из Китая к реке Урал, а

ских и местных кавказских племен, возглавленное аланами и в письменных источниках получившее название Алании. Тяжелый удар Алании нанесли монголо-татарами, окончательно захватившими в 1238—1239 равнины Предкавказья. Уцелевшая часть аланов ушла в горы Центрального Кавказа и в Закавказье (Южная Осетия), где ассимилировалась с местным кавказским населением. Прямыми потомками аланов являются современные ираноязычные осетины. Сыграли роль в этногенезе и культуре и др. народов Северного Кавказа.

¹ Китаеведение (*лат.*).

отсюда перешли к нижнему течению реки Волга и стали здесь русско-подданными. В количестве 400 000 человек с 70 000 палаток торгуты снялись с Волги в январе месяце 1771 года и отправились вновь на просторы Азии, с женами и детьми, с оружием и домашними вещами, с телегами, лошадьми и верблюдами, миллионами голов скота и овец. Они сражались против войск царицы и против казаков, киргизов и других народов. Пришлось им испытать зимний холод Сибири, суровые бури, весенние разливы, жару и недостаток воды летом, прежде чем оставшиеся в живших после семи месяцев скитаний не достигли китайской территории в Или. Две трети народа пали в битвах или погибли от лишений».

Это переселение торгутов (калмыков) в Россию в 1616 году почти не отмечается в наших учебниках русской истории. И, пожалуй, напрасно. Оно имеет интерес с точки зрения не только русской истории, но и мировой: оно было последним эпизодом из истории массовых переселений азиатских народов в пределах Европы. В этом смысле, оно было последней страницей из большой особой главы истории Европы, главы, которая началась еще за несколько веков до Рождества Христова...

Такие мысли навеяло на меня чтение статьи Свен-Гедина, знаменитого исследователя Центральной Азии. Благодаря ей как-то причудливо связались с собой у меня в голове чудесные храмы Джэхэ, Чикагская выставка в Америке, калмыки в России и переселение народов в Европу.

Книжки «The China Journal of Science and Arts» порадовали меня статьями моих соотечественников: в одной из них помещена статья С.М. Широкогорова*, бывшего антрополога Музея антропологии и этнографии Русской академии наук. Она называется «Этнологические исследования в Сибири, Монголии и Северном Китае». В другой книжке напечатана работа Е.Н. Широкогоровой* «Народная музыка в Китае» (Folk Music in China). Эта работа иллюстрируется нотами. На нотах показаны напевы тунгусских и маньчжурских шаманов. Признаюсь, впервые в своей жизни я увидел шаманские песнопения, переложенные на ноты. Говорят, что Широкогоров состоит в данное время профессором одного из университетов в Пекине. Хотелось бы повидать этого выдающегося русского антрополога и этнографа.

8 октября. Надоели ли мы друг другу? Мы — это китайцы и русские эмигранты, засевшие в Китае. Как будто бы — да! Долгое сожительство рядом, бок о бок, носом к носу становится как будто уже мало выносимым. Китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться. Этого времени мы имеем более чем достаточно. Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти «комишоны» (commission), взятки, поборы — альфа и омега китайской жизни. Возьмите китайского повара, который служит у вас, повара хорошего, честного. Он не позволит себе взять ни одной вещи у вас, как бы плохо она ни лежала. Но он всегда будет брать комиссию с прачки, которая стирает вам белье, с поставщиков продуктов и т.д., потому что это освящено обычаем, стародавней практикой. Если вы дадите

повару деньги и пошлете его на базар за провизией, он постарается поставить вам цену выше, чем на рынке; если этого нельзя будет сделать, он надует вас на все или даже на качество товара. Если китайцу попадет в руки та или иная денежная сумма для торгового оборота, он должен что-то заработать для себя: это закон, который необязателен только для дураков.

Чиновники — как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп. Понятно, что откупщик старается заработать «за свое время» как можно болсе...

Китайские гражданские войны — это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров и запасаются особняками на иностранных концессиях портовых городов Китая.

Выходит, гнилая сердцевина у государства. Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех непорядков и настроений в его стране. Вы готовы уже презирать китайца и в то же время чувствуете, что он сам презирает вас, потому что вы как русский беженец — бесправны, беззащитны, за вами нет такой силы, которая могла бы при случае вас защитить, и если он ведет еще с вами кое-какие дела, то только потому, что у вас есть еще некоторые средства, которыми можно попользоваться. Когда-нибудь историк опишет то кошмарное и ужасное положение бесправных русских эмигрантов в Маньчжурии, которое сохранялось здесь, можно сказать, с 1920 по 1932 годы при благосклонном содействии советских чиновников Москвы.

Торгашество, страх и преклонение перед сильным, издевательство над слабым — может ли все это действительно привлекать симпатии к китайцу? Конечно, нет. Одно время Китай как вновь возрождающаяся страна привлекал к себе симпатии мира, но, кажется, к теперешнему моменту от этих симпатий уже осталось очень немногое. Бандитизм, развившийся в стране до необычайных размеров, пугает. Недели три — четыре тому назад бандиты в окрестностях города Ньюгуана, в южной Маньчжурии, захватили в плен для выкупа двух иностранцев: Mr. Charles Corkran and Mrs. Muriel Rawley. Какой же выкуп потребовали бандиты? За г[оспо]жу Rawley 600 000 долларов, 120 винтовок, 37 000 патронов, шесть пулеметов, 100 000 патронов к пулеметам, 200 унций лучшего опиума и 100 золотых колец. За г[осподи]на Corkran: 500 000 долларов, 120 винтовок, 5000 патронов, 4 пулемета с 60 000 патронов, пять кусков сатина, 60 золотых часов и 100 унций опиума.

Пленники до сих пор не освобождены. Бандиты грозят, в случае промедления со взносом выкупа, отрезать уши у похищенных ими иностранцев и прислать таковые в Ньюгуан родным и знакомым несчастных страдальцев. В дальнейшем грозят смертью...

Эта история сильно компрометирует не столько, правда, Китай, сколько вновь сформированное [слово зачеркнуто. — Прим. А.А.Хисамудинова] государство Маньчжуго [слово зачеркнуто. —

Прим. А.А.Хисамутдинова], так как Ньюгуан находится на территории этого государства¹.

Говорят, в Харбине теперь опасно выходить ночью на улицу. Здесь будто бы бандиты не брезгают и малосостоятельными русскими, требуя порой за похищенного русского выкуп всего только в размере ста долларов.

М[ожет] б[ыть], в Маньчжурии рано или поздно наведут порядок японцы: там они хозяева. Но кто сделает это в Китае? Ходят слухи, что генерал Чжан Кайши, в отчаянии, хочет последовать примеру Муссолини и организовать в Китае отряды «синерубашечников». Сделают ли что-нибудь путное синие халаты [зачеркнуто: рубахи. — *Прим. А.А.Хисамутдинова*] Китая, покажет недалекое будущее. А может быть, эти халаты Китая — газетный миф?

9 октября. Днем, точнее в полдень, завтракал у нас Mr. Moge. К трем часам дня я с женой и наш гость отправились на площадку Русской школы на спортивный праздник общества «Русский Сокол»². Показаны были образцы сокольской гимнастики, а также многие гимнастические упражнения на турнике, параллельных брусьях, прыжки через «кобылу». «Соколами» руководил и командовал Д.М.Михайлов*, организатор общества и его душа, сам отличный гимнаст. На празднике присутствовало более трехсот зрителей, преимущественно, конечно, русских. Были, по приглашению, и несколько иностранных консулов.

10 октября. Посетил сегодня китайскую выставку «Chi-Yang», устроенную в помещении старого Французского клуба. Выставка носит исторический характер, представляя из себя портретную галерею семейства Ли, с добавлением некоторых других семейных реликвий. Эта фамилия Ли насчитывает за собой 22 поколения с того времени, как она стала известна в летописях китайской истории. На выставке показаны семейные портреты, относящиеся к 16-ти первым поколениям. Всего вставлено 38 таких портретов.

В 1368 году пала в Китае монгольская династия Юань, и начала свое существование китайская династия Мин, первым императором которой был Дай-дзу (Tai Tzu). Родная сестра этого императора была замужем за князем (prince) Ли Чэн, от которого и ведет свою родословную семья Ли, потомки которой и по сие время проживают в Пекине. Выдающееся положение при дворе богдыханов Китая представители фамилии Ли занимали во время династии Мин, меньшее значение они имели уже во время маньчжурской династии Цинь. В

¹ Маньчжурская империя — Маньчжоу-Ди-Го — Маньчжоу-Го — основана после японской оккупации Маньчжурии. 18 февраля 1932 г. обнародована декларация о независимости Маньчжурии и принято название Маньчжоу-Го. Пожизненным верховным правителем объявлен император Генри Пу-И. Согласно данным китайской полицейской регистрации на сентябрь 1931 г., в районе КВЖД проживало 102 тыс. русских. Русские экономисты, жившие в Маньчжурии, считали эту цифру преуменьшенной, предполагая, что русских было 130—140 тыс., из них около 90 тыс. советских граждан и 40 тыс. эмигрантов. В декабре 1934 г. русских эмигрантов было зарегистрировано 42 600 человек, а советских граждан 36 500, всего около 80 тыс. человек.

² Типовая спортивная эмигрантская организация, отделы которой существовали во многих странах, где находились русские общины.

настоящее время семья Ли, как я слышал, уже является обедневшей. В порядке перехода от отца к старшему сыну родословная Ли представлена на выставочных портретах, относящихся к 16-ти поколениям.

[Перечеркнут список из 16 имен представителей династии Ли с годами их жизни и службы. — *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Эти предки фамилии Ли дают на выставках 32 портрета. Кроме сего, на ней имеется еще 6 фамильных портретов той же семьи плюс портрет Chang Jan Feng'a, знаменитого даоса, интимного друга генерала Ли-Вэнь-Чжуна. Всего на выставке, таким образом, 39 портретов. Все они — большого размера, в красках. Многие из них показались мне реставрированными. Я не знаток китайской живописи и ничего не могу сказать о достоинствах или недостатках выставленных портретов. Но мне кажется, что они представляют большой интерес для изучения манеры китайского портретного письма старых времен, а также и для ознакомления с костюмами, нарядами и уборами знатных лиц из времен двух последних династий Китая.

Кроме 39 портретов выставлено еще 18 других предметов: это манускрипты, книги и картины; выставлены также остатки панциря генерала Ли Вэнь-Чжуна, платок императора Дай-Дзу. Два манускрипта — императорские. Из картин интересна одна, представляющая длинный сверток: она изображает поход китайцев на какое-то «варварское» племя в провинции Гансу... По картине этой можно судить о вооружении и одежде китайских воинов и их обращении с покоренными или усмирненными ими варварами...

Такого рода выставки в Китае — редкость, и я не жалею, что побывал на одной из них.

Моим компаньоном по осмотру выставки был И.Н.Головко-Улазовский. Последний в Тяньцзине всего только два месяца. После осмотра выставки мы сделали большую прогулку по городу пешком. Я показал моему спутнику Французский парк, и здесь он сделал фотографический снимок со статуи Франции, изображенной в виде воинственной девушки, обнажившей меч из ножен, чтобы защитить право — это памятник мировой войны 1914—1918 годов.

Насколько помню, этот памятник, а вместе с ним и парк, был заложен в 1922 году. Я присутствовал на торжестве закладки, чтобы повидать знаменитого маршала Жофра, находившегося в то время проездом в Тяньцзине.

Из Французского парка мы прошли на Старое английское кладбище. Здесь я показал своему спутнику два памятника, поставленных один над могилой Басова, а другой — над могилой супругов Протопоповых. Басов и Протопоповы были убиты китайской толпой в туземном городе во время известной тяньцзиньской «резни» 1870 года. Во время этой резни были избиваемы французы. Русских убили потому, что они были приняты за французов. Особенно трагична смерть Протопоповых. Они оба — молодые люди (ему 24 года, ей 17 лет). Они только что были повенчаны и ехали после свадьбы домой. Дорогой новобрачные были схвачены толпой и убиты.

Среди могил мы нашли одну, с небольшим каменным крестом, на котором значилось по-английски всего два слова: «Unknown Rus-

sian» — Неизвестный русский. Кто из русских мог в таком порядке сложить свои кости в старом Тяньцзине, трудно даже предположить.

11 октября. В газете «Наша Заря» напечатано сообщение о том, что находящийся сейчас в Европе архимандрит Виктор возведен в сан епископа.

Епископ Виктор (в мире Леонид Викторович Святин) — мой старый знакомый. Впервые я встретился с ним в 1921 году в стенах Пекинской Духовной Миссии: тогда это был еще совсем молодой человек, беженец, прибывший в Китай из Синьцзяна, бывший офицер Оренбургской армии атамана Дутова. При нас произошло и пострижение его в монахи. На моих глазах разворачивались затем его пастырская и общественная деятельность в Тяньцзине, где молодой и энергичный иеромонах быстро снискал себе большую популярность среди русской колонии города. И вот теперь бывший казачий офицер — его преосвященство. Могу пожелать ему дальнейших успехов на пути архипастыря.

9-го октября в Пекине был предан земле прах маршала Чжан Цзунчана, «белого» китайского генерала, убитого 4 сентября в Цинани, столице Шаньдуня. Покойный был близок к русским, в его войсках в не так далеком прошлом состоял русский отряд, принявший видное участие в гражданской войне страны. Биографические сведения о покойном маршале сбивчивы и противоречивы. Можно с достоверностью сообщить о нем следующее. Родился он в 1881 году, в Шаньдуне. Во время русско-японской войны Чжан Цзунчан, командуя китайским батальоном в отряде генерала Мищенко, сражался на стороне русских против японцев. В 1917 году он состоял при военном министерстве Китая, ведая военным образованием. В течение 1918—1922 командовал дивизией в провинции Цзянси, затем примкнул к Мукденской партии Чжан Цзолина. В 1924 году был уже командиром 1-ой Мукденской армии, в следующем году за услуги, оказанные Чжан Цзолину в борьбе с его противниками, произведен в маршалы. В 1924—1928 годах состоял военным губернатором Шаньдуня, имея в составе своих военных сил русскую группу войск во главе первоначально с генералом Нечаевым и имея при себе в качестве ближайшего советника Меркулова, известного русского политического деятеля на Д[альнем] Востоке. Будучи губернатором Шаньдуня, Чжан Цзунчан принимал деятельное участие в борьбе Севера с Югом. В 1929 году силы его были разбиты, и сам маршал бежал и нашел убежище в Японии. В 1931 году, после выступления японцев в Маньчжурии, он появился вновь в Мукдене, откуда перебрался в Пекин. В сентябре месяце этого года он выехал в Цинань, где и был убит на вокзале по подстрекательству его политических противников.

12 октября. Был Шишкин, бывший офицер Сибирского казачьего войска, известный здесь как автор ряда политических памфлетов и брошюр (псевдоним Лебяженский). Договорились с ним об устройстве 8-го ноября Сибирской вечеринки-ужина. Между прочим, я спросил его, имеются ли какие-нибудь сведения о знамени Ермака, хранившемся ранее в одной из церквей Омска. Он сообщил мне, что в 1918 году это знамя было взято из собора атаманом Анненковым,

но потом было возвращено. В 1918 году оно было вывезено атаманом Ивановым-Риновым в Харбин; дальнейшая судьба знамени неизвестна.

Агентство Рейтер сообщило сегодня, что в связи с событиями на западной ветви Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] в Багре провозглашена независимая республика по советскому образцу, сведения об этом нуждаются, однако, в проверке. В прессе выражаются большие опасения за целостность знаменитого Хинганского тоннеля на Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороге].

Получил свежий номер шанхайского журнала «Парус». В нем напечатан мой рассказ из китайской жизни «Свадьба городского бога»¹. Рассказ помещен без каких-либо редакционных исправлений, при хорошей корректуре. Полученный мной номер довольно толстый: в нем 182 страницы большого формата и помещено около 70 заметок, статей, рассказов, стихов и рецензий. По манере расположения материалов и объявлений он носит, пожалуй, американский характер. Хотелось бы, чтобы журнал устоялся и привился.

13 октября. Приготовил для отправки в Шанхай три рукописи: два рассказа из китайской жизни — «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие» и заметку «Сибирская реликвия в Пекине». Рассказы я думаю предложить для «Паруса» и заметку — для «Сибирской однодневной газеты».

Как я вижу, дневник мой все растет и растет. Скоро будет уже год, как я начал вести его. Жалею, что я не вел его за все предыдущие годы моей жизни в Китае. Еще более жалею, что у меня не было дневника за революционные годы в России. До революции я, однако же, вел дневник. Это было в годы 1912—1916, в то время, когда я принимал большое участие в общественной жизни Иркутска. Мой дневник за эти годы составил несколько толстых тетрадей². Я не взял его с собой в Китай, а отдал на хранение одному большому моему другу, оставшемуся в Иркутске³. Сумел ли он сохранить мои писания, не имею никаких сведений. Отдал я на хранение моим друзьям в Иркутске и нашу библиотеку, в которой было около 2000 названий, в том числе около 1000 книг и брошюр по сибиреведению. Впрочем, не стоит вспоминать о прошлом. Мало ли что было?

Сейчас, когда я пишу эти строки, накрапывает дождик и приближаются раскаты грома: явление, редкое в октябре здесь! Осень стоит какая-то особенная. Мой повар, китаец, слушая рычание октябрьского грома, говорит, это к худу... будет много грабежей, разбоев.

14 октября. Занятия с Чжан Гоченом сводятся преимущественно к практике разговора на русском языке. Иногда мы читаем одно советское издание, посвященное пятилетке (руководство для партактива, изд[ание] 1929 г.), и затем ведем беседы по поводу прочитанного. Гостиная, в которой мы занимаемся, носит смешанный европейско-китайский характер; наряду с чисто китайскими предметами обста-

¹ Серебренников И.И. Свадьба городского бога // Парус. 1932. № 8—9.

² См. биографический очерк А.Н. и И.И. Серебренниковых.

³ Глютов К.Н.

новки немало и европейских. Между прочим, на полу разостлан хороший большой ковер, подарок покойного Иннокентия, митрополита Пекинского; на стене висит картина-акварель кисти К.А.Хорват*, урожденной Бенуа, из известной русской семьи художников; на одном из столиков красуются бронзовые часы с фигурами — подарок бывшего Советского консула в Мукдене А.А.Краковецкого*.

Меня занимает вопрос о знамени Ермака. Бывший у меня сегодня по делу Ефимов*, представитель Оренбургского казачества здесь, сообщил мне, что, по его мнению, знамя Ермака хранилось здесь, в Тяньцзине, у Иванова-Ринова, который сдал потом его на хранение в Русско-Азиатский банк. Банк этот, как известно, был ликвидирован китайцами¹. Спрашивается теперь, где же знамя?

Сегодняшний праздник Покрова был ознаменован торжественным богослужением в Покровской церкви², совершенным епископом Нестором*, прибывшим сюда из Шанхая.

15 октября. К юбилейному Сибирскому празднику начал писать небольшую заметку на тему «Покорение Сибири», пользуясь материалами моей небольшой библиотеки. Может быть, я прочту эту заметку на местной сибирской вечеринке, которую собирается устраивать здесь Казачий союз. Заметка будет маленькая — минут на 15 чтения.

16 октября. Был на лекции епископа Нестора о Камчатке в помещении Русского клуба. Лекция представляла большой интерес и собрала переполненный зал слушателей. Манера лектора говорить — четкая, выразительная. Наружность — импозантная и привлекательная. Много рассказал лектор из области своей миссионерской практики на Камчатке, порой создавая истинно художественные картины. Особенно любопытен был один эпизод, состоявший в следующем. Однажды лектор, будучи больным, ехал на нартах, запряженных собаками, по снежным просторам Камчатки. Бушевала пурга. Ехавшие стали на отдых. Сопровождавшие миссионера коряки подошли к больному, и один из них сказал ему:

— Батяка! Твое дело плохо. Ты скоро умрешь. Пиши нам записку, что ты сам умер.

— Это зачем же вам?

— Мало ли что могут подумать о нас, коли мы привезем тебя мертвым. Лучше пиши записку, что ты сам помер.

— Я, — рассказывает лектор, — сказал им: Бог даст, я не умру, поедем дальше и обойдемся без записки.

В лекции проглядывала любовь лектора к простодушным туземным обитателям Камчатской области: корякам, камчадалам, чукчам. Импонировал слушателям висевший на груди епископа крест на георгиевской ленте. Как я узнал, лектор был на войне, будучи полковым священником лейб-гвардии драгунского полка.

17 октября. «Peking and Tientsin Times» публикует по частям доклад лорда Литтона, председателя следственной комиссии

¹ См.: Ликвидация Русско-Азиатского банка // Новая заря. 1932. 27 февр.

² Свято-Покровская церковь построена в 1925 г. Как Свято-Покровский собор перестроена на пожертвования И.В.Кулаева. Обновленный, освящен митрополитом Иннокентием 3 ноября 1929 г.

Лиги Наций по маньчжурскому вопросу. В части доклада, опубликованной сегодня, приводятся сведения об отношении различных групп населения Маньчжурии к создавшемуся в этой стране новому политическому положению. Здесь сказано несколько слов и о «белых русских» в Маньчжурии. Именно: «Из всех национальных меньшинств в Маньчжурии малая колония белых русских, численностью около 100 000 человек, проживающих в Харбине и около, претерпела за последние годы наибольшие страдания. Вследствие того обстоятельства, что они не имели за собой никакого национального правительства для защиты их интересов, они подвергались со стороны китайских чиновников и полиции всякого рода притеснениям и унижениям. Они — в конфликте с правительством их родной страны, и поэтому даже в Маньчжурии они находятся постоянно в тревожном положении по этому случаю. Более богатые и образованные члены Русско-белой колонии могут зарабатывать себе средства к существованию, но и они подвержены риску несчастья, если бы только китайские власти решили получить от СССР какие-либо преимущества на их счет. Бедные русские с большим трудом обеспечивают свое существование, и они постоянно несли страдания от рук полиции и китайских судов. В провинции, где налоги собираются путем торга властей с облагаемым населением, русские были вынуждены платить сравнительно большие налоги, чем их соседи-китайцы. Они испытывали множество ограничений в их торговле и в их передвижении по стране и должны были платить взятки чиновникам при осмотре их паспортов, утверждении контрактов или передаче земель. Не нужно поэтому удивляться тому, что многие белые русские, чье положение едва ли уже могло быть хуже, чем оно было в действительности, должны были приветствовать японцев. Они получили надежду, что их судьба может быть улучшена теперь, при новой администрации. Мы приняли депутацию белых русских, когда мы были в Харбине, равно и получали много писем, и из полученных нами сведений мы вывели то заключение, что они будут поддерживать всякий режим, который гарантирует для них:

- 1) Право убежища;
- 2) Честную и действенную полицейскую администрацию;
- 3) Справедливость в судах;
- 4) Равную систему обложения;
- 5) Право торговли и поселения вне зависимости от уплаты взяток;
- 6) Возможность образования детей. Их требования в этом отношении сводятся к тому, чтобы дети могли получить достаточное знание иностранных языков для последующей эмиграции из Китая или же надлежащее техническое образование для подыскания потом работы и службы в самом Китае;
- 7) Некоторую помощь при поселении на землю и для эмиграции».

18 октября. С большими страхами и волнениями направился я сегодня к зубному врачу для удаления больного зуба. После операции врач заметил, что у меня дрожат руки.

- Ого, — сказал он, — нервы-то у Вас не в порядке.
- Измотаны порядочно, — подтвердил я.

И это правда. Моя болезнь, пиоррея альвеоларис, неизлечима и порядочно потрепала меня: каждый год мне приходится терять два—три зуба. Болезнь зубов отражается на состоянии всего организма. Болят ноги. Можно потерять зрение. По-видимому, надо вырвать все зубы и остаться со вставными челюстями, но я на это пока все еще не решаюсь.

19 октября. С величайшим интересом читаю сочинения писателя-этнографа С.В.Максимова. В его статье «Сибирская святыня» нашел описание знамени Ермака в виде образа Архангела Михаила, того самого знамени¹, которое должно сейчас находиться где-то у ликвидаторов Тяньцзиньского отделения Русско-Азиатского банка. Значит, должно быть в китайских руках. Узнал я также, что несколько лет тому назад представители местного Военского союза во главе с полк[овником] Веденяпиным пытались получить от китайцев знамя Ермака, но не имели успеха за отсутствием доверенности от Иванова-Ринова. Говорят, что последний положил на хранение в банк вместе со знаменем Ермака атаманскую булаву Сибирского казачьего войска, а также саблю, которая, по преданию, принадлежала когда-то знаменитому польскому королю Яну Собескому. В свое время я видел фотографии с этой сабли и познакомился с историей ее. Сабля эта была будто бы снята с главнокомандующего турецкими силами, убитого в битве под Веной, и поднесена королю-победителю Яну Собескому как трофей. С течением времени сабля эта перешла во владение какой-то польской дворянской фамилии. В 1918 или 1919 она была вывезена в Сибирь и здесь была продана Сибирскому казачьему войску. Последнее поднесло ее в дар своему выборному атаману, ген[ералу] П.П.Иванову-Ринову. У меня, однако, сохранилось впечатление, что документальных доказательств былой принадлежности сабли Яну Собескому у Иванова-Ринова не было, и он старался только найти их.

20 октября. В Москве снова происходит какая-то коммунистическая склока. Из партии исключены 20 видных ее деятелей, в том числе Зиновьев, Каменев, Угланов и Рютин*. Последний, если не ошибаюсь, большевик харбино-иркутской выделки. В свое время он достаточно пошумел в Харбине и Иркутске. Уроженец Иркутской губернии, кажется, даже из деревни Рютиной Балагинского уезда, он до революции был учителем начальной школы, к революционной политике не был причастен и, говорили, имел даже некоторую склонность к черносотенному подхалимству. Сибиряки, в общем, весьма мало выдвинули из своих рядовых видных большевиков. Рютин — один из таковых.

¹ С виду знамя представляло холщевое полотнище в длину и ширину 1 аршин 6 1/4 вершка. На одной его стороне был изображен Святой Великомученик Димитрий Солунский, поражающий копьем лежащего на земле татарского хана. В верхнем правом углу имелось изображение Спасителя с Евангелием. Другая сторона знамени была не менее живописной и по своей символике нисколько не уступала первой. На ней имелось изображение Архистратига Божьего Михаила на коне, разящего копьем чудовище, выбежавшее из разрушенной мечети. В верхнем углу, с левой стороны от Архангела, был изображен Спаситель с находящимися перед ним потиром, дискосом, лжицею и копием. Ныне хранится в музее Кремля (Москва).

По сообщению Рейтера, газета «Харбинское время» напечатала статью под заголовком «Война или мир в Маньчжурии зависит от СССР». Рассматривая положение на западной ветви Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги], газета делает прямое предостережение Советской России, которая, по мнению японцев, пытается теперь присоединить Баргу к советской территории. Она заявляет, что Япония готова к войне и миру, и то и другое зависит теперь от России. Активность Коминтерна в Маньчжурии должна прекратиться, и Япония примет решительные меры, если Советы нарушат мир и порядок в Маньчжугу и если они будут помогать здесь китайским волонтерам.

Двуликая иностранная политика Советского правительства, официальная и тайная, подпольная, коминтерновская, кажется, теперь уже никого не обманывает. Прекрасно ее, конечно, понимают и японцы и тоже ведут политическую игру с Советами. Игра – опасная не столько для японцев, сколько для Коминтерна.

– Головами, батюшка, играемся, – могут сказать про себя советчики.

21 октября. На книжном рынке появились местные новинки. Двумя китайскими авторами, авторитетами по вопросу, выпущен из печати большой труд в 2-х томах по истории китайской медицины, на английском языке. Местная английская газета дала хороший отзыв об этом труде. Редактор «Нашей Зари» И.Миллер оказался автором появившейся в продаже книги «The Chinese Girl» (Китайская девушка). Книга издана хорошо в местной немецкой типографии «Peigang Press», стоит в продаже 10 долларов, рассчитана на иностранного покупателя. Кажется, она трактует о жизни не столько обыкновенной китайской девушки, сколько девушки-певички (song-girl), какую вы можете пригласить в отдельный номер китайского отеля, чтобы послушать ее пение, а при случае получить и другие удовольствия. По-видимому, И.Миллер хорошо знаком с бытом такого рода китайских девиц.

Третью книгу опубликовал мой добрый знакомый Ф.С.Москвитин, нужно думать, за свой собственный счет. Это не книга, а брошюра, под заглавием «Преддверие к восточной философии». В ней содержится туманное изложение некоторых мудростей современной теософии, причем взята какая-то странная форма изложения, не то прозаическая, не то стихотворная. Автор, что называется, перемудрил, и, конечно, его поэтично-философские произведения успеха иметь не будут.

Получил сегодня, наконец, письмо от проф[ессора] Хауланда. Он сообщил мне о прибытии к нему первых моих семи рукописей, отзыва о каковых пока он не даст.

Давно нет писем от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая, и я поэтому в недоумении, не знаю, дошли ли до него посланные мною ему четыре сибирские рукописи.

Новость дня – это приезд в Пекин из Дайрена престарелого маршала Дуань Цижуня*, сторонника сближения Китая с Японией. Это обозначает, что скоро надо будет ждать каких-то больших событий на севере Китая. Несчастливая страна никак не может отдохнуть от гражданских междоусобиц. В провинциях Шандунь и Сычуань ко-

лошматят друг друга китайские генералы. Дерутся паны, а у хлопцев чубы летят. Такого же рода склока грозит провинции Юннани. Генералиссимус Чжан Кайши, бывший друг Москвы, подавляет коммунистическое движение в ряде центральных провинций Китая. В Маньчжурии сплелись в один гордиев узел нажим японцев, сопротивление китайских волонтеров, советские интриги. В Шанхае арестовано много вожаков китайской коммунистической партии, учеников Москвы. В общем, спросим себя:

- Хорошо ли в Китае?
- Нет, худо.
- А в Японии?
- Тоже.
- В Советской России?
- Также.
- Ну а в Соединенных Штатах?
- Плоховато...

Заключение: мы живем в страшную эпоху.

22 октября. В данное время мы с женой имеем 12 учеников и учениц, не считая моих занятий с Чжан Гоченом. Это дает заработка около трехсот долларов в месяц. С декабря месяца, однако, едва ли останется у нас треть этого заработка.

23 октября. Воскресенье. Вечером мы устроили «pelmeni-party». Были супруги Михайловы и И. Н. Головкин-Улазовский. М. А. Михайлов сообщил мне, что знамени Ермака Иванов-Ринов не оставлял здесь на хранение. По его информации, были оставлены только Высочайшие грамоты, пожалованные в свое время Сибирскому казачьему войску да сабля Яна Собеского. Как будто бывший офицер Остроухов имеет на руках полный список всего, что Иванов-Ринов оставил на хранение в Русско-Азиатском банке. Надо собирать дальнейшие справки.

24 октября. С увлечением работаю над своим новым трудом «Албазин и Албазинцы».

25 октября. Получил сегодня из Парижа от С. Сватикова*, бывшего Высокого Комиссара Российского Временного правительства за границей, автограф следующего содержания: «Создание Соединенных Штатов Сибири, или точнее Северной Азии, – для меня несомненный факт грядущего! Но сейчас край еще так малонаселен, так слаб в военном отношении, что попытки оторваться от метрополии оказались бы и преступлением матерубийства, и актом самоубийства».

Я мыслю: Сибирь никогда не пойдет по пути Соединенных Штатов Америки. Она будет добиваться прав на автономное существование, но никогда не посягнет на отделение от России.

В препроводительном письме ко мне Сватиков пишет: «Спасибо Вам за письмо, глубокоуважаемый И. И. (как же Ваше имя, отчество?). Вот Вам мой автограф. Мне Вы могли бы оказать большую услугу присылкой материалов: 1) По национальному вопросу (федерация, автономия, сепаратизм в пределах бывшей Российской Империи в любую эпоху; 2) Все о казачестве в Сибири, на Дальнем Востоке и в эмиграции (листки, афиши, воззвания, брошюры, программы; 3) Все о Николае II (лично) и поминовении его памяти, все, все. Voila!

Как хотел бы я издать главы о Сибири с 1906 по 1926 год. В Чехословакии — кризис. А как у Вас? Не нашлось ли бы издателя?! Буду вообще рад весточкам от Вас. Здесь, в Париже, мы не видим ничего, издаваемого в Тяньцзине, Пекине, Шанхае. А когда-то и я учил «чжунго-хуа» на восточном факультете С[анкт-]П[етер]б[ург]ского университета, готовясь к дипломатической службе на Дальнем Востоке. В 1900 году, вместо осады в посольстве, попал я в Париж и пошел по революционному пути. И лишь позже попал я снова в Сибирь и на Восток, в 1910 году. Увы! Где теперь императорский Пекин? Где наша Маньчжурия? Где Восточная Китайская железная дорога? Боюсь добавить: где «Влади-во»?¹ Шибко нам тут не нравятся господа жи-бэнь, или ниппон'ы. Да сохранит Вас ихний Китайский Аллах (или как там его) на всех путях Ваших, да никогда не проткнете ногу свою об японский камень. Всего лучшего. С.С.»

26 октября. Вчера у жены побывали M[ada]mc В.М.Перцель и г[осподи]н Топер как представители еврейского клуба «Кунст» и просили разрешения жены поставить в клубе ее оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзинс», написанную в подражание известной пьеске «Иванов Павел». Кажется, это было уже шесть лет тому назад. Мы с женой вспомнили как-то «Иванова Павла», и я подал мысль переделать его на тяньцзиньский лад². Жена быстро написала стихи. Пьеса была готова. Начало ее таково.

Действие 1-ое.

Иванов Павел, русский беженец, и его мать.

Мать:

Павел, Павел, постарайся,
Даром время не теряй:
По-английски занимайся
И Нурока изучай.

Павел:

Ох, как скучно за английским
Дни и ночи мне сидеть!
Он вконец меня измучил, —
Этак можно похудеть.
Хорошо, тебе не надо
Свой язык теперь ломать.
Ты попробуй по-английски
Буквы «ти» и «эйч» сказать!

Мать:

Много надобно терпенья,
Чтоб английский изучить,
Но зато в вознагражденье
Службу сможешь получить...
Третий год ты без работы,
Чем же дальше будем жить?
Я полна о том заботы,
Как же мне и не тужить!
Павел, Павел, постарайся.
Денег нет совсем у нас,
Я мешать тебе не буду

¹ Вероятно, имеется в виду г. Владивосток.

² Согласно рукописи воспоминаний И.И.Серебrenникова это был А.А.Семенов, см. предисл. и НИЛА, Serebrennikov I.I., box 10. Л. 21.

И уйду к себе сейчас.

(Уходит.)

Павел:

Нурока не знаю,
И Берлица забыл,
Скотта же и Брея
Вовсе не учил.
Погиб я, мальчишка,
Погиб навсегда,
А годы за годами
Проходят года.
В офис иностранный
Этак не попасть,
А без службы можно
Вовсе здесь пропасть!
Погиб я, мальчишка,
и т.д.
Лопотать с французом
Совсем я не гожусь,
С языком немецким
Полный уж конфуз!
Погиб я, мальчишка,
и т.д.
Не продать ли с горя
Мне свой нессссер
И поехать вскоре
Прямо в Эсэсэр?...
Погиб я, мальчишка,
и т.д.

(В отчаянии)

Ах вы, книги, мои книги,
Вывозите вы меня!
Александрова словарик,
Ты надежда вся моя!
Ах, Васильев, Голованский,
Академья языков!
От премудрости английской
Просто плакать я готов!

(Занавес.)

Вся пьеска — в трех действиях. Жена дала просителям согласие на постановку пьесы. Кажется, ее собираются поставить в субботу, 5 ноября.

27 октября. Закончил сегодня свою работу «Албазин и Албазинцы». Нужно будет где-нибудь пристраивать ее в печать. Получил, наконец, письмо от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Извещает меня, что все мои рукописи для «Паруса» и Сибирской юбилейной газеты ими получены.

28 октября. Сезон хризантем. Эти нарядные цветы можно видеть повсюду: в цветочных магазинах, в парках, на крыльцах у подъездов домов, в окнах. Когда сезон хризантем окончится, будет зима. Говоря о хризантеме, невольно вспомнил о Японии, герб которой украшает этот царственный цветок. Сегодняшние телеграммы принесли плохие вести о Японии: в ней созревает какое-то народное брожение. Мобилизованы полицейские силы.

29 октября. Дни стоят тихие, солнечные, теплые. Сегодня особенно ярко светило солнце. И в то же время я удивительно плохо чувствовал себя именно сегодня. Получается какая-то аномалия: в отличные дни

плохо чувствуешь себя, особенно тогда, когда погода должна перемениться. Не знаю, почему это происходит. Может быть, накануне смены хорошей погоды на плохую значительно усиливается атмосферное давление, которое тягостно отражается на состоянии всей нервной системы; может быть, на человека влияет здесь тяжело проявление земного магнетизма, собирающегося в какой-то обособленный центр в районе Тяньцзиня; может быть, просто приблизилась старость, чуткая к перемене погод. Такое состояние, когда лучше начинаешь себя чувствовать после того, как пошел дождь или снег, подул ветер, или тепло сменилось резким холодом, едва ли можно признать нормальным. Оно сильно мрачит бытие, и без того малорадостное.

30 октября. Воскресенье. Утром побывали с женой в Японском парке. Смотрели выставку хризантем: вернее, остатки от недавно бывшей здесь выставки. Были поражены разнообразием цветка хризантемы: разнообразием его формы, цвета и т.д.

Вечером мы были на первой репетиции пьески «Иванов Павел в Тяньцзине» в клубе «Кунст». Как будто пьеса сойдет хорошо. Кажется, жена получит небольшое авторское вознаграждение.

31 октября. Узнал, что прах покойного о[тца] Диодора Колпинского перевезен с Католического кладбища за городом на новое Английское кладбище в черте города на Британской концессии. На новой могиле поставлен крест. Все это сделано усердием Бофищева, друга покойного.

В журнале «Парус» (№ 6—7) напечатаны рассказ Колпинского «Из моего дневника» и два его стихотворения. Одно из стихотворений называется «Юрьев монастырь». Списываю его в свой дневник на память. «Юрьев монастырь (Детское, весеннее, незабвенное).

...Я верую во Христа и
Его исповедую, и через большое горнило
Сомнений моя осанна прошла».
(Достоевский. Дневник).

Осталось в памяти, как нежный старый сон:

Стрекозы в воздухе хрустальном и медовом,
Ограда белая, и монастырский звон,
И ласковый монах с благословенья словом...
И Ильмень вдалеке печалью осенен,
Ромашка под стеной, а под небес покровом
Осьмиконечный крест к лазури устремлен,
И стройный ряд берез в наряде Божьем новом.
Ушел мой детский сон, но разве позабыть
Улыбку тихую и ласку Бога можно?
Ведь правда только здесь, а остальное — ложно!
О, нет, не говори: кошмару вечно быть;
Улыбкой Божьей пречудно осиянна,
Душа найдет свой свет, и
Зазвенит осанна.

Другое стихотворение — без заглавия, написано под эпиграфом:

«Живу не к тому аз, но
Живет во мне Христос».

Первые строки его таковы:

Высоко, на мансарде печально живу.
Под мною, из чуждого серого города
Точно мертвые пальцы с угрозой растут,
Да над портом, из пыли, сереет тень ворота.

Это стихотворение, несомненно, написано поэтом в Тяньцзине. В мансарде его мне не раз приходилось бывать.

1 ноября. Кажется, магазин «Знание» согласился выпустить в свет отдельным изданием мою небольшую брошюру «Покорение Сибири» — памятку к 350-летию юбилею завоевания Сибири. Рукопись «О шаманизме в Китае» отослал сегодня в Шанхай для «Паруса». Возникает у меня намерение написать популярный курс истории Китая: такового на книжном рынке не имеется. Конечно, его придется составлять по английским источникам.

Утром я побывал на выставке акварелей художника Брянцева. Сюжеты акварелей почти исключительно пекинские. Многие картины мне очень понравились. Думаю, что напрасно другие местные художники ранее как-то всегда пренебрежительно отзывались о Брянцеве.

Газеты приносят невеселые вести. Далеко отсюда, на юге Китая, недалеко от г[орода] Сватоу в феврале месяце этого года коммунистические бандиты-китайцы увели с маяка двух человек: англичанина Эдвардса и русского А.Н.Андреянова. Теперь получены сведения, что в апреле оба эти пленника были расстреляны бандитами. Какой-то Юань-Чэк, председатель какого-то Коммунистического военного совета, приказал произвести этот расстрел. Во славу учения Карла Маркса и Ленина принесены коммунистическому Молоху еще две жертвы. Я не знаю точно, кто такой был А.Н.Андреянов. Но уверен: это был честный русский беженец, м[ожет] б[ыть] белый офицер или солдат, бежавший от палачей Красной России, чтобы найти себе кусок хлеба где-то на берегу моря, службой на маяке... и погибнуть затем от палачей Красного Китая. Проклятие лихолетью...

2 ноября. Сегодня газеты сообщают, что сведения о расстреле Эдвардса и Андреянова нуждаются еще в проверке. Дай Бог, чтобы они были целы и дальше оставались невредимы.

Узнал, что местный Казачий союз отказался от устройства Сибирской вечеринки ко дню 350-летнего юбилея завоевания Сибири: занят разрешением каких-то внутренних раздоров и споров. Значит, вечеринки вообще не будет. Лично я сам не в состоянии организовать теперь какое-либо юбилейное торжество: и поздно, и сильно занят своими уроками и работами, и нет для этого нужной энергии. Посмотрим, что сделают в этом отношении города Харбин и Шанхай, а затем Прага, Париж и, может быть, Сан-Франциско.

3 ноября. Вышел № 34 «Вестника Русской национальной общины в Тяньцзине»¹. Эта газета когда-то была основана мною, и я был первым ее редактором. Я старался сделать ее чисто эмигрантским органом, освещающим нужды, дела и успехи русской эмиграции за границей. К сожалению, мое начинание встретило большую оппозицию: стали говорить — зачем общине тратить деньги на газету. Это роскошь; лучше накормить на эти деньги лишних бедняков и т.д. При мне газета выходила раз в неделю, теперь она появляется раз—два в

¹ 13 августа 1928 г. Русская национальная община стала издавать еженедельный «Вестник». Редактором первых 27 номеров был И.И.Серебренников. Затем газета стала выходить два раза в год.

год. Все же появляется, значит, существует. Обычно она появляется перед советским праздником 7 ноября. Теперь она вышла к 15-летнему юбилею советчины.

4 ноября. «Наша Заря» сообщает, что в Хайларе русскими большевиками расстрелян священник Боголюбов. По сведениям газеты, это был скромный служитель алтаря и ни в каких политических организациях участия не принимал. Бывший воспитанник Уфимской духовной семинарии, Боголюбов в сан священника был посвящен в Маньчжурии ныне покойным епископом Ионой. К чему эта лишняя жертва звериной красной жестокости? Что же, без священника Боголюбова СССР будет крепче стоять на свете? Или садистам всегда нужны жертвы? Бог ведаст, что творится сейчас в отторгнутой от Маньчжугу Барге.

Скверно и в Харбине. Здесь, в этом городе, разбой и похищения людей стали бытовым явлением. Вчера местная английская газета сообщила, что на днях у двух похищенных в Харбине русских мальчиков бандиты отрезали уши, чтобы ускорить получение выкупа. Поистине, нет конца русскому горю. И чем, и как помочь? Поневоле сознание личного бессилия ведет к пессимизму.

5 ноября. Проскочило письмо из Праги, от Р[усского] З[арубежного] И[сторического] архива, от 21 сентября — было в пути около полутора месяца.

Пурин из Шанхая пишет, что сибиряки там разворачиваются: готовят к выпуску журнал. Я мало теперь верю оптимизму Пурина. Отказались от выпуска однодневной газеты, решили издать журнал. Как бы не остаться без того и другого.

Несмотря на мою просьбу, переданную в Шанхай через Васильева-Дубровского, газета «Слово» мне не высылается. Верно, обиделись, что я ничего им не пишу. А как писать? Обещали платить мне всего один цент за строчку: при таком гонораре большой охоты писать не является.

На днях отправился на свою новую службу в Харбин Р.В.Смит*. Он принял предложение от Hoover War Library быть корреспондентом этого учреждения с проживанием в Харбине. Его обязанность — посылать в Америку еженедельную информацию о дальневосточных делах. Смит — англичанин, но совершенно обрусевший. Незадолго до революции он окончил Московский университет по историко-филологическому факультету. Некоторое время жил затем в Лондоне, состоя здесь преподавателем русской литературы в одном из учебных заведений столицы Англии. Кажется, его место занимает теперь неизвестный в эмиграции князь Святополк-Мирский*. Из Лондона он попал в Китай, где занялся коммерцией, имея пушную контору, вел большие операции. Но в один прекрасный день, года два тому назад, обанкротился, задолжав местным банкам свыше миллиона долларов. Теперь он как будто снова вернулся к интеллигентному труду. Жена Смита — иркутянка, урожденная Стронская. Она и ее сестра когда-то слыли первыми красавицами Иркутска.

6 ноября. Вчера мы были в клубе «Кунст», где слушали составленную женой оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзине». Оперетка сошла

дружно. Превосходен был сам Иванов Павел, которого играл теперь способный артист-любитель. Недурна была Фортуна (m-lle Иоффе), Мать (m-me Перцель) и иностранцы: англичанин (Дыхнэ), француз (Одер) и немец (Топер-младший). Плох был китаец (Абрамов). Пожалуй, евреи сыграли пьесу в общем много живее и лучше, чем это сделали здесь русские любители-артисты, когда два или три года назад «Иванов Павел в Тяньцзине» был впервые поставлен на сцене Русского клуба¹. Были аплодисменты...

7 ноября. Годовщина Советской власти в том феномене, что зовется теперь СССР. Этому родившемуся в грязи и крови феномену исполнилось пятнадцать лет. На улице, где мы живем, выкинуты сегодня русские старые национальные флаги, перевязанные траурными черными лентами. Я насчитал на нашей улице восемь таких флагов да столько же на соседней Cousins Road.

8 ноября. Сегодня тоже годовщины. Годовщина взятия Сибири Ермаком (351 год тому назад). Почти ровно 350 лет тому назад сподвижник Ермака, Иван Кольцо, явился в Москву и доставил царю Ивану Грозному сообщение о покорении Сибири.

Годовщина японского выступления в Тяньцзине. Японцы считают ее годовщиной выступления китайцев против них здесь.

Почти ровно год тому назад я начал вести в Китае свой дневник. С завтрашнего дня начнется второй год моего дневника.

Вечером у меня побывал с визитом Н.И. Попцов, бывший служащий моей библиотеки в Тяньцзине. Сейчас он – служащий американской автомобильной фирмы Dodge, в Ханькоу. Живет постоянно в Сиане, столице провинции Шэньси. Часто бывает в Гинсу, городе Ланьчжоу и других местах, теперь весьма опасных для путешествия. Получает жалованья 150 долларов в месяц. Это, конечно, уже показывает на эксплуатацию. Почему не поэксплуатировать русского, раз он попал в тяжелое положение?

9 ноября. А.Г. Грызов в Харбине в письме от 28 октября сообщает мне, что издание сибирского «Юбилейного сборника» задержится «до сбора материалов и до финансового или кредитного благополучия». 8 ноября в Харбине, по письму, должно было состояться, после молебна, торжественное заседание с докладами и речами, затем концертная программа на сибирские темы. На 12 ноября намечено устройство Сибирского вечера. К письму приложено «Приветствие сибирякам в Тяньцзине». Это приветствие придется поместить в «Нашей Заре». В издании книжного магазина «Знание» вышла сегодня из печати моя брошюра «Текущей китайский фольклор и китайские суеверия». Брошюра издана чисто, опрятно, почти без опечаток. Рукопись свою «Покорение Сибири» я взял обратно и хочу отослать ее в шанхайскую газету «Слово».

Сегодня же закончил составлением небольшую заметку этнографического содержания на тему «Похоронные деньги Китая». Эта заметка написана мною на английском языке, так как я собираюсь послать ее в шанхайский «The China Journal». К рукописи будет приложено семь фотографических иллюстраций.

¹ См. биографический очерк А.Н. и И.И. Серебренниковых.

10 ноября. В магазинах «Знание» купил три английские книги. Это

«In the Clutches of Death»;

«In the Wilds of Siberia»;

«In the Whirl of Live. Nightmare in Realty»¹.

Автором этих книг является captain N.A. Diakoff — капитан Н.А. Дьяков*. Изданы они в Бангкоке, столице Сиама в 1930—1931 годах. Думаю отправить их в Военную Библиотеку Хувера, в Америку. Меня поразило место издания книг. В самом деле, не думаю, чтобы кто-нибудь ухитрился издать еще раз на английском языке книгу о Сибири в Индокитае. Сегодня я слегка пересмотрел купленные мною книги. Удостоверился, что автором их является одно лицо из семьи, не так давно бывшей достаточно известной в Харбине. Брат автора [Дьяков Д.А.*] несколько лет тому назад занимал должность заведующего учебным отделом Китайской Восточной ж[елезной] дороги, уехал затем из Китая в Канаду, а отсюда, сманенный большевиками, — в Советскую Россию, где и был расстрелян. Другой брат автора, И.А. Дьяков, не так давно был в Тяньцзине. Известен как «ученый» путешественник по р. Янцзы, человек, по моим впечатлениям, крайне несимпатичный, с склонностью к хлестаковщине, правда, не явной и довольно тонко завуалированной. Про самого автора ничего не могу сказать, так как нигде с ним не встречался. Может быть, он человек и весьма добропорядочный, и заслуживающий всякого доверия. Во всяком случае, из его книг видно, что он служил офицером в белых войсках адмирала Колчака.

Во время прогулки по городу встретился сегодня с Шишкиным. Он сообщил мне, что виделся с Шароглазовым*, бывшим служащим Русско-Азиатского банка в Тяньцзине, который подтвердил, что знамя Ермака действительно было сдано на хранение в этот банк.

11 ноября. Armistice Day. Город имеет праздничный вид. Реют флаги. Церемония возложения венков на кенотаф² Британской концессии прошла, как обычно, блестяще и торжественно. В школах занятий не было. Венок от русских комбатантов был возложен полк. Веденяпиным (последним командиром Пресображенского полка) и моряком Муравьевым. Оба — видные деятели местного Воинского союза. Муравьев служит в одной из крупных иностранных фирм города и получает большое жалованье. Под сурдинку распускаются разные слухи относительно его прошлого: говорят, что в свое время он был адъютантом Керенского. В настоящее время будто бы пребывает в масонах.

Несмотря на праздник, я провел день в работе. Отвел пять часов подряд на уроках математики со своими учениками и ученицами. И был на текущем уроке-разговоре у Чжан Гочена. Занятия с последним приносят немало пользы и для меня в смысле ознакомления с бытом Китая и

¹ Diakoff N.A. In the wilds of Siberia / N.A. Diakoff. Bangkok: Printed at Cheang Heng Long Press, 1931.

² Кенотаф (от греч. kenotaphion, букв. — пустая могила) могила, не содержащая погребения.

с характеристиками его выдающихся людей, выдвинутых революцией. Чжан Гочен охотно отвечает на все вопросы, которые я ему задаю.

12 ноября. Три дня тому назад в Пекине известный китайский ученый, доктор Ху-Ши*, прочел в Международном женском клубе весьма интересную лекцию на тему о конфликте культур в Китае. По мнению лектора, проблема Китая есть проблема конфликта двух культур. Старый строй не сумел разрешить стоявших перед ним затруднений, но и новый порядок еще не вошел в бытие. Китай был вынужден вступить в новый мир, в котором он все еще не чувствует себя комфортабельно, как дома. Его окружает новая цивилизация, которая быстро становится мировой цивилизацией, и все же ему до сих пор не удалось принять эту новую цивилизацию как свою собственную. Китай убежденно заявил миру, что он делает серьезные попытки модернизировать себя, но ему не удается преодолеть весьма многие препятствия на пути к модернизации. Прежде всего Китаю недостает крепкого убеждения в том, что эта новая мировая цивилизация действительно превосходит его собственную старую цивилизацию. Второе, он не успел в свое время воспитать достаточное число руководителей и рабочих сил, чтобы предпринять эту великую задачу национальной модернизации. И, наконец, он в течение долгого времени создал много глубоко вкоренившихся навыков, каковыс всюду делают модернизацию страны поверхностной, а во многих случаях — и почти невозможной.

Неудачи с признанием за новой цивилизацией ее высшей ценности могут быть приписаны не только китайскому консерватизму и недостаточному знакомству с мировыми делами. За последние годы обнаружилось такое замешательство в интеллектуальном мире за границей, что даже сравнительно хорошо осведомленные китайцы начали задумываться над вопросом, представляет ли эта новая цивилизация из себя в действительности ценность длительного свойства. Были сделаны весьма уничтожающие осуждения новой цивилизации: некоторые оплакивали ее большой материализм и недостаток в ней духовных ценностей; другие осуждали ее как всецело империалистическую и капиталистическую. Все эти обвинения исходят от западного мира самого и отвечают апологетическим умам Востока. Как можем мы с полной сердечностью воспринимать цивилизацию, ценность которой находится под таким вопросом? И разве мы не совершаем возможных ошибок, выбрасывая некоторые наши реальные ценности в попытках модернизировать нашу собственную жизнь и наши собственные учреждения? — спрашивает лектор.

Из приведенных тирад видно, как лекция Ху-Ши интересно трактует проблему современного Китая.

13 ноября. Воскресенье. Жена устроила сегодня небольшой прием, организовала чай и затем ужин. За день побывало пятнадцать человек гостей. Завтра опять начнем свою трудовую неделю.

14 ноября. Забыл записать: вчера утром побывал на выставке картин английской художницы А.М.Хочкис (Anna M.Hotchkis)*. Картины и эскизы, числом до 70, произвели отличное впечатление, обнаруживая большое мастерство художницы. Сюжеты — все ки-

тайские: тут и Пекин с его окрестностями, Пэйтиайхо, Шанхайгуань, Ханьчжоу и другие живописные уголки Китая. Большой интерес представляют недавние зарисовки художницы, побывавшей в деревне Юнь-Кан (Yun Kang), расположенной в стороне от Пекин-Суйюаньской ж[елезной] д[ороги], за Калганом. Вблизи этой деревни находится буддийский монастырь, приютившийся около скал и частью в пещерах, выдолбленных в скалах. Этот монастырь, весьма древний, и был предметом внимания художницы, давши для нее 18 сюжетов.

Вместе с Хочкис этот монастырь посетила другая художница, г[оспо]жа Мулликин*. Последняя несколько дней тому назад сделала о своем путешествии в Юнь-Кан доклад в местном Женском клубе. Докладчица, между прочим, сообщила следующее: «Одной из побудительных причин нашего путешествия было желание оживить историю, желание почувствовать тут живой поток, который течет от отдаленного “тогда” к настоящему “теперь”. Мой доклад есть, таким образом, в некоторой своей части страничка из истории Искусства, но он является также современным рассказом из истории древней кочевой страны. Моя спутница и подруга по искусству, госпожа Хочкис, и я спешили повидать пещеры Юнь-Кана, потому что здесь буддийское искусство сделало свой действительный выход на китайскую территорию и здесь можно увидеть вырезанными в скалах раннейшие, бесспорные, датированные и все еще существующие скульптурные памятники религии, которая позднее распространилась по всему Китаю. Эта религия была принесена к Юнь-Кану иностранными миссионерами, татарами То-джа (То-Ja), из района озера Байкал. Эти чужеземцы пришли в Китай как победители, основав здесь в самом конце IV-го столетия после Р[ождества] Х[ристового] (397 г. по Р[ождеству] Х[ристову]) северную династию Вэй со столицей в современном городе Да Тун-фу, в северной части провинции Шэньси. Где именно эти татары были обращены в буддизм, остается неизвестным, но что они горели энтузиазмом неопита, можно усмотреть из тех скульптур, которые они создали...»

В этой тираде из доклада г[оспо]жи Мулликин для меня является большим открытием утверждение, что буддизм (не ламаизм) мог просачиваться в Китай не только с юга, но и с севера. Крайне заинтересовало меня также сообщение о том, что основатели северной династии Вэй в Китае были татары из Прибайкалья. Для надлежащего понимания этого сообщения надо иметь в виду, что в английской литературе о Китае под татарами (Tartars) часто разумеются все те племена не китайского происхождения, которые время от времени делали вторжения в Китай. Это будут, таким образом, и тунгусы, и маньчжуры, и монголы, и тюрко-татары собственно. Возможно, что Прибайкалье и занимали когда-то народы тюрко-татарского происхождения. Это соответствует их сибирским представлениям об истории Прибайкалья. Когда-то народы тюрко-татарского племени занимали сплошным кольцом всю южную полосу Сибири, начиная от Туркестана и кончая, быть может, Забайкальем. Остатки этих народов, в лице так называемых алтайских калмыков, затем минусинских и агинских та-

тар, иркутских карагазов¹ и по сию пору занимают южную гористую часть Центральной Сибири. К этой же группе народов надо отнести урянхов в Северной Монголии и якутов на севере Сибири. Эти тюрко-татары выкочевывали порой и в пределы Европы, таковы, например, были известные в истории древней России печенеги и половцы. Интересно, что татары, покорившие Северный Китай в VI столетии по Р[ождеству] Х[ристову] и основавшие здесь династии Вэй, названы То-Джа. Насколько я припоминаю, среди народов Урянхайского края сохраняется до сих пор малоисследованное племя тюрко-татарского происхождения тоджинцы, ближайшие родичи сибирских карагезов. Одно остается, однако, непонятным. Если татары То-джа были уже в IV веке буддистами и пришли в Северный Китай из Прибайкалья, почему же ни в Прибайкалье, ни в Монголии они не оставили о себе памятников буддийской культуры?

Интересно далее еще одно обстоятельство. В буддийских скульптурах пещер Юань-Кана художницы Хочкинс и Мулликин открыли несомненные следы греческого влияния. Это открытие имеет свою параллель с открытием известного русского путешественника П.К.Козлова, раскопавшего несколько лет тому назад ряд курганов во Внешней Монголии (если не забыл, это были так называемые Нойон-Ульские курганы) и нашедшего в них много ценных и интересных предметов, в том числе два или три ковра, рисунки которых носили на себе влияние греческого искусства. Кажется, придется прийти к тому несомненному заключению, что взаимное влияние культур в стародавние времена было гораздо более сильным и, если можно так выразиться, значительно больше проницаемым, чем обычно мы привыкли это представлять себе.

15 ноября. Сегодня утром, прочитывая за чаем «North China Star», был потрясен следующим кратким сообщением, переданным агентством Рейтара: «Ньюхэвэн, Коннектикут, 13 ноября. Господин Чарльз П.Хауланд, 63-х лет, выдающийся адвокат, был сшиблен автомобилем и убит. Он работал над планом дипломатического разрешения конфликта между Китаем и Японией». К этому сообщению было прибавлено небольшое примечание, очевидно, редакторское: «Г[осподи]н Хауланд был директором исследовательской части Американского совета по иностранным отношениям и проявлял большой интерес к дальневосточным проблемам. Он участвовал в недавних конференциях Института тихоокеанских сношений, много писал и выступал с речами по тихоокеанским вопросам».

Сомнений не было, убит тот самый Charles P.Howland, в распоряжение которого я еще совсем недавно отправил, по его заказу, семнадцать рукописей. Отзыва на последние я еще не получил пока. Теперь не знаю, получу ли я его вообще. Такова судьба человеческая: еще одна жертва автомобильного сумасшествия Америки!

В газетной заметке С.Р.Howland назван адвокатом. Она не упоминает о покойном как профессоре. Между тем проф[ессор] Ремер

¹ Карагасы – название в дореволюционной России тюрко-язычной народности – тофаларов.

в письме ко мне от 31 марта с.г. называет его профессором Эльского университета (Yale University). В последнем письме ко мне от 20 сентября Хауланд писал о высылке ему книг для его ученого семинария по Китаю, Монголии и Дальнему Востоке вообще. Скорее всего, значит, покойный был не только адвокатом, но и профессором.

16 ноября. Приезжие из Харбина рассказывают, что положение в городе скверное: после 8 часов вечера люди предпочитают сидеть дома.

[Замазаны две с половиной строки. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

Группа русских в Харбине обращалась будто бы к японцам с просьбой выдать им оружие, чтобы ликвидировать одну расположившуюся вблизи города хунхузскую шайку, но японцы отказали в этой просьбе.

17 ноября. Тяньцзинь обогатился еще одним общественным предприятием: общедоступной и дешевой столовой¹. Во главе общества этой столовой стал один грек, некто Спиридис. Членами общества состоят русские и евреи. Следовательно, это смешанное предприятие. В настоящее время бывшие русско-поданные располагают в Тяньцзинь следующими учреждениями и предприятиями. Русские предприятия и учреждения — это Православное братство, содержит две церкви, кладбище школу, госпиталь и Дом Милосердия; Русское собрание; Русская община, содержащая общежитие для бедных; Военский Союз; гимнастическое о[бщест]во «Сокол»; Союз Молодежи, скауты и ряд спортивных организаций.

Смешанные учреждения: это приют «Ясли» для детей²; кружок «Театр и музыка» и общедоступная столовая. Сюда же можно будет отнести Китайское миссионерское православное братство с церковью при нем и Общество изоляционного госпиталя.

Еврейские учреждения: это община³, при ней школа, благотворительная комиссия; затем клуб «Кунст» и скаутская организация «Брит-Трумпельдор»¹.

Татары имеют только свою общинную организацию². В общем, если все это сложить вместе, то, пожалуй, сможет получиться некоторое муниципальное хозяйство с возможным доходным бюджетом в 80 000 долларов в год.

18 ноября. Встретил на улице редактора «Нашей Зари» И.Л.Миллера. Он предложил мне послать для Р[усского] З[арубежного]

¹ Затем столовую передали Дальневосточному Российскому дому, финансировалась Антикоммунистическим комитетом в Тяньцзине.

Приют «Ясли» основан в Тяньцзине в 1928 г.

³ Тяньцзиньская еврейская община (ТЕО) основана в 1911 г. В 1925 г. основала Благотворительное общество (председатель И.Флигель), объединявшее 150 человек. В основном оказывало помощь детям. В 1925 г. открыла собственную школу. Крупное преобразование произошло на общем собрании 30 июля 1933 г., когда утвердили устав общины, затем зарегистрированный в Британском муниципалитете. Исполнительным органом являлось правление из 11 человек и 5 кандидатов, которые избирались на 2 года. Из своей среды они выбирали председателя, 2 товарищей председателя и секретаря. Члены общины (около 600 человек) распределялись по подотделам: финансово-хозяйственный, религиозный, хевро-кадишо (погребальное братство), культурно-просветительский, благотворительный и социальной помощи. Председатель

И [исторического] архива его новую книгу «The Chinese Girl» и спросил меня:

– Подойдет ли для архива?

Я ответил:

– Конечно. Ведь как-никак Ваша книга – продукт творчества русской эмиграции за границей. А архив интересуется всем, что исходит от эмиграции.

– Тогда я пошлю вам книгу.

– Хорошо.

Я спросил Миллера, прочел ли он мою новую брошюру о текущем китайском фольклоре, каковую я вручил ему для отзыва.

– Нет еще. Все, знаете, некогда. Не беспокойтесь, прочту и сам напишу отзыв.

Между прочим, газеты Лембича, все эти «Зари», безудержно расхваливают книгу Миллера: свои хвалят своего. Во вчерашнем номере, однако, газеты «Peking and Tientsin Times» я прочел крайне сдержанный отзыв об этой книге. Газета негодует, что Миллер под общим заголовком «Китайская девушка» пишет лишь о китайских девушках определенной профессии. Это, мол, может создать за границей ошибочное представление о китайских девушках вообще. И это правда.

19 ноября. В магазине «Знание» купил шанхайскую газету «Слово» от 15 ноября. В ней оказалась напечатанной моя статья «Покорение Сибири». Надеюсь теперь, что газета будет высылаться мне.

В Шанхае идут все какие-то распри на почве пресловутого «эмигрантского объединения». По-видимому, конца этим распрям не предвидится. На моторном катере «Сектор» в Шанхай прибыла из Владивостока группа беженцев из 7 человек, проблуждавших по окану 17 дней.

20 ноября. Утром побывал в Английской школе на ученической выставке, так называемой Hobby Exhibition. На выставке участвуют ученики разных школ, в том числе китайцы и японцы. Экспонаты – коллекции разного рода: марочные, денежные и другие, рисунки, модели аппаратов: аэропланов и радиоигрушки. В денежных коллекциях немало разных русских монет; в том числе и сибирских, колыванской чеканки.

После выставки я и мой спутник, И. Н. Головкин-Улазовский, совершили прогулку и побывали на новом Английском кладбище по Race Course Road. Кладбище кажется переполненным: немало в нем и но-

И.Ю.Левитин. В 1937 г. община открыла собственную больницу (председатель комитета Б.Фридман). По представлению Антикоминтерна общество было преобразовано в январе 1938 г. в Бюро по делам российских эмигрантов-евреев. В это время в нем было зарегистрировано около 800 евреев. Председатели П.Л.Топер, Д.Е.Хабинский. Видный деятель – раввин Ш.Левин. 27 сентября 1957 г. община закрылась. Архив ТЕО вывезен в Израиль, хранится в Центральном архиве еврейского народа в Иерусалиме, часть материалов – в городском архиве.

¹ В 1930 г. создано Т. отделение Всемирной организации Еврейской сионистской молодежи имени Иосифа Трумпельдора (сокращенно Бетар).

² Тюрко-татарская община основана в Тяньцзине 8 мая 1928 г. Первый председатель А.В.Ибрагимов (до окт. 1937). В 1933 г. община открыла школу и приобрела земельный участок под кладбище.

вых русских могил. Отыскали мы могилу отца Диодора Колпинского и сделали с нее фотографический снимок. Осмотрели расположенное рядом индусское кладбище, унылое и печальное.

21 ноября. Начал получать газету «Слово». Я рад этому обстоятельству: все же буду в курсе новостей русской жизни в Шанхае.

Погода стоит неизменно теплая. Самочувствие мое все время неважное. Кажется, для ремонта придется поехать мне в Пекин.

Видел ночью сон: будто бы я нахожусь в каком-то советском городе; может быть, в том же Иркутске. Хожу по улицам, осторожно приглядываюсь к городской жизни, всматриваюсь в лица. Сначала делаю все это бодро, с интересом, но потом меня начинает одолевать страх, постепенно все усиливающийся. Меня нагоняет какой-то человек, со зверской рожей, заглядывает мне в глаза и спрашивает со злорадной улыбкой:

— Позвольте, гражданин, узнать, как ваша фамилия? Покажите ваши документы.

Я сознаю, что мое инкогнито открыто, и будет плохо. Мгновение соображаю, что делать. Бежать! Но успею ли я это сделать? Смогу ли? И в это время просыпаюсь, соображаю, где я, в Иркутске или в Тяньцзине... Слава Богу, я — в Тяньцзине. Советский город — это был лишь сон.

Я редко вижу «советские» сны, но если вижу их, то они бывают похожи один на другой. В них я всегда раскаиваюсь, зачем я уехал из Тяньцзиня, где жил спокойно, и попал туда, где тебя могут схватить и арестовать. Кончатся они каким-либо кошмаром, от которого просыпаешься и узнаешь потом с радостью, что никуда не уезжал и находишься дома. Удивительно, что и жена видит подобные же сны.

23 ноября. Были с женой в Gordon Hall, смотрели пьесу Ренникова* «Чертова карусель» в исполнении местных артистов: профессионалов и любителей. Пожалуй, эта пьеса — не столько комедия, сколько трагикомедия. Полагаю, в отличном исполнении она может произвести весьма сильное впечатление.

24 ноября. Свел новое знакомство: с П.Ф.Романовым побывал на ужине у К.И.Кулаева*, сына известного на Д[альнем] Востоке миллионера И.В.Кулаева. После ужина у Кулаева успел еще побывать на именинах у Я.П.Ерина.

В 12 часов ночи, однако, вернулся уже домой в полном благополучии. Кажется, я начал вести рассеянный образ жизни.

25 ноября. Пришло письмо от С.Р.Howland, теперь уже как будто бы с того света. Письмо датировано 27 октября, т.е. было написано за семнадцать дней до смерти отправителя. Профессор пишет, что он получил все посланные мною ему рукописи и книги и что в окончательный расчет со мною он посылает мне через Chase Bank триста долларов. В заключение сообщает следующее: «Да будет мне позволено оценить по достоинству Ваше сотрудничество со мной. Я удовлетворен Вашими материалами, которые столько же интересны, сколько и полезны. Я надеюсь, что мы сможем снова сотрудничать вместе». Последние слова звучат для меня, в свете всего случившегося, горестно. Что сделаешь? Против судьбы, как говорится, не попрешь.

В сегодняшнем номере «Нашей Зари» помещен благоприятный отзыв о моей новой брошюре «Китайский текущий фольклор». Повидимому, отзыв написан И.Л.Миллером.

«The China Journal» из Шанхая сообщает мне, что выслал в мое распоряжение отдельные оттиски моей крохотной заметки «Strange figures of Chinese Handicraft». Признаться сказать, я был удивлен такой щепетильностью журнала: заметка не стоила того, чтобы делать из нее отдельные оттиски. Вчера я в этот журнал отправил новую мою небольшую статейку о похоронных деньгах Китая, с 11-ю фотографиями.

Кстати сказать, поведение сибиряков в Шанхае становится для меня подозрительным. Я начинаю думать, что они тоже, как казаки в Тяньцзине, поговорить поговорили, а организовать Сибирского юбилейного торжества не смогли или не сумели и не издали не только юбилейного сборника или журнала, но даже и простой однодневной газеты. Зачем я тогда старался? И отправил в Шанхай серию заметок на сибирские темы? А.А.Пурин сообщил мне, что он избран председателем Общества сибиряков в Шанхае и что он надеется выпускать с нового года Сибирскую газету в этом китайском Вавилоне. Все его надежды бывают, однако, обычно ни на чем не основаны. Будет чудо, если эта газета действительно будет выходить.

Занятия мои с Чжан Гоченом продолжаются регулярно. На днях он переехал на новую квартиру, на Британской концессии, и поселился в доме бывшего президента Китайской республики генерала Ли Юань-Хуна, ныне уже покойного. Беседы с Чжан Гоченом дают мне порой много интересного материала. Как-то, не так давно, мы с ним разговорились о китайских генералах, сыгравших видную роль в китайской революции. Он сообщил мне, между прочим, что знаменитый «христианский генерал» Китая, маршал Фынь-Ю-Сян [Фэн Юйсян]*, вышел из народных низов, и что еще не так давно, когда он играл крупную роль в судьбах Китая, он был совершенно неграмотен, едва умея подписать свое собственное имя. За последние годы он подучился многому и держит около себя несколько учителей.

Совсем недавно маршал приехал из Цинани через Тяньцзинь в Калган, имея при себе охрану из тысячи солдат. Ехал он в отдельном поезде, предоставленном ему местными властями. Странная картина: генерал, год тому назад поднявший вооруженную борьбу против центрального правительства, борьбу, окончившуюся для него неудачей, не рассматривается как мятежник и разъезжает по стране со своей охраной, требуя для себя отдельные поезда. Кажется, это может происходить только в Китае.

Маршал Фэн Юйсян – фигура столько же значительная, сколько загадочная. Никто никогда не знает, как он поступит завтра. Его решительность помогла ему свершить много важных актов в истории современного Китая. Будучи еще полковым командиром в одном из городов на севере Китая, он подтолкнул падение Маньчжурской династии. Говорят, что он же содействовал падению Юань-Шикая, президента, а потом и диктатора молодой республики. Он же затем погубил военную и политическую карьеру маршала У Пэйфу, собирав-

шегоса стать вторым диктатором Китая, изгнал из Пекина бывшего императора Китая Пу-И, ставшего теперь Верховным правителем Маньчжуго. Далее он же свалил с президентского кресла Китая генерала Цао-Куня и Ли Юань-Хуна. Мерялся он в свое время силами с Чжан Цзолином и Чан Кайши, но тут его ожидали неудачи. Теперь этот маршал без армии, но еще никто не решается сказать, что его политическая карьера окончена совершенно.

26 ноября. Шанхайская газета «Слово» сообщает, что Япония собирается выдать советским властям русских, недавно убежавших из Приморья на рыболовных кунгасах в Японию. Будто бы беглецы уже передаются в распоряжение советского консула в Хакодате. Известие потрясающего характера. Как-то все еще не верится, чтобы японцы в своей политической игре с большевиками могли опуститься до этого.

[Замазаны три строки. — *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

27 ноября. Воскресенье. Соблазнился сегодня посмотреть в Gordon Hall советскую пьесу «Шулер» некоего автора Шкваркина*. Артисты играли отлично, особенно Томский и Дьяков. Но сама пьеса — какое-то недоразумение: в ней нет ни идеи, ни сюжета, ни быта. Какая-то сплошная чепуха. Единственное, что заслуживает в ней внимания, это, пожалуй, смешные диалоги, пение, музыка и пляски. Спектакль был дневной. Народу было немного: может быть, около сотни человек.

28 ноября. Получил перевод от С.Р. Howland в сумме 300 золотых долларов. В переводе на местные деньги это дало мне 1440 долларов. Мои расчеты с покойным профессором теперь закончены, как и его с жизнью.

29 ноября. Виделся с Р.В. Смитом, приехавшим сюда на побывку из Харбина. Он рассказал много интересного о теперешней харбинской жизни. В конце нашей беседы получился некоторый реприманд. Мой собеседник, узнав о получении мной гонорара из Америки, попросил меня одолжить ему на некоторое время тысячу долларов. Я, зная, как он тяжело опутан долгами, в просьбе отказал, не надеясь на то, что получу деньги обратно. Было время, и еще не так давно, когда Смит и его жена проживали тысячи долларов в месяц. Пришел, однако, крах, и вот теперь он бегаёт по городу и ищет, у кого бы призанять тысячку долларов. Вспоминаю, года четыре назад я как-то пришел к Смицу в его контору и обратился к нему с такой просьбой:

— Роберт Васильевич, Вы англичанин и к тому же интеллигентный и образованный человек. У меня к Вам просьба. Я написал небольшую статью на английском языке. Прочтите на досуге страницы две—три из моей рукописи и скажите Ваше мнение о том, как эта моя статья выглядит по-английски, удовлетворительно или нет она написана с точки зрения ее стиля.

Смит согласился исполнить эту мою небольшую просьбу и взял рукопись. Рукопись пролежала у него месяца два. Я еле выходил ее обратно. Когда я получил ее от Смита, я имел возможность убедиться, что он в нее и не заглядывал. Так внимательно он отнесся к моей просьбе. Сегодня я как-то невольно вспомнил об этом инциденте.

30 ноября. Японцы собирают решительные силы, чтобы обрушиться на генерала Су Пин Вена, занявшего своими силами Баргу. Су Пин

Вен — это еще молодой человек, родной племянник Чжан Гочена. Интересную историю рассказал мне сегодня последний. Двенадцать лет тому назад Чжан Гочен, тогда еще совсем молодой человек, начавший свою жизненную карьеру, вместе с четырьмя его приятелями, тоже молодыми людьми, среди коих был и Су Пин Вен, отправились как-то к китайскому гадателю, чтобы узнать что-либо о своей грядущей судьбе. Гадатель, осмотревши их руки и физиономии, предсказал всем пятерым клиентам, что не пройдет и двенадцати лет, как все они будут большие люди, в чине не меньше генерал-лейтенанта. Молодые люди посмеялись и ушли от гадателя.

— И что же, — рассказывал мне Чжан Гочен, — это предсказание исполнилось почти в точности. Мои четверо приятелей стали генералами китайской армии. Я, по гражданской службе, тоже достиг чина, не меньшего, чем чин генерал-лейтенанта по военной. И вот вчера, после двенадцати лет, я снова посетил этого старика-гадателя. Он примерно правильно определил мое прошлое. Относительно же будущего гадатель предсказал мне хорошее. Он сказал мне, чтобы я до осени 1933 года жил спокойно и ничего не предпринимал, воздерживаясь от политики, иначе будет худо. С осени же будущего года я пойду в гору и скоро достигну большого положения: буду министром или, быть может, губернатором провинции, а может быть, и еще выше. Но я не верю этому: куда можно еще выше?

Как я мог наблюдать, Чжан Гочен был весьма доволен новым предсказанием. Интересно, что прорицатель изложил свое предвидение письменно. Чжан показал мне лист бумаги китайского образца, довольно большого размера, весь исписанный иероглифами прорицателя.

— Что же вы заплатили гадателю? — спросил я.

— Обыкновенно за предсказание будущего ему платят три рубля. Но я заплатил ему пять рублей.

— Имеет он мистические письмена, так называемые ба-гуа?

— Имеет. Ба-гуа он употребляет, когда гадает по какому-нибудь определенному вопросу. За простое гадание по отдельному вопросу гадатель берет только тридцать центов и в ответ пишет на бумаге только четыре иероглифа, которые клиент и берет с собой для руководства.

Вот она, восточная мудрость, как-то невольно подумал я. Бог даст, доживем до осени будущего года и посмотрим, прав ли был тяньцзиньский гадатель.

1 декабря. Телеграммы принесли сообщение, что в Шанхае скончался от воспаления легких М.С.Лембич, на 41 году жизни. М.С.Лембич — это был король русской эмигрантской прессы на Д[альнем] Востоке, основатель и хозяин газет «Заря» в Харбине, «Шанхайская Заря» в Шанхае и «Наша Заря» — в Тяньцзине¹. Говорят, что ему же негласно принадлежали и некоторые русские газеты в Китае, как, например, «Рупор» в Харбине и журнал «Рубеж» там же, или «Время» в Шанхае. Все эти газеты невысокого калибра, с бульварным оттенком, рассчитанные на вкусы широкой публики, применительно к не очень высокому общему культурному уровню дальневосточной эмиграции. Это — по Сеньке и шапка. Нельзя отрицать, что все эти

газеты Лембича имели и продолжают иметь известный успех и принесли их хозяину приличное состояние и отличную виллу в Циндао. Особой идейности искать в них не надо: ибо таковая всегда заслонялась коммерцией, бывшей неизменно на первом плане. Конечно, все эти «Зари» будут теперь скорбеть о покойном их хозяине как о «великом журналисте русской прессы», все его газетные «молодцы», как, напр[имер], Арнольдов в Шанхае, Миллер — здесь в Тяньцзине, или Кауфман* в Харбине, скажут по этому поводу много красноречивых слов, но мы будем помнить, что Лембич в своем русском прошлом был лишь мелкий репортер известного московского «Русского Слова», и что он был не столько журналист, сколько коммерсант.

Первой газетой Лембича на Д[альнем] Востоке была «Харбинская Заря». Она была основана в 1920 году, как раз в то время, когда я еще жил в Харбине, прибыв сюда из Иркутска. Насколько я знаю, газета «Заря» была основана М.С.Лембичем в компании с И.А.Михайловым, бывшим министром финансов Омского правительства. Про Михайлова тогда говорили в Харбине, что это был единственный омский министр, который сумел эмигрировать с известной толикой денег. Возможно, поэтому при своем основании «Заря» уже располагала некоторыми средствами. Была ли газета безупречна в своей «коммерческой» деятельности, боюсь сказать, ибо у меня есть некоторые подозрения на этот счет. Помню, еще в 1920 году в Харбине как-то зашел ко мне мой друг, Н.Н.Кармазинский, бывший председатель В[осточно-]Сиб[ирского] отдела Р[усского] Географического общества в Иркутске, и рассказал мне следующее. Кармазинский служил у Скидельского, известного харбинского коммерсанта, и занимался также, кажется, в вечернее время в конторе «Зари» у Лембича. Последний, незадолго до визита Кармазинского ко мне, уполномочил его вступить в переговоры со Скидельским* об «одолжении займа» газете «Заря» сорока тысяч иен. Вспоминаю, меня тогда страшно поразила эта большая сумма. Я понимал, что газета могла искать пятьсот иен, ну, скажем, тысячу, но почему Скидельский должен был давать «Заре» займы такую огромную сумму средств и под какое обеспечение, я никак не мог взять в толк этого, тем более что дела Скидельского шли в то время не блестяще. Кармазинский сообщил мне, что он вел, по поручению Лембича, переговоры со Скидельским, но последний решительно отказал в просьбе.

Выслушав всю эту историю, я так и остался при своем недоумении. Поневоле у меня появились некоторые подозрения, когда некоторое время спустя «Заря» начала ожесточенную кампанию против Скидельского, обнаружив прошумевшую тогда «Чжалайнорскую угольную панаму»¹. Конечно, подозрения — это еще не факт, так же, как надо и доказать, что верны были слухи того времени, будто бы Лембич ухитрился все же сорвать за свои разоблачения какую-то

¹ М.С.Лембич: (Некролог) // Шанх. заря. 1932. 30 нояб.: портр.; Похороны М.С.Лембича // Шанх. заря. 1932. 2 дек.: портр.; Миллер И.Л. Памяти М.С.Лембича // Шанх. заря. 1932. 4 дек.

сумму с конкурентов Скидельского. В 1921 году в Харбине упорно разговаривали и о том, что Лембичу удалось получить на свое дело много денег от атамана Семенова во время «сидения» последнего в Порт-Артуре. При условиях такого рода было неудивительно то обстоятельство, что Лембич, едва начав издание своей газеты, мог уже съездить скоро в Шанхай, купить там типографские машины, шрифт и организовать в Харбине свою собственную типографию.

Многое мне хотелось бы рассказать еще о покойном, но надо соблюдать известное правило: *De mortuis aut bene, aut nihil*².

2 декабря. Получил сегодня два письма из Америки. Доктор Фишер сообщает мне, что ему не удалось устроить в Америке мою статью о сибирском областническом движении. Это сообщение не из таких, которые радуют и бодрят. Второе письмо от журнала «Asia» из Нью-Йорка. В нем проявлен интерес к моим фотографическим коллекциям. Это письмо даст мне как будто возможность завязать связи с этим журналом.

Полученные из Шанхая последние номера «Слова» свидетельствуют о том, что сибиряки совершили едва ли не первое свое здесь публичное политическое выступление: опубликовали резолюцию протеста против выдачи японцами беглецов из СССР. Последуют ли за ними другие организации, пока неизвестно.

За последнее время меня стало интересовать еще одно учреждение в Америке: это музей имени Рериха в Нью-Йорке.

3 декабря. Прочел сегодня книгу И.Л.Миллера «The Chinese Girl». Книга эта — собрание легких фельетонов о китайских девушках особого типа, с которыми автору приходилось встречаться в поисках развлечений. В них нет ничего замечательного, тем более сенсационного. Достоинства книги не соответствуют ни той рекламе, которую Миллер пустил в ход в своей газете «Наша Заря», ни той продажной цене, которая назначена за нее (10 долларов). Существенный дефект, что заголовок книги не отвечает его содержанию. За это несоответствие автора безжалостно разделали в местной газете «Peking and Tientsin Times». Китайский критик Jolin Huang сравнил Миллера с бродячим тряпичником, расхаживающим по городским улицам и собирающим старые тряпки и разный мусор. Подобно тряпичнику, Миллер насобирал в свою корзину, называемую «Китайская девушка», много отбросов китайского общества. Однако он оказался более ловок в своем умении использовать собственный мусор.

Злой критик написал далее по этому поводу следующее: «Непохоже, однако, на тряпичника, который достаточно честен, чтобы продавать его тряпки как тряпки, наш русский друг продаст свои тряпки как шелк из Ханьчжоу». Это уже почти обвинение в нечестности. Не менее жестоко критик раздывает Миллера за неудачное название его книги. «Здесь, — говорит он, — нет ничего неправильного — называть лопату лопатой. Однако будет не совсем правильно назвать

¹ Туров Е. Маньчжурия под игом Скидельских // Харбин. время. 1933. 29, 30, 31 янв.: 1 февр.

² О мертвых — или хорошо, или ничего (*лат.*).

лопатой то, что есть не лопата, а серебряная ложка. Не имея никаких симпатий к пролеткульту, г[осподин] Миллер, будучи из числа “белых”, видимо, чувствует себя шокированным пролетарской лопатой. Поэтому он предпочитает назвать ее как-нибудь в более буржуазном духе, скажем, серебряной ложкой. (С другой стороны, автор, как он показал себя в своей книге, кажется, не обладает теми качествами, которые могли бы открыть ему доступ в китайское общество, где в ходу серебряные ложки (Chinese silver spoon society). После всего не удивительно, что он озаглавил свою маленькую книгу “Китайская девушка”, тогда как в действительности она представляет только некоторые воспоминания автора, относящиеся к его личному общению с горсточкой несчастных дегенератов». Далее критик указывает на то, что едва ли похвалили бы его французы, если бы он написал книгу о парижских проститутках и озаглавил ее «Французская девушка». Еще привел он ряд примеров в этом роде и закончил свою злую рецензию следующей тирадой: «Мои десять долларов, мои милые десять долларов! Чего я ждал от вас? С любопытством и острым интересом я ожидал, что вы дадите мне книгу, которая содержит все, что обещает ее заглавие. Я ожидал, что содержание книги будет таково: Глава I. Китайская девушка в истории. Глава II. Воспитание китайской девушки. Глава III. Китайская девушка дома. Глава IV. Китайская девушка в школе. Глава V. Китайская девушка в обществе. Глава VI. Китайская девушка. Западная девушка. Приложение: Китайские девушки-певички (The Chinese Sing Song Girls). Мои десять долларов, мои возлюбленные десять долларов. Так многого я ожидал от вас! Но вы надули меня: вы дали мне только одно приложение!»

4 декабря. Картина «Конгорилла» – путешествие в джунгли Африки – произвела отличное впечатление. В ней обилие зоо- и этнографического элемента. Пришлось, хотя бы и на экране, побывать на свадьбе африканских пигмеев.

Утром я побывал на японской фотографической выставке, днем в кино, вечер провел дома в обществе заглянувших ко мне друзей.

5 декабря. Вчера ночью случился припадок боли в печени. Сегодня сел на диету. Как ни вертись, придется заняться своим лечением.

Пришла сегодня весточка от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Из его письма как будто можно заключить, что моя статья «Сибирское царство» была помещена в «Слове». Получил я при письме «Устав Шанхайского отдела Общества сибиряков в Чехословацкой Республике». Нельзя не признать, что название отдела какое-то нелепое.

6 декабря. Окончательно подтвердились слухи о посвящении архимандрита Виктора в сан епископа. В четверг на этой неделе ново-посвященный епископ проедет через Тяньзинь в Пекин для свидания с архиепископом Симоном. Поскольку стало известно, епископ Виктор будет иметь постоянное местопребывание в Шанхае.

7 декабря. Чжан Гочен готовит к печати работу о Советском Союзе и Китайско-Советских отношениях. Я подбираю для этой его работы кое-какие материалы. Нужно сознаться, разобраться в государственно-административном построении того монстра, что называет-

ся СССР, не так-то легко. По-видимому, книга Чжана будет носить осведомительный характер. Издание ее будет, несомненно, полезно для Китая.

[Замазаны девять строк. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

8 декабря. Вчера я и жена в компании друзей побывали в Gordon Hall на спектакле «Цыганские песни в лицах». Зал был переполнен зрителями или, правильнее сказать, слушателями. Играли артисты-профессионалы и любители. Публика, в том числе и мы с женой, остались довольны спектаклем. Жена вспомнила, как когда-то в этой пьесе она видела известных артистов: певца-баритона Северского и певицу Вяльцеву. Разбережены были старые воспоминания. Вызваны соответственные эмоции.

Газеты сообщили сегодня, что японцы окончательно очистили западную ветвь Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] в районе Барги от китайского войска. Генерал Су Пин Вен бежал на советскую территорию.

А.А.Пурин из Шанхая прислал мне две прокламации, изданные Центральным комитетом Русского Национального Союза на Д[альнем] Востоке, с протестами против выдачи японцами русских беглецов из Советской России. Одна из прокламаций носит заголовок «Они еще под страхом смерти». Эта написана слабо, другая — довольно сильно. Местная общественность пока что никак не реагирует на вероломство японцев.

9 декабря. Председатель Русского клуба А.А.Орлов пригласил меня вчера вечером для «дружеской беседы». Эта беседа происходила в читальной комнате клуба. Присутствовали, кроме меня и Орлова, еще трое: Тарле*, химик, Соколов*, бывший консульский чиновник в Китае, и Перевозчиков*. Беседа за кружкой пива вращалась около самых разнообразных тем: Орлов рассказал кое-что интересное из своих воспоминаний о прежней дипломатической деятельности в Абиссинии, Турции, Персии, Месопотамии и Монголии. Соколов поведал немало интересного «о делах и делишках китайской администрации». Конечно, не избежал обсуждения и текущий политический момент. По вопросу о советско-японских отношениях была передана та точка зрения, которая отражает мнение местных французских кругов. Французы полагают, что японцы вполне договорились с большевиками. Большевики предоставляют японцам полную сферу влияния в Маньчжурии и даже во Внешней Монголии, сами же утверждают свое исключительное влияние в Китайском Туркестане. Наша беседа затянулась до полуночи. Возможно, что я и дальше буду посещать эти заседания кружка дружеских бесед. Кружок собирается раз в неделю.

Сегодня — праздник Св[ятого] Иннокентия, Сибирского чудотворца. Нужно было бы сходить в Иннокентьевскую церковь, да как-то не тянет в нее, после того как ее настоятель, о[тец] Сергей Чан, как-то крайне грубо обошелся с группой прихожан церкви и позволил себе, совершенно без оснований к тому, говорить об этих прихожанах как хунхузах и мошенниках. К стыду нашему, это невозможное поведение пастыря церкви не встретило дружного отпора со стороны русской колонии в целом.

Чжан Гочен сегодня отменил занятия со мною. Я думаю, в его семье должна ощущаться тревога за судьбу генерала Су Пин Вена, его племянника. Сегодняшние телеграммы принесли сообщения, что советские власти выдали мятежного генерала японцам. Не так давно стряслась беда с другим родственником Чжан Гочена, генералом Ван-Ю-Мином, бывшим начальником Бюро общественной безопасности в Тяньцзине. Я говорю – родственником, потому что жены Чжан Гочена и Ван-Ю-Мина родные сестры. Как видно, Ван-Ю-Мин по китайской традиции, заняв видную должность, чересчур уже много нахапал денег. Он пробыл на своей должности менее года и, говорят, составил себе капитал до 600 000 долларов. На него был сделан потерпевшими ряд доносов. В результате последовал арест и увоз в Пекин. В газетах стали писать, что генерала ожидает суровое наказание: его могут даже расстрелять. Я как-то спросил Чжан Гочена:

– Что же, плохо будет?

– Нет, – ответил он, – подержат немного и выпустят.

Теперь уже ходят слухи, что Ван-Ю-Мин уже на свободе: отделался будто бы взяткой в 200 000 долларов.

10 декабря. Сегодня кончается у нас с женой учебная страда: послезавтра начинаются Кембриджские экзаменационные испытания трех степеней. Preliminary (предварительная), junior (младшая) и senior (старшая). Выдержавшие экзамены последней ступени могут быть приняты в некоторые университеты Англии и Америки. Экзаменационные бумаги присылаются из Кембриджа и туда же отсылаются затем экзаменационные работы. В этом году из моих учеников по математике держат Кембриджские экзамены – предварительные: ученик Гринберг и ученица Рубин. Младшие: ученица Полещук. Старшие: Волкова, Чаплыгин, Порецкий и брат и сестра Дмитровские. Из учеников жены по русскому языку держат экзамены четверо: младшие – Беркович и Капцап; старшие – Дмитровские.

Экзаменационные испытания продолжатся всю будущую неделю. Результаты бывают обычно известны в конце марта или начале апреля месяца. Конечно, чтобы вести подготовку к этим экзаменам, мы должны знать английский язык. Преподавание мы ведем все же на русском языке, так как все наши ученики – русские или русские евреи, воспитанники местной английской школы Grammar School. Жена проходит с учениками русскую этимологию и синтаксис, дает им диктанты и сочинения, проверяет их переводы с русского на английский и обратно, пополняет их запас русских слов. Работы бывает довольно много. При приеме женой учеников происходят иногда забавные картинки. Приходит ученик к жене и заявляет, что он желает заниматься по-русски. Жена спрашивает:

– Вы знаете хоть немного грамматику?

– Да, знаю, – бойко отвечает ученик.

– Знаете спряжение глаголов?

– Знаю.

– Ну проспрягайте мне глагол «зевать».

– Я зеваю, ты зевашь, он зевает и т.д., – начинает бойко спрягать ученик.

— Ну, хорошо, — говорит жена — проспрягайте теперь глагол «жевать».

— Я жеваю, ты жевашь, она жевает, — не менше бойко спрягает спрашиваемый.

На экзаменах нередко дают переводы с русского на английский отрывков из произведений наших писателей: Тургенева, Пушкина, Крылова и других. Как-то, помню, в переводе попались слова: «на лежанке, на печи», все ученики, державшие экзамен, растерялись. Ибо никто не знал, что же такое лежанка. И как ее перевести по-английски?

До сегодняшнего дня у нас с женой было 14 учеников и учениц. Теперь останется не более восьми. Нового притока учеников надо будет ждать с весны.

11 декабря. Воскресенье. По-видимому, сообщения о выдаче генерала Су Пин Вена японцам оказались неслверными. Вообще, в виде правила, в наше время нельзя верить первому газетному сообщению: всегда надо ждать подтверждений.

[Замазано четыре с половиной строки. — *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Текущая действительность настолько паршива, что прямо не хочется читать газеты, чтобы не расстраивать себя. Начитасшься утром газет, словно мыла наешься, как выразился один русский зарубежный фельетонист. И это верно. Не так давно Франция заключила с Советами пакт о ненападении. А сегодня в «North China Star» я уже имел возможность прочитать интервью французского премьера Эррио, данное корреспонденту советских «Известий» по поводу заключения этого пакта. Эррио сказал, что он был очень счастлив, когда в 1924 году ему удалось добиться официального признания Францией СССР, и что он еще счастливее теперь, когда подписанием пакта о ненападении ему удалось продвинуть вперед добрые отношения между Францией и Советами. «Десять лет тому назад в Москве, — заявил французский премьер, — я имел случай говорить о той огромной и теплой симпатии, с которой я наблюдал даже тогда гигантское социалистическое строительство, которое планировалось с такой смелостью и храбростью молодой республикой рабочих и крестьян». «Для меня, старого демократа, — продолжал Эррио, — всегда было большим моральным удовлетворением заявить, что я никогда ничего не сделал в ущерб интересам СССР, и что, напротив, мне удалось многое сделать в удовлетворении его задач и намерений. Как сын народа, выйдя из среды рабочих, как мог я не симпатизировать республике рабочих? Как убежденный пацифист как я мог не желать сближения между моей страной и СССР, каковой нуждается в мире ради его экономического строительства?!»

Не стоит цитировать дальше выражение симпатий французского премьера по адресу советской деспотии, так как и сказанного довольно, чтобы убедиться, до каких глубин подлости или пошлости может доходить современный «цивилизованный» человек, хотя бы он и был премьером одной из великих держав мира. Кажется, нет конца человеческой подлости и глупости. Эта глупость царит теперь повсюду,

не исключая и голов государственных мужей. Как пацифист Эррио симпатизирует Советскому Союзу! А разве он не знает, что этот Союз является проначатором [так в тексте. — Прим. А.А.Хисамутдинова] мировой гражданской войны, каковая есть худшая из всех войн, которые когда-либо знало человечество? Если премьер знает все это и льстит Советскому Союзу, значит, он подлый лицемер, если же не знает или, быть может, не желает знать, значит, он глупец, третьего не дано. Горе стране, которой управляют социалистические глупцы! Возмездие за глупость неизменно придет! И чем скорее, тем лучше.

Сегодня холодная погода, хмурая. Дует противный ветер, с песком и пылью. Эта погода соответствует моему мрачному настроению. Не радует и газетное сообщение о берлинском докладе Керенского, который пророчествует, что падение большевизма — это вопрос ближайших месяцев. Изверились, и до предела, во все подобного рода предсказания.

12 декабря. Ездил утром в Бюро общественной безопасности, чтобы поменять свой паспорт. К своему удивлению, в паспортном отделе я застал того же самого чиновника Дена, который был здесь и раньше и которого так не любит вся русская колония Тяньцзиня. Значит, не верно, что все видные чиновники Бюро разбежались или были уволены, после того как начальником Бюро было назначено новое лицо. Ден принял от меня три доллара, фотографии, дал расписку и попросил меня явиться за новым паспортом через неделю.

— Не смогу ли я получить его раньше? — спросил я чиновника по-английски.

— Нет, — сухо ответил он мне.

Придется еще раз поехать за паспортом. В общем, приходится четыре раза в год ездить в Бюро: два раза за регистрацией и два раза за паспортом. Почему надо каждый год регистрироваться и платить за это китайцам тоже три доллара, никто понять не может. Впрочем, все это понимают как побор, своего рода налог на русское беженство.

Новостей особенных за день не было. Только американская газета «North China Star» сообщила, пока не в категорическом виде, о восстании в Урге. Новость эта едва ли верна.

13 декабря. Написал пока около восьмидесяти страниц моей новой работы «Этнографические очерки». Не могу еще сказать, во что выльется эта работа. Пока это только набросок, основа труда, которому еще надлежит придать окончательную форму. Главная идея его заключается в том положении, что дух старины вообще, и старины языческой в частности, довлест над нами в гораздо большей степени, чем это мы привыкли представлять себе. Из этого положения необходимо сделать некоторые практические выводы.

В Тяньцзине появилась 50-ая книжка «Современных Записок» из Парижа. К моему огорчению, моей статьи «Русские интересы в Китае» в этой книжке не оказалось. Париж, по-видимому, для меня недоступен. Придется оставить всякие надежды на какое-либо сотрудничество в издающихся в нем русских журналах и газетах. Может быть, они существуют только для генералов от русской литературы и журналистики. Сибирскому или дальневосточному солдату там не место.

Сегодня мы с Mr. More побывали в новом японском госпитале. Я хотел узнать, сколько будет стоить сделать один рентгеноскопический снимок. В одном месте нам сказали — 12 долларов, в другом — десять. Путной информации получить не удалось. Во всем госпитале мы не могли найти человека, который прилично говорил бы по-английски. Наверное, для выяснения состояния своего здоровья мне все же придется сделать поездку в Пекин.

14 декабря. Сенсацией дня является возобновление дипломатических отношений между Китаем и СССР¹. Начинается какая-то полная неизвестности фаза в развитии дальневосточных дел. Если проживем, увидим. По поводу нового поворота дел в китайско-советских отношениях один японский правительственный деятель заявил: «Элементы, наиболее нарушающие мир всего мира, теперь соединили руки. Япония стоит открыто против этих сил. Теперь от держав будет зависеть решение вопроса о том, позволят ли они господствовать на Востоке силам разрушения или же силам созидания и консолидации. Восстановление советско-китайских дипломатических сношений ставит этот вопрос совершенно прямо. Рядом с ним вопрос о будущем Маньчжурии имеет ничтожное значение». Заявлению этому нельзя отказать в некой знаменательности. В общем, большевики вертятся, как белка в своем социалистическом колесе. Внутри их порядочно подпекает экономика; извне досаждают дальневосточные соседи: то Китай, то Япония. Угодить обоим сразу чрезвычайно трудно.

Сегодня я слышал, что мемуары Беседовского* переведены на китайский язык и скоро выйдут в печати². Это будет, пожалуй, кстати по моменту.

15 декабря. Ученики наши держат экзамены. Поэтому мы с женой почти свободны весь день. Вчера я занимался всего только один час, сегодня — тоже.

Вечером жилец нижнего этажа под нами, еврей Меламед, личность «блатного» свойства, устроил грандиозный скандал, выбил ряд стекол в двери своей квартиры, потом начал избивать свою жену. Та подняла крик, собрался народ, пришла полиция. Скандалиста арестовали и увели в участок. Эти скандалы начинают меня нервировать: хоть переезжай на другую квартиру, если полиция не выселит скандалиста из концессии.

16 декабря. Виделся на днях с Шароглазовым, бывшим доверенным Тяньцзиньского отделения Русско-Азиатского банка. Он присутствовал в свое время при приеме вещей, сданных атаманом Ивановым-Риновым на хранение в банк, и категорически заявил, что знамени Ермака среди них не было. Поскольку он помнит, среди сданных вещей были войсковое знамя Сибирского казачьего войска, атаманская булава этого войска и жалованные ему грамоты. Точный список всего сданного на хранение у Шароглазова имеется, но на-

¹ Прерваны в результате Советско-китайского конфликта 1929 г. Восстановлены 12 декабря 1932 г.

² Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж: Мишень, 1930.

ходится в данное время в Мукдене. Он обещал достать этот список и вручить его мне. Если добуду этот список, перешлю его для сведения в Русский Заграничный Исторический архив в Праге.

Местная пресса, английская и китайская, уделяет большое внимание возобновлению дипломатических сношений Советской России и Китая. В сегодняшнем номере передовик газеты «Peking and Tientsin Times» пишет по этому вопросу следующее: «Вероятно, никаких немедленных эффектов международной важности не последует за возобновлением сношений между Китаем и Советским правительством. Сближение — это еще не союз. Признание есть теперь нормальное поведение по отношению к Русской революции, и оно просто соответствует реальности. Непризнание ненормально, и теперь даже всеми допускается, что новое демократическое правительство Соединенных Штатов будет держаться более реальной политики по отношению к Москве, чем это делает теперешнее правительство этого государства. Россия Сталина весьма отличается от России Ленина. Здесь могут еще быть случайные обращения к свирепому маханию старой красной тряпкой; официальная пресса порой все еще может принимать вызывающий тон, но воинствующая фаза прозелитизма¹ Революции прошла. Пятилетний план, поглощающий всю энергию страны, есть националистический идеал. Ситуация как на Дальнем Востоке, так и в Европе заставляет Россию возвращаться назад к ее национальной политике».

Как и все иностранцы, передовик «Peking and Tientsin Times» ослеплен пресловутой советской пятилеткой. Он, конечно, не знает или, может быть, не желает знать, что эта пятилетка в корне разрушила сельское хозяйство России, эту основу ее экономического существования, и вызвала к жизни небывалые продовольственные, финансовые и иные затруднения. Выправить советские финансы надлежало теперь Сокольникову, послу в Лондоне, вызванному некоторое время назад в Москву со специальной целью, но, видимо, и этот советский финансовый чародей увидел, что при режиме Сталина наладить финансы будет невозможно, и поэтому сегодняшние телеграммы принесли сообщение, что Сокольников уже арестован чекистами и отправляется в ссылку в Сибирь. Может быть, это и лучше, по поговорке: чем хуже, тем лучше. А что в Советской России в данное время очень худо, доказывается тем, как люди не перестают, несмотря на все опасности на пути, бежать из этого ада социалистического экспериментирования.

В Шанхае снова получены сведения из Токио от 5 декабря ужасающего характера. В этих сведениях сообщается: к берегам Японии прибило шлюпку с 4-мя беженцами из бухты Светлой¹. Трое из беглецов были полуживы, один оказался мертвым. Кроме того, на остров Хоккайдо прибыло вновь пять человек. На южный Сахалин прибыло пять человек. В японских водах рыбаками опять обнаружены плывущие к берегам Японии кунгасы с беженцами. По собранным от при-

¹ От слова прозелит: 1. Человек, принявший новое вероисповедание. 2. Новый горячий приверженец чего-нибудь (*греч.*).

бывших показаниям, они бегут от ужаса стерегущей всех смерти, так как лишенцы в концентрационных лагерях оставлены на зиму без запасов продовольствия и одежды.

17 декабря. Вчера вечером побывал в Русском клубе, чтобы посмотреть, что он из себя представляет в один из таких недельных вечеров, когда бывает игра в лото, от которой клуб богатеет. Для игры в лото собралось человек сто. Были тут и русские, и евреи; большинство, пожалуй, дам — как из числа скучающих и смотрящих на игру в лото, как на приятное и занятое времяпрепровождение, так и из числа тех, что пришли выиграть на бедность. Игра в лото происходит в нижнем зале клуба. В верхнем зале было занято публикой пять столов: четыре за картами (вероятно, бридж) и один за китайской игрой мачжан, той самой, от которой походили с ума многие наши дамы. В бильярдной, которая теперь находится в отдельном помещении во дворе клуба, было человек двадцать народа, следивших за игрой местных чемпионов бильярдного кия. В читальной комнате за столом было пусто: только на диване в углу я вспугнул парочку прильнувших друг к другу молодых людей, которые, видимо, проводили время в приятном флирте. На столе я нашел «Иллюстрированную Россию», «Рубеж» и несколько местных газет, но ни «Возрождения», ни «Последних Новостей» из Парижа я не видел. Кажется, читальня находится в полном пренебрежении. Материально клуб благоденствует, но культурное его значение, можно думать, более чем слабое. Руководителей его, местных честолюбцев волостного масштаба, эта сторона дела, видимо, мало интересует.

В клубе я должен был встретиться с его председателем А.А. Орловым, но он не пришел. Как я узнал сегодня, он выезжал на вокзал для встречи вновь поставленного епископа Виктора. Последний вчера приехал сюда из Пекина, чтобы устроить здесь свои дела и затем переехать уже на постоянное жительство в Шанхай. По своему приезду в Тяньцзинь епископ Виктор с вокзала проехал прямо в Покровскую церковь, где отслужил молебен и благословил всех собравшихся, сказав им теплое прочувствованное слово. Народу в церкви было так много, как бывает это на Рождество или Пасху.

Епископа Виктора я знаю с 1921 года, когда мы впервые встретились с ним в стенах Русской Духовной Миссии в Пекине. Тогда это был еще совсем молодой человек, только что пробравшийся в Китай из Туркестана, бывший офицер армии Дутова. При мне состоялось пострижение его в монахи. На моих же глазах затем развертывалась его пастырская деятельность в Тяньцзине, где он заслужил любовь прихожан благодаря своей доброте и отзывчивости. Теперь он епископ. Это наш епископ, свой, — говорят местные русские люди. Он вышел из нашей беженской среды, мы его любим.

К сожалению, молодой епископ почти все свое епископское время провел на миру, ему не пришлось посидеть в тиши монастырской кельи. Мне кажется, он вступает в свое епископское служение без достаточного запаса богословских знаний. За свое пребывание здесь он

¹ Бухта на севере Приморского края, Японское море.

не усвоил так необходимых в Китае языков: английского, китайского. Едва ли поэтому он сможет развить здесь когда-либо миссионерскую деятельность. Он был и останется нашим беженским пастырем, любимым своею паствой.

18 декабря. Воскресенье. Весь день провел на людях. На завтрак был приглашен нами Чжан Гочен. Кроме него были И.А.Головко-Улазовский и Ф.С.Москвитин.

В четыре часа я отправился с ответным визитом к Н.А.Щелокову. В его милой семье я встретил большое внимание к себе и с большим удовольствием просидел у него около двух часов. На обратном пути зашел ненадолго в Покровскую церковь, посмотрел служение епископа Виктора.

Вечером меня навестил Mr. More.

19 декабря. Сегодня дважды пришлось побывать в Бюро общественной безопасности и получить наконец свой новый паспорт. Вечером на прогулке я встретился на улице с епископом Виктором. Я проводил его до набережной Бэй-хо. Он рассказал мне кое-что из его недавнего путешествия по Европе и, между прочим, об интересной мимолетной встрече его в Берлине с нашим общим знакомым, генералом И.В.Тонких, перешедшим еще в бытность последнего в Китае на советскую службу. Епископ пригласил меня зайти как-нибудь к нему, чтобы посмотреть вывезенные им из Европы книжные новинки и альбомы.

20 декабря. Побывал сегодня же у епископа Виктора, пересмотрел все альбомы и фотографии, вывезенные им из путешествия в Европу. В Тяньцзине епископ предполагает прибыть до Крещения. Надумал послезавтра поехать в Пскин, где хочу полечиться у немецких докторов.

21 декабря. Из-за некоторых дел придется отложить мне свою поездку в Пскин на послезавтра, т.е. на 23 декабря. Собирался было поехать со мною в Пекин и Mr. More, но вчера отказался от своего намерения.

22 декабря. Пришло Рождественское приложение к газете «Слово» в виде отдельного иллюстрированного журнала¹. В этом приложении и в самой газете, в номере от 18 декабря, напечатаны пять моих статей и замсток. Это «Иркутская группа областников (из воспоминаний)», «Памятка Сибиряка», «О будущем Сибирского областничества», «Сибирская реликвия в Пекине» и «Знамя Ермака»¹. В приложении помещен мой портрет. Приятно было узнать, что цветная обложка приложения оказалась работы К.А.Хорват.

Завтра, выезжаю в Пекин для лечения. Господи, благослови!

²*23 декабря.* В половине девятого, утром, мы с женой выехали в автомобиле на вокзал. Меня проводил туда и И.Н.Головко-Улазовский. Я занял место во втором классе. Посидели вместе в вагоне, побеседовали; потом я простился с женой и с Улазовским. Поезд тронулся в 9 ч[асов] 15 минут. К моему удовольствию, в поезде оказались знакомые. Ко мне подсел Ровенский*, молодой человек, владелец

¹ Слово: Рождеств. прил. 1932. 18 дек.

транспортной конторы в Тяньцзине. Его отца, старого ссыльного в Сибири, бывшего народовольца, я хорошо знал еще по Иркутску. Ровенский ехал на иностранные праздники в Пекин, погостить у комиссара почты Полетти. Оказывается, их жены – родные сестры. В беседе время шло незаметно.

Подсел к нам ненадолго Заднепровский, в прошлом белый офицер, теперь владелец молочной фермы в Тяньцзине. Заднепровский – страстный охотник и не покидает охотничьего спорта и здесь, в Китае. Сейчас он совершенно один, без компаньонов, едет на охоту в провинцию Шэньси, примерно на две недели. Признаться, эта поездка меня удивила: как хочется таскаться так далеко, с ружьем, да еще одному, да еще и по Китаю.

В окно вагона я еще увидел старика Землякова, туркестанца, тоже ехавшего куда-то с нашим поездом.

В половине пути я вышел во время одной остановки поезда на перрон, чтобы немного подышать свежим воздухом, и встретил А.А.Орлова. Он ехал в Пекин для доклада архиепископу Симону о желании Совета Православного братства Тяньцзиньской церкви иметь настоятелем последней о[тца] П.Рождественского.

В Пекин наш поезд прибыл по расписанию. Рикша быстро домчал меня от вокзала до квартиры Я.Ф.Зверева, где я был радушно встречен хозяевами. Зверевы живут в Посольском квартале.

В час дня я позавтракал у них, а в два уже был на приеме у зубного врача Баранова в Рокфеллеровском госпитале. Пришлось долго ждать своей очереди. Я заметил, что у Баранова прибавилось много важности. Он просмотрел мой последний рентгеноскопический снимок зубов и заявил мне, что выдергивать зуб почти нет необходимости, подтвердив этим отзыв тяньцзиньского дантиста немца Эдера. Это меня, можно сказать, обрадовало: за последнее время я стал сильно нервничать перед зубными операциями и теперь был доволен, что этих операций больше не будет.

Я обратил внимание на то, что Рокфеллеровский госпиталь переполнен публикой, чающей лечения, почти исключительно из китайцев. Что это означает? Подтверждает ли это хозяйственную депрессию, порождающую больных, или же все усиливающееся доверие китайцев к европейской медицине?

По выходе из Рокфеллеровского института (официальное название Peking Union College Hospital) я немного погулял по Хатамен-стрит, в районе напротив Посольского города. Эту улицу я нашел увы! – почти в таком же виде, как я ее знал десять лет тому назад. В общем, Пекин все тот же.

Остаток вечера я провел у Зверевых, поужинав с ними. С Як[овом] Филипповичем, по обыкновению, много беседовали на истекшие, текущие и еще имеющиеся притечь политические темы.

¹ Серебренников И.И. Иркутская группа областников: (Из восп.) // Слово: Рождеств. прил. 1932. 18 дек. С. 9; Он же. О будущем сибирского областничества // Там же. С. 10–11; Он же. Памятка Сибиряка // Там же. С. 20–22; Он же (Сибиряк). Сибирская реликвия в Пекине // Там же. С. 50.

² Здесь и далее написано почерком А.Н.Серебренниковой.

Вечером, в 9 часов, мы с ним отправились к главе эмиграции Д.Л.Хорвату, продолжающему обитать, как и ранее, в доме бывшего Австрийского посольства. Генерал был дома. Он радушно встретил нас, предложил чашку чаю. Беседовали о многом. Между прочим, в этой нашей беседе я попытался выяснить давно интересовавший меня вопрос о том, кто же именно вернул в 1918 году адмирала Колчака с его пути из Америки в Месопотамию и направил его в Харбин. И из полученных мной разъяснений я узнал, что виновником сего обстоятельства был не кто иной, как сам генерал Хорват. Он не пожелал возглавлять собою накопившиеся в 1918 году в полосе отчуждения Кит[айской] Вост[очной] жел[езной] дор[оги] Белые силы и искал возглавителя. Его выбор остановился на адмирале Колчаке как весьма популярном лице. Последовали переговоры Хорвата с российским посланником в Китае князем Кудашевым. Оба они, т.е. ген. Хорват и князь Кудашев*, съездили вместе к английскому посланнику в Китае. Последний телеграфировал в Лондон, и английское правительство дало разрешение Колчаку отправиться в Харбин.

Вернулись мы домой от Хорвата часам к 10-ти вечера и долго еще затем сидели и беседовали на разные темы. Зверев рассказал мне немало интересного о местных русских резидентах, о русских женах иностранцев и т.д. Между прочим, у Элдера, богатого англичанина, ближайшего друга и советника маршала Чжан Сюэяна, жена – русская, в прошлом, кажется, танцовщица одного из мукденских баров, дочь сдва ли не стрелочника Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги], но тем не менее красивая и эффектная женщина. Супруги Элдер занимают ряд фешенебельных комнат в Hotel de Pekin. Говорят, что они проживают не менее десяти тысяч долларов в месяц. М[ада]ме Элдер намеревается купить себе у Я.Ф.Зверева соболий мех и заплатить за него 11 500 долларов. Таковы-то дела человеческие.

24 декабря. Ночь у Зверева провел не очень хорошо. Что-то не спалось на новом месте. Утром я отправился в Немецкий госпиталь и при любезном содействии О.Л.Зверевой записался на прием к профессору Кригу. До приема, который должен был быть в 12 часов, отправился я бродить по улицам Маньчжурского города полюбоваться той пестрой красотой, которой отличаются торговые улицы этого города. Зашел я в фешенебельный Hotel de Pekin и побывал здесь в книжном магазине «The China Bookseller», владельцем коего состоит француз Vetch. В магазине этом разыскал я бухгалтера, моего старого пекинского знакомого В.И.Розанова*. Встретились дружески.

В магазине множество книг о Китае. В Тяньцзине я ничего подобного не видел. Я был поражен вообще тем обстоятельством, что так много выходит теперь новых книг о Китае. Кажется, иностранцы лучше знают сейчас Китай, чем сами китайцы.

Ровно к 12 часам я был в госпитале. Не без волнения я направился на прием к проф[ессору] Кригу. Он начал исследовать меня, постукивать, послушивать и затем измерять давление крови. Окончив измерение, он быстро вскочил и убежал к своему письменному столу. Мне сказали, что я могу одеваться. В своей приемной комнате Криг сказал Ольге Львовне:

– Его нужно положить в госпиталь на испытание. При его возрасте нормальное давление крови не должно превышать 130, а у него – 200. Этак он может кончиться в любой момент.

Признаюсь, это открытие ошеломило меня. Дело оказалось серьезным. Пришлось согласиться лечь в госпиталь. Было только одно маленькое препятствие: завтра иностранное Рождество, дня два госпиталь не будет работать полным ходом – не лучше ли мне обождать? Но после некоторых колебаний я все же решил лечь туда сегодня же, не откладывая в долгий ящик. С этим решением я и вернулся к Зверевым.

В 4 часа дня я уже перебрался в госпиталь, где занял комнату № 3 с оплатой в 12 долларов в сутки, надеясь перейти потом в более дешевую комнату, шестирублевую, как только таковая освободится. Авансом я внес за свое лечение в кассу госпиталя 100 долларов. Итак, в первый раз в своей жизни за все свои пятьдесят лет я оказался в госпитале.

К вечеру мне уже принесли какую-то темного цвета микстуру, кажется, это был йодистый калий, и еще что-то в растворе, затем таблетка «Animda». Так началось мое лечение. Часов в 8 вечера меня навестил Як[ов] Фил[иппович] и просидел у меня около часа. В 9 часов я лег спать, но долго не мог уснуть: провозился часов до 12. В голову лезли разные думы. Невольно вспомнил я, как моя добрая жена настойчиво отправляла меня «к немцам» в Пекин. Я упирался. Она настаивала. Своим женским сердцем она предчувствовала, что со мной творится что-то неладное, что нужно скорее ехать к докторам.

– Немцы поставят тебя на ноги, – говорила жена, – вот увидишь! Дай Бог, чтобы это случилось, думаю я теперь.

Был иностранный сочельник. Где-то вдали слышалась музыка – исполнялись какие-то торжественные церковные гимны. Где это было, я не мог понять.

25 декабря. Иностранное рождество.

Проснулся я около 9 часов утра. Вскоре вошла ко мне немка, сестра милосердия, и приветливо спросила меня:

– Haben Sie gut geschlafen?

– Gut, – ответил я.

– Хао бу хао? – спросила она еще и по-китайски.

– Хао! – ответил я.

До утреннего завтрака я успел одеться и побриться. Мне принесли пориш (овсяную кашу), полную тарелку, пару яиц всмятку, компот из яблок, масло, варенье, тосты и два кусочка кекса. Для меня, непривыкшего к утреннему завтраку, этого было более чем достаточно. Я, однако, съел все с большим аппетитом. Я невольно подумал про себя:

– Вот так больной!

Утром зашел посмотреть на меня проф[ессор] Криг и разрешил мне гулять на свежем воздухе, когда я захочу. Это меня очень порадовало. Вскоре пришло первое письмо из Тяньцзиня от жены. Дома все было благополучно.

На моем столе появилась новая коробочка с лекарствами. Nitro sedran – это предназначалось для уколов, чтобы снизить давление крови. Обед был обильный и тоже очень понравился мне.

Часа в 4 дня я перешел в более дешевую комнату № 6. Понемногу осмотрелся. Я увидел, что госпиталь с 1922 года, когда я жил в Пекине, увеличился разными пристройками, пожалуй, болсе чем в три раза. В нем теперь до 120 комнат для больных, и почти все заняты. Две трети пациентов — китайцы, треть — европейцы. Было счастьем для меня, что мне удалось захватить дешевую комнату.

Днем совершил прогулку по Morrison street. Она стала как будто несколько наряднее и живее, чем была раньше.

По-видимому, все мое лечение на первое время будет состоять в снижении давления крови.

— Мы можем это сделать, — сказал мне сегодня д[окто]р Стикфорд, — но это будет медленно.

Служебный персонал госпиталя мне нравится: все вежливы и предупредительны.

26 декабря. Утро до обеда пробыл в госпитале. Около часу дня меня навестил д[окто]р Криг. Измерили давление крови, оказалось уже меньше — 180. После обеда гулял по ближайшим улицам. Вечером прогостил у меня, с 5 до 7 ч[асов], Я.Ф.Зверев. Он рассказал мне, что в этом госпитале некоторое время тому назад лечился и здесь же скончался Н.П.Пумпянский, социалист-революционер, известный в летописях революционной борьбы в Сибири. В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалованья в месяц. Умирая, он не скрывал того, что служил большевикам только ради «шкурных интересов», и заявил, что не верит в успех коммунистического эксперимента. По словам Я.Ф.Зверева, Пумпянским были написаны мемуары, которые после его смерти были положены на хранение в ссйф одного из местных банков.

Место, освободившееся за смертью Пумпянского, было занято проф[ессором] Устряловым. Кажется, это дипломатическое представительство Кит[айской] Вост[очной] ж[слезной] д[ороги] при Маньчжугу в Чанчуне.

27 декабря. — Хао бу хао? — говорит мне утром сестра милосердия.

— Хао! — отвечаю я неизменно. Я уже начинаю привыкать к своему госпитальному бытию.

Утром шатался по городу. Зашел к Зверевым, где получил письмо от жены. После обеда у меня взяли кровь для исследования. Это исследование давно меня интересует. Какие-то это даст результаты?

Вечером снова побродил по городу, потом в госпиталь и за книги. С интересом читаю «Современники» Алданова¹. Порой становится скучно. Долго ли придется пробыть в госпитале?

28 декабря. Не понимаю хорошо плана лечения. Пока снижают давление крови. Может быть, это и весьма важно. Но почему нет дальнейшего исследования состояния моего здоровья? Почему не обращают внимание на состояние моей печени, ног? А, впрочем, может быть, я напрасно нервничаю. Всему придет свой черед.

После обеда я съездил в North China Language School, где имеется отличная библиотека с огромным подбором книг о Китае. В самом колледже книги можно читать беспрепятственно, хоть весь день, а для того, чтобы получать их на дом, надо добыть рекомендацию и

внести 5 долларов залога. Я взял для просмотра труд англичанина Baddeley «Russia, China and Mongolia»². Это огромный труд, в двух томах. Пожалуй, это единственная в мировой литературе работа по полноте исторических сведений, относящихся к первоначальным отношениям России с Монголией и Китаем. Просмотр книги доставил мне много удовольствия. Кажется, я разыщу в ней немало интересных и новых для меня материалов для моей статьи «Албазин и Албазинцы».

29 декабря. Вчера вечером долго не мог уснуть: одолевали разные пессимистические настроения на тему: старость не радость! Посмотрел утром на себя: много седины, совсем выгляжу старичком. Я чувствую, что преждевременно состарился благодаря моим болезням, которые начали одолевать меня с 1927 года. Надо все же выправляться. Лучше поздно, чем никогда. Давление крови показало сегодня 182. На моем столе появился еще один новый медицинский препарат [зачеркнуто: для впрыскивания, с содержанием 2% йода. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

После обеда был снова в библиотеке North China Language School. Сделал ряд выписок и переводов из книги Baddeley.

30 декабря. По-видимому, анализ крови дал какие-то скверные для меня результаты. Д[окто]р Криг сказал сегодня мне, что мое лечение может занять четыре—шесть недель.

— Вопрос идет о лишних 20—30 годах жизни для вас, — добавил он.

Что-то долго нет писем из Тяньцзиня, от жены. Начинаю беспокоиться. Может быть, она не пишет, потому что собирается приехать сюда к Новому Году.

В 5 часов вечера ко мне зашел Зубец и принес мне для просмотра свою рукопись, страниц в 200, на тему «Моя служба в Китайских войсках».

31 декабря. Писем из Тяньцзиня все нет. Не понимаю, в чем дело. Начинаю, по своей нервозности, сильно тревожиться.

Пошел сегодня побриться в парикмахерскую «Аполлон» — она же и парфюмерный магазин, на Legation Street. Владелец ее оказался моим земляком, иркутянином. Фамилия его Фомин. Он покинул Иркутск еще в 1912 году. Я разговорился с ним. Оказывается, Фомин прожил 8 или 9 лет на Яве, где имел чайные плантации, уже несколько лет находится в Китае. Знает языки малайский, голландский, немецкий, английский, китайский.

— Ну каков климат на Яве? — спросил я его.

— Ох, не говорите, — махнул он рукой. — Круглый год потеешь и день, и ночь. Я измучился. Отнялись ноги. Стал доходить до истерии. Однажды со мной произошла галлюцинация: вижу, валит крупными хлопьями снег, так прохладно, хорошо было, как у нас в Иркутске.

¹ Алданов М.А. Современники. Берлин, 1928.

² Baddeley J. Russia, Mongolia, China, being some record of the relations between them from beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602—1676. London: Macmillan and company, limited, 1919. 2 vols.

Очнулся от галлюцинации – и разревелся, расплакался. Мы с женой после этого решили: будет! Надо менять место. Мы уехали в Харбин, где я прожил более года; ноги мои пришли снова в порядок, и здоровье поправилось.

Предприятие Фомина в Пекине работает, по-видимому, хорошо: за одно только помещение оно выплачивает 275 долларов в месяц.

Днем произошла неприятная встреча с русскими пьяницами-попрошайками. Один из них долго шел рядом со мною, кланчил на выпивку:

– Это наш, русачок, – говорил он мне и про меня. – Этот уж даст на похмелье.

Я дал попрошайке десять центов. Он остался недоволен.

– Чего мало даешь, давай больше!

Но все же отстал от меня.